

The cover features a central illustration of a young man with dark, wavy hair and intense blue eyes. He is wearing a dark, heavy jacket over a red turtleneck. A large, dark bird with its wings spread is perched on his shoulder, its head turned towards the left. The background is a dark, blue-toned architectural setting with windows, suggesting a gothic or urban environment. The overall mood is mysterious and dramatic.

Ольга Пашнина

Отверженный
принц

МИНИСТЕРСТВО
МЕРТВЫХ

Annotation

Дэваль – отверженный принц. Аида – его сестра, которой не должно было существовать. Их судьба – поддерживать равновесие, не давая тьме вырваться на свободу. А еще они знают: один из них должен исчезнуть.

Мир мертвых не прощает ошибок. Одно неверное движение – и ты отправляешься туда, откуда нет пути назад: в мир, где темные души хранят свои секреты. Попасть туда – означает погибнуть.

Но только не для наследницы Повелителя мертвых и напарницы стража, лучшего из лучших и... проклинающего день, когда судьба свела их вместе.

Камень кастодиометра сверкает ярко как никогда. Борьба за власть над миром мертвых разворачивается прямо сейчас.

Вторая часть популярного dark romance цикла Ольги Пашниной о девушке, ставшей наследницей мира мертвых, и отверженном темном принце.

Головокружительная смесь детектива и романтики.

Запретные чувства, которым герои не способны противиться.

Необычный авторский мир с атмосферой древних легенд.

Закулисье мира мертвых с его интригами и тайнами.

-
- [Ольга Пашнина](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)

Ольга Пашнина
Министерство мертвых. Отверженный
принц

© Пашнина О.О., текст, 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Глава первая

Надо мной простиралось кроваво-красное небо Аида. С тяжелыми серыми тучами, словно написанными грубой кистью художника, давно забывшего, как выглядит настоящее небо.

Откинув голову, я хрипло рассмеялась.

Иронично, справедливо, закономерен. Вот я и дома.

Не Дэваль, играющий с и без того страдающими душами. Не Вельзевул, заточивший мать своих детей в ад. Никто из тех, кто рассуждает о спасении мира, а потом идет на Маскарад Мертвых.

Мое место здесь, в этом нет сомнений. Но они заслужили быть рядом не меньше.

Сзади раздался глухой рык. Инстинкты сработали прежде разума, я вскочила на ноги – и это спасло мне... что? Жизнь? Здоровье? Разум?

Существо, над которым издевался Дэваль, затащив меня в ад, не успокоилось. Из движений окончательно исчезли человеческие повадки. Здесь, среди красноватых безжизненных пейзажей, монстр казался монстром. Озлобленным, кровожадным, готовым к атаке.

– Прошу заметить, – сквозь зубы процедила я, – что касание мне уже не навредит, так что я хорошенько тебя отделаю.

На самом деле я бравировала. Понятия не имела, смогу ли победить в драке без правил с чем-то, давно утратившим человеческий облик. Дэваль справлялся с легкостью, но его с детства учили противостоять темным душам. А меня пару раз приложил об пол Самаэль – и на том тренировки пока закончились.

Но терять мне уже было нечего. Никто не может спуститься в Аид.

Отныне это – мой дом.

Монстр кинулся мне навстречу, мы упали на землю, и нечеловеческим усилием я сбросила его с себя прямо на острые камни. Руку обожгло болью. К счастью, всего лишь от ссадины. Что ж, здесь есть боль.

Жалость, которую я испытала, увидев, как Дэваль играет с несчастным, улетучилась. Прежде чем монстр поднялся для нового прыжка, я схватила первый попавшийся камень и ударила.

Недостаточно сильно, чтобы убить, но достаточно, чтобы отправить в нокаут.

Задыхаясь, я пошатнулась – все случилось слишком быстро. Переход в Аид, похоже, отнял последние силы после поверхностного, полного кошмаров сна у прорехи.

А потом я заметила движение.

Всюду вокруг, на скалах, появлялись темные души.

Некоторые выглядели почти как люди, в некоторых с трудом угадывались черты выходцев из иных миров, но гораздо больше было тех, кто перестал быть собой давным-давно. Кто принял правила игры, позволил Аиду изменить их.

У меня вырвался сдавленный всхлип. Я не стану такой! Не позволю себе стать чудовищем!

Я выживу. Здесь наверняка можно выжить, нужно лишь найти укрытие и хоть кого-то, кто поможет. Не все темные души прогнили насквозь. Кто-то здесь должен обладать хотя бы здравым смыслом.

Они все смотрели на меня. Не двигались и, кажется, даже не дышали. Пожирали взглядами, принохивались, словно пытались понять, насколько опасен вновь прибывший страж.

Расправив плечи, я огляделась. Всюду, куда хватало взгляда, простирались красноватые скалы. Песок и камни под ногами обжигали. От сухого воздуха слезились глаза и першило в горле. Нет, здесь не было огненного ада, каким порой представляли Аид наверху. Не было церберов и демонов, следящих за грешниками.

Это была выжженная насквозь, распаленная магией мертвая земля. Некогда бывшая прекрасным миром, оставшимся лишь на полотнах в доме Вельзевула. Если бы кто-то задумал создать ад, он не получился бы таким впечатляющим. Мироздание само наказало непослушных детей.

Министерство, стражи, судьи и проводники со смертными вдруг показались игрушечными солдатиками на столе у мальчишки. Я вдруг отчетливо поняла: стоит этой силе вырваться, пройти через хрупкий Темный Предел, и все усилия окажутся тщетны. Наши миры превратятся в безжизненную пустыню.

– Какая она крас-с-с-сивая, – раздался шепот.

– Вкус-с-с-сная...

– С-с-с-сладкая-а-а-а...

– Мы сделаем ее одной из нас-с-с-с...

– Но с-с-с-начала поигра-а-аем...

Я беспомощно огляделась в поисках оружия. Только камни.

Боги, ну почему вы не снабжаете стражей оружием?! Почему, попав сюда, мы не можем даже защититься?!

– Мы с-с-сделаем ее крас-с-с-и-и-ивой...

– Хочу попробовать ее кровь...

– МОЛЧАТЬ!

Я вздрогнула: на фоне свистящего шепота громкий, уверенный мужской голос прозвучал чужеродно. Как будто в приглушенную аудиодорожку фильма вдруг вклинился нарочито громкий рекламный блок.

Чудовища расступились. Наверху, там, где все было настолько далеким, что казалось крошечным, появилась темная фигура.

И сердце пропустило несколько ударов.

Я так сильно сжала кулаки, что ногти до крови впились в ладони, но боль не отрезвила.

Я знала этого голос. Слишком хорошо знала.

Там, наверху, среди темных душ, стоял единственный человек, которого я любила.

Мой отец.

– Поднимайся сюда, Аида, – произнес он. – Видишь камни справа от тебя? По ним можно добраться до меня. Не делай резких движений и не смотри им в глаза. Не бойся. Они не тронут тебя, пока ты не покажешь слабость.

Не показывать слабость, когда увидела единственного близкого в аду? Когда на тебя обрушилось столько эмоций – от горечи до непонимания, – что с трудом получается дышать.

Что папа делает здесь? Он не заслужил ад! Не заслужил быть в этом месте, стать одним из миллионов монстров! Не заслужил смотреть на выжженную пустыню с красным небом. Может, любовь ко мне и не достойна Элизиума, но не отправлять же за нее в Аид! Ничего другого отец не сделал. Влюбился в актрису, остался с маленькой дочерью на руках и воспитывал ее, как умел.

За что он здесь? Занимался чем-то незаконным? Я не знаю, как мы выживали, когда я была маленькая, папа говорил, нам было сложно. Неужели ради меня он уничтожил шанс для своей души?

Короткая схватка с монстром отняла все силы. К нагромождению камней, действительно напоминавших лестницу, я подошла на негнущихся ногах. Взобраться наверх – непростая задача. Я чувствовала, как жадно души вокруг за мной наблюдают. Как ждут, когда я оступлюсь и попаду в их лапы.

В детстве папа говорил «не бойся», и я не боялась. Он всегда стоял между мной и опасным, жестоким миром. Что бы ни происходило, я не боялась.

А сейчас испугалась.

С трудом я взобралась на первый валун, оцарапав руку. Отдышалась, примерилась к следующему камню и едва не рухнула вниз, поскользнувшись.

– Будь осторожна, детка, падать здесь так же больно, как и в нашем мире, – сказал папа.

Внутри разлилось приятное тепло. Я не одна. Я ему не безразлична.

После его слов будто открылось второе дыхание. Я быстро преодолела несколько метров и, когда до выступа, на котором стоял отец, осталось несколько метров, замерла.

– Даркблум!

Не поверив собственным ушам, я обернулась. По рядам монстров прошелся тревожный шепоток. Они узнали того, кто звал меня. Их ночной кошмар, их палач.

Дэваль Грейв.

– Спустись ко мне! – приказал он. – Немедленно!

Меня охватило странное чувство, похожее на... радость? Мне стало радостно, что Дэваль за мной пришел?

Страхнув оцепенение, я с новыми силами полезла наверх.

– Нет, Даркблум!

Дэваль умолк. Я продолжала карабкаться.

– Аида, вернись.

Мое имя, сорвавшееся с его губ, прозвучало как-то неестественно, пугающе. Но я все же замерла и снова обернулась.

– Нам пора. Спустись ко мне, я выведу нас отсюда.

– Зачем? – спросила я.

– Это Аид.

– Он не так уж пугает.

– Ты лжешь. Я чувствую твой страх. И они чувствуют. Спустись ко мне, мы уйдем. Если ты попадешь к ним, я не смогу помочь.

– И всем будет проще.

– Тебе не будет.

– Обо мне не беспокойся.

– Вернись.

– Зачем?! – Я сорвалась на крик, и монстры вокруг разволновались, зашептались, оскалились. – Чтобы ты продолжил надо мной издеваться? Чтобы я и дальше мешала Селин? Чтобы навязывалась Самаэлю? Зачем нужна душа, настолько темная, что даже кастодиометр не нашел ни грамма света? Ты же добился своего! Я там, где мне и место.

– Нет, – стиснув зубы, отозвался Дэваль.

– Все, чего я хотела, – найти папу. Я не хочу возвращаться в мир, где для него не нашлось места. Не хочу зарабатывать себе право на Элизиум, зная, что он здесь превращается в чудовище.

– Поэтому хочешь превратиться вместе с ним?

– Хочу остаться с тем, кому верю.

– Тебе придется поверить мне.

Дэваль сказал это неожиданно мягко, с каким-то... страхом в голосе? Как будто только сейчас понял, что я серьезно собираюсь остаться в Аиде.

Были ли еще такие сумасшедшие в его мире?

– Тебе лучше послушать юношу, родная, – раздался голос папы сверху. – Иди с ним, Аида. Забудь обо мне и об этом месте. Живи.

Жить, зная, что бросила его здесь? Снова и снова приходиться на занятия, надеясь, что однажды кастодиометр покажет, что я достойна второй попытки? Стоять в дозоре и молиться богам всех миров, чтобы очередной вырвавшейся душой не оказался папа?

– Я хочу, чтобы ты ушел со мной!

– Это невозможно.

Сердце болезненно сжалось. Я так давно не слышала его голос! Эти мягкие, терпеливые интонации, которые появлялись каждый раз, когда папа что-то объяснял. Что бы ни случилось, он был спокоен, излучал уверенность и тепло.

А сейчас я должна добровольно с ним попрощаться и вернуться туда, где нет никого, кто бы меня любил?

– Я так не могу.

Слезы пролились на щеки. Я поспешно отвернулась, чтобы Дэваль не заметил. Папа наверняка знал, что я плачу. Он всегда знал.

– Ты не заслужила сгинуть здесь, дорогая. Это моя победа: то, что у тебя есть шанс. Долгое время единственной моей мечтой было знать, что ты в порядке. Что я хорошо тебя воспитал. Что ты пережила мою смерть и стала сильной. Но я никогда не позволял себе даже думать о том, что увижу тебя. Ты не должна здесь быть. И тебе надо уйти.

– Пап...

– Сколько тебе сейчас? Когда ты умерла?

– В девятнадцать.

– Такая взрослая, – я не видела его лица, но уловила в голосе улыбку, – и такая маленькая. Уходи, Аида. Беги быстрее! Я не смогу сдерживать их долго. Ну же!

– Почему ты здесь, за что ты в Аиде?!

Темные души вокруг зашевелились, заворчали. Что бы ни сдерживало их до этого, оцепенение спадало.

– ЖИВО! – рявкнул отец, и я сорвалась с места.

Лишь поколебавшись пару мгновений, спрыгнула вниз, по камням, прямиком в руки Дэваля. Ощувив ненавистный запах и тепло его тела, дернулась, рыкнула и ударила что было силы.

– Ненавижу тебя!

– Да.

– Это из-за тебя! Из-за твоих игр!

В последний раз я обернулась, чтобы посмотреть на отца, но увидела лишь удаляющуюся фигуру. И понимание накрыло невыносимым удушьем, как будто воздух просто закончился: он уходил, чтобы я не передумала. Чтобы ушла с Дэвалем, не сорвавшись в последний момент.

– Идем. Идем быстрее!

Он крепко взял меня за руку, не оставив шанса вырваться, и потащил куда-то в глубь скал, туда, где клубилась тьма. Несколько душ дернулись было в нашу сторону, но, когда Дэваль обернулся, зашипели и отшатнулись.

Во тьме мне стало холодно. Ничего не видя, слыша лишь хрипкое дыхание монстров в округе, я шла за Дэвалем, дрожа от холода и выброса адреналина. Казалось, в любую минуту я могла просто

отключиться, осев на каменный пол, и остаться здесь навечно. Но парень упрямо тащил меня за собой до тех пор, пока во тьме не появился просвет.

Теперь я знала, почему темные души так редко выбираются из Аида. Подобные кошмары не раз мне снились: в абсолютной тьме я с трудом, словно находясь в вязком киселе, пытаюсь пробраться к свету, снова и снова отдаляясь от него. Ориентироваться в этом месте, чем бы оно ни было, казалось невозможно. Если бы Дэваль отпустил меня, я бы не выбралась ни к прорехе, ни обратно к отцу. Осталась здесь навечно, блуждая в поисках просвета, неумолимо превращаясь в чудовище.

Яркий свет ослепил так внезапно, что я едва не упала. Пытаясь спасти слезящиеся глаза, я не заметила, как Дэваль толкнул меня вперед, а в следующую секунду в нос ударил знакомый запах пещерной сырости.

Мы вернулись в Мортрум.

Прореха за нами закрылась. Точнее, ее закрыл Дэваль.

Без сил я прислонилась к стене и зарычала. Настолько отчаянно, что парень даже растерялся.

– Почему?! За что он там?! Он хороший человек!

– Даркблум...

– Он не заслужил! Почему я здесь, а ему не дали шанса?! Я причинила в сотни раз больше зла, чем он!

– Ты этого не знаешь.

– Знаю! Не смей говорить, что я не знаю отца! Не смей говорить, что он заслужил!

– Я ничего о нем не знаю. Но в Аид не попадают по ошибке. Кастодиометры не ошибаются.

– Тогда почему я все еще здесь? Мой показал, что во мне ни капли хорошего.

– Я не знаю. Но твой отец хотел, чтобы ты вернулась. Если ты считаешь его хорошей душой, то должна прислушаться.

– И просто смириться? Жить здесь, пока он там мучается... Ты бы...

Я осеклась, собираясь закончить предложение как «смог так жить?», но вспомнила рассказ Самаэля. Дэваль уже так живет. Его мать

в Аиде. А он здесь, и в отличие от меня не верит в новую жизнь или Элизиум.

Я вытерла глаза и поднялась, пошатываясь. Не так я себе представляла первый дозор.

– Я хочу в архив.

– Что?

– Мне нужно знать, за что папу отправили в ад. В архиве есть его дело, я знаю. Ты меня туда отведешь.

– Забудь! – Дэваль рассмеялся.

– Иначе я пойду и расскажу Вельзевулу, как по твоей вине попала в Аид. Как ты играл с той душой и оставил меня одну.

С его губ медленно сползла улыбка.

– Видишь? Это просто ошибка. Это мое место за Пределом. Отец был гораздо лучше.

Молчание тянулось мучительно долго. Внешне я была совершенно спокойна, собранна и хладнокровна, а внутри молилась, чтобы Дэваль купился. Потому что иначе осталось бы только умолять и пришлось бы утром, вместо того чтобы отсыпаться после дозора, хоронить и поминать гордость.

– Ты сильно пожалеешь, – наконец хмыкнул Дэваль. – Но как хочешь. Только...

Он приблизился.

– Если нарушишь слово и станешь трепаться, я сделаю что-то очень... очень нехорошее там, за Пределом. Твоему отцу это не понравится.

Ощувив, как ярость вытесняет прочие эмоции, я толкнула Дэваля в грудь.

– Ну и скотина ты!

– Стараюсь от тебя не отставать! Завтра ночью. За проникновение в архив по головке не погладят. А теперь пошли. Тебе надо в колледж.

– А помыться мне можно?

– А ты знаешь, как это делается?

Чем дальше мы шли по коридорам, тем скучнее, больше по инерции, переругивались. Я вся была в земле Аида. Хотелось в душ, в постель, закрыть глаза и забыться, но придется идти в колледж. Отсижу пары и смогу уйти – мне дали полтора дня выходных, чтобы прийти в себя после дозора.

Хотя, если честно, чтобы прийти в себя, мне нужна... вся жизнь?

Я ненавидела жить с ощущением ноющей боли внутри. Впервые я узнала это чувство, когда погиб папа. Поняла, каково это: засыпать и просыпаться с тоской, забываться на короткие мгновения и снова и снова вспоминать о жуткой реальности. Все вокруг ходили кругами и сокрушенно шептались: «бедная девочка», «она тяжело переживает утрату». А я злилась, потому что не могла перестать быть этой бедной девочкой. Не могла ничего исправить, сделать так, чтобы стало легче.

А сейчас могу?

Глупо в это верить, но я почему-то верила. Что раз отец еще помнит себя, не утратил человеческий облик, его можно вернуть. Нужно лишь найти доказательства, что это ужасная ошибка. Что он хороший человек, заслуживающий второго шанса. Заставить Вельзевула вновь взвесить папину душу. Нужно лишь отыскать в архиве его дело и понять, что могло повлиять на измерения. Ничего сложного!

– Ну и что вы мне скажете?

Из тьмы навстречу нам вдруг вышел Самаэль. Да с таким видом, что сердце ушло в пятки: он знал.

Впрочем, это он сразу опроверг, смерив нас задумчивым взглядом. Должно быть, перед началом рабочего дня решил убедиться, что все в порядке и дети не поубивали друг друга в темном тоннеле.

– Как прошел дозор?

– Нормально! – хором откликнулись мы, переглянувшись.

Пожалуй, даже если бы я сказала: «Попала в Аид, встретила там давно погибшего отца, чуть не была сожрана темными душами, а потом вместе с твоим братом вернулась обратно», – это вызвало бы меньше подозрений.

Некоторое время Самаэль внимательно нас рассматривал.

– Почему она грязная? – наконец спросил он у брата.

Дэваль флегматично пожал плечами.

– Было скучно. Решили заняться разнузданным грязным сексом.

– А почему испачкалась только она?

– Первый дозор, – отозвалась я. – Не все получилось. В следующий раз еще попробуем. Энциклопедии почитаем.

– Почему мне хочется вас обоих за что-нибудь наказать?

– По Фрейду? – фыркнула я, и, похоже, надежды на то, что Самаэль не поймет подкол, не оправдались.

– Домой! Быстро! Ты, – он ткнул пальцем в Дэваля, – проводи ее. И чтобы без эксцессов! А ты вымойся и переоденься, а потом марш учиться! Все ясно?

– Ага, – снова хором ответили мы.

Такие радикальные перемены не могли не вызвать подозрения, но Самаэль благоразумно промолчал и, похоже, решил лично убедиться, что мы ничего не натворили, не сломали и не стырили, потому что направился не вместе с нами в министерство, а куда-то вглубь, к тоннелям, пещерам и прорехам.

– А это безопасно? – к собственному удивлению, заволновалась я.

– Надеюсь, нет, – буркнул Дэваль.

Когда необходимость сплотиться перед общим враньем отпала, он снова превратился в угрюмого холодного сноба. Ну и не очень-то хотелось.

До дома шли в молчании, собирая заинтересованные взгляды прохожих – прямо как по пути туда с Самаэлем. Должно быть, мой видок добавлял интриги, и к вечеру появятся новые слухи. Еще не знаю какие, но непременно появятся.

– Ночью, – повторил он, прежде чем оставить меня у двери комнаты. – Будь готова.

Сердце забилось чаще. Сегодня ночью я попаду в архив! Узнаю наконец, почему папу отправили в Аид, и придумаю, как ему помочь.

С наслаждением приняв душ, вычесав из волос землю и мелкие камешки, я замоталась в полотенце и, старательно борясь с сонливостью, принялась собирать сумку в колледж. Все тело ломило. После тренировки с Дэвалем и настоящей битвы с темной душой я чувствовала себя так, словно каждую клеточку хорошенько отбили молотком. Щеки и лоб горели. Интересно, в этом мире можно простудиться?

Я вытащила из шкафа форменное платье и уже потянулась было к полотенцу, чтобы начать переодеваться, как вдруг подскочила от грохота резко распахнувшейся двери.

– Аида! – выдохнул Дарий, как будто ожидал увидеть кого угодно, но не меня. – Ты... ты здесь...

– Да, я здесь. Что у тебя случилось?

– Э-э-э... нет, я... извини...

Он даже немного покраснел, поспешно отвел взгляд и отшатнулся. За спиной у Дара весело посмеивался Дэваль.

– Ну и сволочь же ты! – буркнул младшенький.

– По-моему, что-то осталось за кадром и мешает мне понять, что вы оба делаете в моей комнате.

– Осторожнее с этим краснеющим скромным заботливым мальчиком, – хмыкнул Дэваль. – Он любит делиться игрушками со старшими братиками.

Дар вспыхнул, только уже не от смущения, а от ярости. А я закатила глаза.

– Что, и с тобой делился?

– Бери выше, Даркблум. – Его глаза опасно блеснули.

– Ну ты и сплетница.

– Просто предупреждаю. Игра в хорошего и плохого стража – наша любимая.

– Судя по всему, ты постоянно проигрываешь. Хочешь знать, какая моя любимая игра?

– М-м-м?

Первая туфля полетела ему четко в лоб, и лишь отменная реакция спасла Дэваля от шишки. Дар такой не обладал, поэтому получил хорошо, прямо острым носком.

– Ай! За что меня?! Я хотел убедиться, что ты в порядке!

– Убедился? Вон из моей комнаты, я из-за вас на учебу опоздаю!

Под довольный смех Дэваля братья вывалились в коридор, и дверь захлопнулась сама собой, оставив меня в одиночестве и без туфель. Конечно, в коридоре их не обнаружилось, зато нашлись в гостиной, на верхней полке книжного шкафа, куда я не достала бы при всем желании. И если Грейв думал, что этой дурацкой выходкой он меня заденет, то у меня много вопросов к его интеллектуальным способностям.

Закинув сумку с коньками на плечо, я гордо пошлепала на занятия как была, босая, про себя посмеиваясь над очередной маленькой, но победой духа земной девушки над сволочизмом бессмертного сноба.

А потом на входе в министерство меня встретила Селин.

– На занятия принято являться в форме, страж Даркблум, – холодно произнесла она. – Придется отработать штрафные баллы

после пар.

Да, порой с Дэвалем так. Ты уверена, что победила, и эта уверенность – твое поражение.

– Туфельки? – Селин фыркнула и прошла мимо него за стол, заваленный бумагами. – Ты меня пугаешь, Дэв. Прятать туфельки сестрички – это не то чтобы не твой уровень... ты даже в детстве придумывал более изощренные розыгрыши.

– Имею я право на маленькие слабости? – усмехнулся он. – Что-то не заметил, чтобы ты сильно сопротивлялась маленькой гадости для нашей принцессы.

– Она сама как маленькая гадость. Как ты ее терпишь?

– Постоянно думаю о тебе.

Селин скривилась, настолько явственно в голове Дэваля прозвучал сарказм.

Ладно, это было жестоко. Об отношениях брата с супругой уже не шушукаются, а говорят в открытую, и странно, если бы Селин это не бесило. Аида – яркая, о ней и Самаэле говорят не меньше. Это бесит. Порой так сильно, что он ненавидит не только ее и брата, но и тех, кто смеет думать об их связи.

– Это все? – спросила Селин. – Ты пришел ко мне сразу после дозора, чтобы насладиться триумфом после детской выходки?

– Нет. Я пришел, чтобы попросить помощи.

Ее руки замерли над бумагами.

– Помощи? Ты просишь помощи у меня?

– Ты можешь пересекать границу между нашим миром и Землей.

– И что ты хочешь от меня?

– Я хочу избавиться от Аиды Даркблум. Без тебя это сделать не выйдет. Ну что? Хочешь спасти свой брак, Селин Сонг?

Глава вторая

Из-за наказания, на котором меня заставили чистить кастодиометры после занятия очередной группы бедолаг, я не успела поспать. Боялась, что если усну и в этот момент зайдет Дэваль, то потеряю шанс попасть в архив. А мне нужно было в него попасть. Мысли об отце буквально сжирали изнутри.

От недосыпа подташнивало. От волнения трясло. Когда раздались три коротких стука, я подскочила и пулей метнулась к двери, не давая Дэвалю шанса передумать.

– Идешь? – мрачно спросил он, и я закивала. – Тогда тихо. Если нас увидят – будь уверена, мытьем чашечек не отделаешься.

– Твоя работа, да? – скривилась я. – Знал, что меня накажут.

– Ага. И ты ничего не можешь мне сделать, потому что очень хочешь в архив. Хочешь настолько сильно, что если я попрошу попрыгать на задних лапках, то прикинешься цирковой собачкой.

– Напомнить, что ты ведешь меня в архив, потому что чуть не угробил во время дозора? И не хочешь, чтобы папа узнал о развлечениях любимого сыночка?

– Главное, – Дэваль демонстративно поправил мне воротник куртки (его же собственной, к слову), – чтобы папа не разочаровался в тебе. Когда узнает.

– Твой папа меня мало интересует, я забочусь о своем.

– Хватит препираться! Идем уже, ночь короткая, и я не собираюсь тратить на тебя ее всю.

Как две тени мы проскользнули к выходу, и на этот раз судьба была ко мне благосклонна: нам не встретилось ни одной живой души. Хотя я была почти уверена, что из-за какого-нибудь шкафа выскочит Самаэль с торжествующим криком «Ага!». И пугало не столько то, что он накажет за попытку проникнуть в архив, сколько увидит нас с Дэвалем, куда-то собирающихся вместе. Моя репутация не позволяет гулять с ним по ночам. Единственное, что я могу делать с Дэвалем ночью, – это закапывать его тело на заднем дворе.

– Значит, так, – сказал он в полный голос, когда мы достаточно удалились от дома, – архив – не библиотека и не книжная лавочка. Это

непростое место, поэтому слушай внимательно. Мы зайдем. Найдем записи о твоём отце. И выйдем. Не отвлекаясь. Не читая другие дела. Поняла?

– Ага. Другие меня не интересуют. А что такого необычного в архиве?

– Там хранятся все судьбы миров.

Дэваль произнес это таким будничным тоном, словно мы говорили о меню в министерской столовой. Я поежилась. Для нас жизнь, судьба – это все. А для них просто папка в огромном архиве.

– Ты же не думаешь, что кто-то бегает и вручную записывает все ваши мелкие грешки? Архив – место пересечения множества дорог, единственная точка в нашем мире, откуда можно выйти в немагические миры. И в Аид. Поэтому не лезь к неизвестным дверям и не суйся в непонятные коридоры. Никогда не знаешь, где выйдешь. Мы не можем пересечь границу миров без сопровождающего, это чревато очень мучительной смертью. И под смертью я имею в виду окончательное прекращение существования.

– Архив создал Вельзевул?

– Нет, – после паузы произнес Дэваль. – Лилит. Это её детище. Именно поэтому оно так опасно. Мы до сих пор не знаем всех секретов архива и того, куда ведут двери в нём. Хотя я не буду возражать, если ты нарушишь правила и исчезнешь. Даже не стану придумывать правдоподобное объяснение, скажу как есть.

Я закатила глаза и пробурчала что-то невразумительное, но едкое, как обычно. А сама подумала: как так вышло, что за сутки (мучительные, невыносимые, опасные и нервные бессонные сутки) Дэваль научил меня большему, чем Самаэль и преподаватели колледжа, вместе взятые?

Ненавижу нас обоих за то, что его так интересно слушать.

Где бы разузнать побольше о Лилит?

В этой части города я ещё не была. Здесь не было баров и скверов, только пугающе одинаковые корпуса с темными окнами. Похоже, здесь никто не жил, во всяком случае, даже окраины, куда меня пару раз заносило вечерами, казались оживленнее. Дэваль подтвердил мои подозрения:

– Здесь слишком много магии. Жить здесь невыносимо.

– И снова магия. Та самая, от которой я должна избавиться.

– Некоторые вещи невозможны без нее. Архив – одна из таких. Неизбежное зло.

– И что, здесь хранятся все-все истории душ?

– Да. Всех, когда-либо существовавших и существующих... кроме тех, что отправляются в Элизиум. Там начинается новая жизнь.

– И мы просто туда войдем? Или полезем, как домовники, через окно?

– Просто войдем, – разочаровал меня Дэваль, – я могу входить куда захочу.

– И никто не узнает?

– Никто не узнает. Если ты не растреплешь.

На это я промолчала. До сих пор не была уверена в дальнейших действиях. Жажда залезть в архив так затуманила разум, что я совсем не думала о том, что будет дальше. Ну залезу я туда, ну узнаю, что папа, например, топил котят и за это отправился в Аид, что дальше? Как вытащить его оттуда?

Горгульи на входе не шелохнулись, когда мы приблизились, и это удивило. Обычно при виде посетителей они расступались. Две уродливые крылатые твари с огромными – при виде их пробирала дрожь – зубищами сидели у входа, опустив головы, словно спали. Дэваль мягко коснулся плеча одной из них и что-то прошептал.

– Что это значит?

– Доказательство того, что я имею право войти.

– Какое?

Он смерил меня таким издевательским взглядом, что я даже слегка покраснела. Но попытаться-то стоило.

В нос ударил запах старой библиотеки. В архиве почти не было света, приходилось идти медленно и осторожно. Шаги эхом разносились по длинному коридору, ведущему куда-то в глубь города-замка. Помня о предостережениях, я старалась на всякий случай даже не шевелиться и, если б не была такой заносчивой стервой, взяла бы Дэваля за руку. Но вместо этого сунула руки в карманы куртки и напустила равнодушный вид. Мол, и не в таких библиотеках бывала.

Правда, в следующую секунду равнодушие как рукой сняло. Я ахнула и завертелась вокруг собственной оси, как восторженный щенок.

Мы оказались в огромном зале, с невероятной высоты потолками. Наверное, сюда вошел бы какой-нибудь средненький небоскреб, потому что как я ни пыталась, так и не смогла рассмотреть потолок. Он уходил высоко-высоко во тьму, и вместе с ним туда стремились стеллажи.

Миллионы. Миллиарды. Проходы между ними расходились лучами от зала в центре. На каждой полке сотни тонких книг. В каждой – история души. Любовь, ненависть, страдания и счастье. Вся наша жизнь, которой мы так дорожим, уместается в тонкую книжечку и теряется среди миллиардов таких же.

– Это место напрасно назвали архивом. Это кладбище историй.

– На кладбище покоятся мертвые. А эти жизни еще не закончились.

Я старалась не думать, что где-то там есть и моя книга.

– Ладно, и как мне найти нужную? Не вижу указателей или лестниц.

Вместо ответа Дэваль потянулся к ближайшему шкафу, вытащил откуда-то из потайного ящичка стопку листов, ручку и протянул мне.

– Напиши все, что знаешь об отце. Имя, дату рождения, место рождения, место жизни, любые факты из биографии. Чем подробнее напишешь, тем быстрее найдешь.

Отойдя в сторону, чтобы не подглядывал, я с трудом – от волнения и недосыпа голова почти не соображала – написала все, что знала об отце. И поняла, что на самом деле не так уж много. Это заняло куда больше времени, чем я ожидала.

Можно ли назвать фактом его любовь к маме, я ведь ее почти не помню?

А ко мне? Может, папа лишь выполнял долг, давая мне столько любви, сколько полагалось давать дочурке-сиротке?

– Эй, ты чего застряла? – раздался голос Дэваля. – Провозишься до утра – попадемся.

– Ты не хочешь чем-нибудь заняться и не отвлекать меня? – огрызнулась я. – Можешь, например, почитать дело своей подружки. Вдруг там написано, как правильно за ней ухаживать?

– Что прочитать? Какой подружки? Даркблум, ты головой там в Аиде не билась?

– Я о Шарлотте. Она, кстати, придет к нам в гости. Самаэль предложил мне устроить вечеринку с друзьями.

– А я здесь при чем? Не обольщайся, то, что я с тобой говорю, не значит, что мы друзья. Просто когда у тебя рот занят беседой, ты им не доводишь меня до белого каления. И прошу оценить, как я сейчас мужественно сдержался и не пошутил про занятый рот.

– Попрошу Харона привезти тебе шоколадную медаль. Вообще была мысль, что ты решил быть поприятнее, потому что я дружу с Шарлоттой.

– Да при чем здесь какая-то Шарлотта?! – наконец рыкнул Дэваль, и я даже забыла, зачем вообще сюда явилась.

– Вы ведь встречаетесь.

– Нет, мы не встречаемся. Кто тебе это сказал?

– Шарлотта.

– Поздравляю. Твоя подружка – врунья. Под стать тебе. Понятия не имею даже, как она выглядит. Ты все? Написала? Дай сюда.

Пока я стояла открыв рот и пыталась осмыслить, что все рассказы Шарлотты об ее отношениях с Дэвалем – ложь, он забрал у меня листок, сложил из него самолетик и запустил куда-то в темноту.

– Сейчас он найдет нужное дело, и оно свалится прямо сверху. Обычно на это требуется пара минут.

Зачем Шарлотта соврала?!

– И осторожнее шарахайся по темным углам. Неизвестно, что там живет.

Если они не встречаются, то почему Самаэль предложил позвать друзей? Я думала, хочет под благовидным предлогом взглянуть на девушку брата.

– Ау-у-у! – Дэваль помахал у меня перед носом. – Ты уснула?

– Нет... хотя близка... Что?

– Я спрашиваю, не хочешь глянуть в свое дело? Может, будешь не такой стервой?

– Не буду, не переживай. А что насчет тебя? Есть здесь книжечка с прегрешениями Дэваля Грейва? Дай угадаю, под нее выделили отдельную комнату, потому что в эту не влезла?

– Иных здесь нет. За нашими жизнями никто не следит. Ну... по крайней мере официально.

Неподалеку, в одном из коридоров, что-то грохнулось.

– Иди, – кивнул Дэваль, – твое.

Я бы ни за что не призналась, что предпочла бы, чтобы он пошел со мной. Поэтому облизнула пересохшие губы и неуверенно двинулась в полумраке мимо полок с книгами.

– А если я заблужусь?

– Таков план, – фыркнула сволочь. – Оставлю тебя здесь и представлю все так, словно ты сама сбежала. Будешь блуждать здесь вечно. Умереть-то второй раз ты не можешь.

На средний палец, продемонстрированный ему, Дэваль только отмахнулся и, зевнув, прислонился к ближайшему стеллажу, всем видом показывая, что ему уже надоело тут со мной торчать. И снова из вредности я не стала просить пойти со мной, а решительно двинулась во тьму.

К счастью, я успела увидеть валяющуюся на полу тонкую книжку раньше, чем забыла, как вернуться обратно. Наклоняясь, чтобы поднять папино дело, я чувствовала, как кружится голова от волнения. Постояв несколько секунд, выравнивая дыхание, я поняла, что боюсь ошибиться. Найти там то, что мне не понравится и не позволит оправдать папу. Оказаться перед выбором: воспоминания о любящем отце или жестокая реальность.

Это походило на медленную пытку, и я открыла книгу.

– Эй! Это не папино дело!

– А? – отозвался Дэваль. – В каком смысле?

– Это дело Харриета.

– Того придурка, которому Сэм велел за тобой таскаться?

– Он не придурок. И да, его.

Я огляделась, но больше вокруг ничего не валялось.

– Ты точно писала об отце?

Раздались шаги – Дэваль решил убедиться, что я в своем уме и не забыла буквы. Он с недоумением полистал книгу и пожал плечами.

– Да, точно. Напиши еще раз.

Он протянул мне второй листок, и я, уже чувствуя неладное, снова написала об отце все, что знала. На этот раз Дэваль не запускал в темноту бумажный самолетик – лист вспыхнул в его руке, за секунду превратившись в пепел.

– Хм...

– Что? Что такое?

– Дела твоего отца нет в архиве.

– То есть как нет? Ты же сказал, здесь есть дела всех душ! Кроме тех, что отправили в Элизиум. Папу не отправили в Элизиум. Почему дела нет?!

– Ну-у-у... может, его кто-то взял. Из архива нельзя выносить дела, но... некоторые высшие иные имеют право.

– Зачем кому-то дело моего отца?

– Затем, что ты у всех в печенках уже сидишь со своими сопливыми воспоминаниями. Уси-пуси, ах какой папуся. Вот кто-то и решил выяснить, что там за папуся.

– И много тех, кто может вынести дело?

– Прилично. Судьи, магистры, старшие стражи, старшие проводники, некоторые студенты...

– Ладно, я поняла. Черт!

Почувствовав, что готова разреветься, я села на пол у стеллажа и опустила голову. В то, что кто-то взял дело, чтобы просто почитать вечерком, верилось слабо. Стоило подумать, что Самаэль не дурак и мой интерес к архиву не оставит незамеченным. Не сомневаюсь, что он забрал дело папы, чтобы я не смогла в него залезть. И вряд ли вернет в обозримом будущем.

А отец в Аиде! Ему плохо! Я должна ему помочь!

– Ох твою ж... А твой придурок не так уж прост.

Я подняла голову. Дэваль с интересом читал дело Харриета.

– Что там?

Парень не ответил и, поднявшись, я заглянула за его плечо. С портрета, чем-то напоминающего акварель, смотрел действительно Харриет – те же рыжие волосы, легкая улыбка, веснушки.

– А почему здесь написано, что его зовут Чарльз Черри?

– А это и есть неожиданный поворот. Чарльз Черри погиб вовсе не на «Титанике», как он утверждает. Он действительно там был, но пережил крушение и через год неудачно поучаствовал в пьяной драке.

– Ну и что? Не хочется ему рассказывать, что стал жертвой тупой поножовщины. Что такого? Красивая легенда. «Титаник» – это круто.

– А вот и не угадала. Когда корабль пошел ко дну и начался настоящий хаос, в давке за шлюпку твой приятель не дал сесть в нее какой-то девушке. И запрыгнул сам. Девушка утонула, и ее имя было –

Харриет. Ей не было девятнадцати, это стало ее последним воплощением.

Я поежилась. Вспомнила Харриета, ставшего уже привычным обитателем Мортрума. Паренька, что пытался со мной дружить, боялся Самаэля, угощал коктейлями в баре.

– Почему его не отправили в Аид? Меня грозятся отправить за меньшее.

– Только грозятся, – хмыкнул Дэваль. – Здесь написано, что был суд. И Чарльза Черри приговорили к пожизненной работе здесь, в Мортруме. Его заставили взять имя Харриет, в память о душе, которая не получила свой шанс на Элизиум. Но мотивировки никакой нет. Почему его не отправили в Аид, не написано.

– Это жутко. Но не похоже на уникальный случай. Тысячи людей творят то, из-за чего погибают другие. Почему именно Хар... кхм... Чарльзу позволили остаться?

– Судьи не раскрывают ход процесса или свои мысли по этому поводу. Странно, что он вообще попал на суд. Обычно душу в момент перехода проводник оценивает кастодиомером и провожает туда, куда следует. Суд – это для... ну не знаю... тех, кого сложно оценить даже магическим прибором. Политики, ради своих государств принимающие жестокие решения. Целители... или как они называются у вас? Доктора, выбирающие, кого спасти, а кому помочь не получится. Я не нашел ничего, что может указать на то, что Чарльз Черри – уникальная неоднозначная личность.

– Бедная Харриет. Погибнуть в катастрофе по чужой вине, смотреть, как тот, кто лишил тебя шанса на спасение, получает право жить дальше и знать, что ты, скорее всего, погибнешь.

– Знаешь, я бы на твоём месте предъявил Самаэлю претензии. Он не мог приставить к тебе кого-то менее мерзотного?

– Нет, он пошел на повышение ставок и приставил тебя.

– Вообще-то, я вернулся за тобой в Аид.

– Да, потому что по твоей вине я туда попала.

– Мог бы сказать, что душа вырвалась и утащила тебя прежде, чем я успел сориентироваться.

– И что, мне теперь лимон тебе подарить?

– Что подарить?

– Лимон. В горшке. Растение такое. Боже, ты же их в коктейлях ешь! Откуда у вас фрукты, овощи и все такое, если вы никогда не видели растений? Из Элизиума наладили экспорт?

– Вообще-то, да. Благодаря ему у нас есть вкусная еда.

– Безумный мир.

– Тш-ш-ш-ш... – Дэваль вдруг прижал к губам палец, и я оцепенела. – Слышишь?

Где-то вдали, в абсолютной, даже пугающей, тишине раздался едва слышный скрип. словно кто-то наступил на старую доску или приоткрылась давно забытая дверь.

Боги, пусть это будет Самаэль, который решил поймать нас на горячем, а не неведомая потусторонняя тварь, из-за которой я опять окажусь в аду!

Я перестала даже дышать, вслушиваясь в тишину старой библиотеки, но больше никаких звуков не услышала. Или нам показалось, или некто затаился, не желая быть обнаруженным. При виде того, как Дэваль двинулся вдоль одного из рядов, я похолодела.

– Мы что, пойдем поверять, кто там? – шепотом спросила я.

– Да, это наша работа, вообще-то.

– Не моя. Я – стажер!

– Можешь бежать к выходу, как трусливая собачонка, – отмахнулся гад и перестал обращать на меня внимание.

Перспектива в одиночестве добираться до выхода и там сидеть в ожидании Дэваля вдохновляла еще меньше, чем вместе с ним исследовать жуткие недра архива. Сама не знаю, почему вдруг так испугалась. Обычно я сначала бросаюсь в пекло, а потом думаю, стоило ли это делать. Но сейчас каждый шаг давался с трудом, каждая клеточка кричала: «Беги!»

Однако ничего потустороннего не было. Дэваль заметно расслабился, и я тоже. Если бы в архиве пряталась темная душа, она бы наверняка уже выскочила и завязала драку. Самаэль тоже не упустил бы шанс нас застукать. Ну а если источником звука был какой-нибудь сквозняк или ворочающаяся горгулья на входе, то мне будет стыдно – испугалась сквозняка, тоже мне, страж Предела.

– Ладно, здесь ничего нет, – наконец произнес Дэваль. – Не имею ни малейшего желания бродить тут всю ночь в твоей компании, отправлю утром пару стражей проверить.

И только он замолчал, скрип повторился. На этот раз совсем рядом, за поворотом.

Осторожно мы выглянули из-за стеллажа. Взгляд уперся в обычную дверь, которая и издавала негромкий, но разносящийся эхом скрип.

– Тьфу ты. – Я выдохнула. – Ну и нервная работенка. Кто-то забыл закрыть дверь, вот и все.

– Странно. – Дэваль задумчиво подошел к двери и зачем-то ее обнюхал.

– Что странного?

– Здесь не должно быть двери.

Вот и приехали.

– А откуда она взялась?

– Понятия не имею. Архив напичкан магией. И порталами в немагические миры. Может, это один из них?

С этими словами он решительно схватился за ручку и потянул на себя, открывая нам нечто очень странное. Я бы сказала, колдовское. Безумное.

– Это... что за...

Открыв рот, я смотрела в морские глубины.

За порогом ничем не примечательной двери оказалось морское – а может, океаническое, я в них не разбиралась – дно. Жуткое, темное, освещенное лишь странными, явно не природными огоньками, блуждающими у самого дна. Толща воды в их свете казалась зеленоватой.

Но больше всего меня поразил Дэваль. Как замороженный он не мог оторвать глаз от пугающего подводного мира. В его глазах отражались огни, а на светлой коже играли блики – и я засмотрелась уже на него.

– Почему ты удивлен? Это не нормально? То, что за дверью?

– Никогда не видел такого количества воды, – растерянно отозвался Дэваль.

В последнее время он часто меня удивляет. И я даже проникаюсь жалостью к ненавидящему весь мир мальчику, никогда не видевшему море и лимоны.

С явным усилием он стряхнул оцепенение.

– Да, это портал. Судя по всему, в какой-то водоем. Но зачем кому-то открывать портал на дно? Что там делать?

– Не знаю. Я... а этот портал, он не может пропускать в обратном направлении? Вся эта вода не может хлынуть к нам? Это тонны, наверное, тысячи тонн! Да нас смоеет! И... погоди-ка...

Огоньки двинулись дальше, расщепились надвое, затем еще и еще, освещая глубины. Теперь, помимо странных, уродливых от высокого давления рыбешек нам открылось еще кое-что. И я вздрогнула.

– Я знаю, что это.

Время, соленая вода и давление как следует поработали над памятником человеческому самолюбию. Но даже в изъеденных океаном очертаниях легко угадывалось место, к которому неведомая сила открыла портал прямо из города мертвых.

– И что? Какой-то корабль, похоже.

– Это «Титаник». Точно такой же, как на фото из экспедиций. Черт, это портал прямо к «Титанику»!

Интересно, Дэваль знал о катастрофе? Может, провожал в Аид кого-то из пассажиров? Сколько вообще ему лет?

Я должна была испытать восторг. Или хотя бы волнение. Ну кому вообще достается возможность живьем увидеть остатки легендарного непотопляемого лайнера? Да я пересмотрела фильм раз сто в детстве! Если бы мне кто-то сказал, что однажды я буду смотреть на «Титаник» с расстояния в несколько десятков шагов, я бы рассмеялась и не поверила.

Но вместо радости и любопытства я испытала настоящий ужас.

Он не имел ничего общего со страхом перед глубиной или неизвестностью. Он исходил откуда-то изнутри, от него леденели руки и дрожало сердце в груди. Это был страх перед смертью, но какой-то совершенно иной... На меня из глубин словно смотрели тысячи мертвецов, укоряя и проклиная за то, что я вторглась в их последнее пристанище и нарушила их покой.

Не сумев справиться с собой, я вцепилась в руку Дэваля.

– Давай уйдем! Ну пожалуйста! Давай закроем эту дверь и уйдем!

Наверное, что-то в моем голосе заставило его проникнуться и послушаться. Я выдохнула, когда дверь снова отделила нас от Земли.

– Нам придется рассказать Самаэлю, – сказал Дэваль. – Это странно.

– Тогда он нас накажет за то, что влезли в архив.

– Меня нет. Я имею право сюда влезать. Только тебя.

– Вот спасибо, а я думала, ты меня прикроешь. Скажешь, что отправился почтить на ночь, встретил на улице меня и решил благородно проводить до дома.

– Размечталась. Я выполнил свою часть сделки. Ты просила попасть в архив, ты попала. О том, чтобы не попасться, уговора не было.

– Толку с твоего архива, – буркнула я.

Я так ничего и не узнала об отце. И – стыдно признаться – забыла о нем, увидев портал. Так стремилась оказаться как можно дальше, что даже не подумала о том, как быть дальше. Как найти информацию о папе и как ему помочь.

– Так что такого страшного в вашем «Титанике»? – спросил Дэваль, когда мы шли вдоль Стикса. – Чего ты вдруг запаниковала?

– Сама не знаю, – вздохнула я. – Просто так... накатило. Может, впечатления из детства. Это одна из самых ярких катастроф в истории Земли. Не самая страшная, просто... так повелось. Фильмы, книги, легенды – многое связано с «Титаником». Он лежит очень глубоко, я не знаю точно... может, километра три? Или больше? Жутко вот так его увидеть. Там погибли тысячи.

– Ты глупая, – неожиданно презрительно скривился Дэваль. – Невнимательная. Поверхностная. Самовлюбленная. Эгоистка.

– Что?!

– Ничего. Накатило? Жутко? Это все, что ты можешь сказать об увиденном? Ты страж! Точнее, ты – полная бездарность, но хоть какие-то мозги у тебя должны быть! Соображай уже, Даркблум. Что не так?

– Не знаю. То, что портал открыт на глубину хрен знает сколько километров? Может, кто-то ошибся?

– Соображать – не твое, да?

– Да хватит издеваться! Что я должна сообразить? Что какой-то дурак открыл в архиве портал к «Титанику» и теперь из-за него я получу выволочку от Самаэля? Знаешь, мне плевать, кто и зачем влез на Землю. Может, фанат какой или какой-нибудь погибший задержался в стражах и решил поностальгировать...

Я осеклась, а Дэваль усмехнулся.

– Ты что... ты думаешь, Харриет как-то причастен?

– А ты думаешь, то, что его дело грохнулось тебе на голову и через несколько минут мы нашли портал к кораблю, – это совпадение?

– Тогда я вообще ничего не понимаю. Разве у Харриета есть сила, способная на такое?

– А ты испугалась чьей-то силы? Что-то я не замечал в тебе страха перед магией. Существой он, мне было бы проще. Ты бы уже стояла на коленях и умоляла тебя пощадить.

– Еще чуть-чуть, и я буду стоять на коленях, умоляя, чтобы ты больше не пытался шутить. Я не знаю, чего испугалась.

Вдали показался особняк Вельзевула, и я даже издали увидела на крыльце одинокую темную фигуру. Вздохнула. Неприятности уже ждали и довольно потирали ручки. Помывкой кастодиометров я не отделаюсь.

– У стражей притуплено чувство страха. Нас непросто по-настоящему испугать. Ты боялась не глубины. Ты боялась того, что из нее на тебя смотрело.

– Аида! Дэваль! – раздался крик... нет, рык Самаэля. – Почему вы двое возвращаетесь откуда-то ночью?! Где вы были?!

– Неприятности искали, – хмыкнул Дэваль. – Пошли, покажу, какие нашли. Тебе понравятся.

Казалось, еще слово – и Самаэль втащит нас в дом за ухо. Но, к счастью, любопытство на этот раз победило. Он пропустил нас внутрь, запер дверь и уверенно направился куда-то в недра дома, наверняка к кабинету, чтобы устроить допрос с пристрастием.

Полагаю, братья собирались обсуждать что-то очень серьезное и магическое и, возможно, даже не хотели, чтобы я присутствовала. Но пока меня никто не спешил выгонять, и я шустро прошмыгнула внутрь большой комнаты с огромным письменным столом и остывающим камином в надежде услышать что-то полезное.

Потому что из объяснений Дэваля я вообще ничего не поняла.

– То есть ты утверждаешь, что...

Самаэль с подозрением прищурился. Дэваль пожал плечами. Он ничего не утверждает, но чутье стража не могут заглушить даже самые сильные эмоции.

– Но это же бред.

– Ты думаешь, я схожу с ума, или что?

– Нет, я думаю, ты не можешь мыслить трезво. У тебя непростой период.

– Со мной все в порядке.

– Тогда почему ты ни разу не посмотрел на Аиду?

Если бы он мог, то вместо разговора с братом отправился бы мыть руку, причем так, чтобы слезла кожа, хранящая тепло чужого прикосновения. Впервые он почувствовал ее неясный страх перед неизвестностью. В его памяти целая коллекция ее эмоций, и эта – самая вкусная.

– А зачем ты ее усыпил?

Сестренка свернулась клубочком на небольшой софе и сладко посапывала, укрывшись его курткой. Маленькая стерва так и не вернула ему ее, но как же ей идет слегка мешковатая кожанка, скрывающая под собой точеную фигурку.

– А ты, если бы меньше истекал злобой, – Самаэль прошелся по кабинету и остановился у софы, задумчиво взирая на спящую девчонку, – уже бы научился с ней взаимодействовать. Если ее не пустить – она подслушает, взлезет через окно, сделает какую-нибудь глупость всем назло и ни за что не извинится. А так проснется наутро, решит, что разговор был такой скучный, что после дозора ее сморило, и пожмет плечами. Смотри, она даже милая, когда спит.

– Да ты прямо королевская интриганка. А нельзя раз и навсегда показать ей ее место? Чтобы не приходилось с плясками и прибаутками уговаривать принцессу быть не такой стервой?

– А ты не думаешь, что если я ей покажу ее место, то вместо уговоров придется послушно выполнять приказы?

Дэваль стиснул зубы и отвернулся. Напоминание о том, что он больше не наследник, больно царапнуло нутро. Но – и это удивило – совсем не так, как раньше. Менее остро, менее невыносимо. Привычно и буднично, что ли?

– Вернись к архиву. Обдумай все, что мне сказал. И еще раз повтори. В архиве открыт портал на Землю, прямо в сердце океана, и...

– И из него никто не вышел. В него кто-то вошел.

– Дэв. Наши миры разделены магией, и порой она творит удивительные вещи, но никто не может перейти через границу, оказаться на дне океана и выжить. Это что, такой изощренный способ самоубийства?

– Что бы ни вошло в портал, оно за нами наблюдало. И если бы ты не усыпил сестричку, она бы подтвердила. Я хорошо знаю теорию, Сэм. Если бы что-то вышло, остались бы следы. Материя остается, да с него натекло бы столько воды, что мы бы слышали не шаги, а хлюпанье! Нет, кто-то прошел по архиву, открыл дверь и ушел на Землю. Причем за несколько минут, что мы шли.

– В нашем мире нет существ, способных жить под водой. И нет магии, способной им помочь.

– Знаю.

– Еще что-нибудь? Или перейдем к той части, в которой я **ЗАПРЕТИЛ ВОДИТЬ АИДУ В АРХИВ!**

Самаэль так рывкнул, что Дэваль инстинктивно обернулся к Аиде, но она продолжила безмятежно спать.

– Ну, раз ты изъял дело ее отца, значит, на результат не рассчитывал. Дай почитать.

– Нет. Тема закрыта. Это не твое дело. Мне хватает того, что вы пяти минут не можете провести в одном помещении без драки. Никаких дел. И если ты еще хоть раз ее приведешь в архив...

– Вот тебе, брат, задачка. – Дэваль поднялся. – Когда принцесса отправила запрос в архив, вместо дела ее отца нам на голову грохнулось чужое. А потом кто-то таинственный сбежал через портал на Землю, прямо к старому затонувшему кораблю. Хочешь попробовать угадать, кто бы это мог быть?

– Чье дело? – Самаэль резко выпрямился.

– Чарльза Черри. Того парня, который должен был быть ее, – он кивнул на Аиду, – тенью.

Глава третья

Наутро я проснулась в собственной постели и поняла: что-то не так.

Во-первых, я засыпала определенно не здесь. Во-вторых, засыпала в ботинках. В-третьих, в теле ощущалось нечто странное и непонятное.

Лишь позже дошло: я простудилась.

То есть меня, душу, попавшую в мир мертвых, стража Предела (пусть даже еще очень маленького и неудачливого), продуло из портала, ведущего к «Титанику» на дне океана?

Клянусь, с каждым днем я все сильнее уверена, что скоро очнусь в психбольнице и добрый доктор привычно уколет галоперидольчика на ночь.

– Эй! – раздался стук в дверь. – Ты идешь? Ты опоздаешь на учебу.

– Не иду, – мрачно откликнулась я. – Я заболела. Пусть папа напишет записку учителю.

– Чего?

Дверь открылась, и в проеме показалась голова Самаэля.

– Того! Ты сказал, у вас нет болезней!

– У нас нет болезней. Хотя твое тело может ощущать боль. Ты травмировалась?

– Нет. У меня температура! И ломит кости. Если у вас нет болезней, то поздравляю: кто-то завез вам грипп. Все дальнейшие шутки на эту тему могут посчитаться оскорбительными и дискриминационными, поэтому я просто буду мрачно молчать и смотреть с укоризной.

Моя речь Самаэля не впечатлила. Он быстро прошел через комнату, приложил тыльную сторону ладони к моему лбу, оценил температуру и нахмурился.

Правда, уже через секунду его лицо прояснилось.

– А-а-а, это магия.

– Магия? Не порча, не проклятие, не сглаз, а прямо вот именно магия? Что за позитивный эвфемизм лихорадки?

– Да, всего лишь ее переизбыток. Твое тело немного в шоке.

– Кстати, что у меня за тело?

От этого вопроса Самаэль впал в ступор и почему-то посмотрел на мою грудь. Ну, точнее, на то место, где могла бы быть нормальная грудь, если бы я не была тощей фигуристкой, которая половину детства провела за молитвами, чтобы не вырос зад и получилось выиграть Олимпиаду.

А выиграла вот это. Иронично.

– В каком смысле «что у тебя за тело»? Твое тело.

– Нет, ну мое тело там... э-э-э... где оно там, я не знаю, что с ним сделали. Когда человек умирает на Земле, его тело ведь остается. А здесь я с новым. Откуда взяли? Тордек не объяснял.

– Магистр Тордек, – терпеливо поправил Самаэль.

– И он тоже.

– Когда ты переходишь границу, то получаешь новое тело. Такое же, как было.

– И в нем сейчас переизбыток магии?

– Да.

– Откуда она взялась? Я на занятиях – самое бездарное существо во вселенной. Ну подумаешь, прогулялась в архив, но там я вообще ни к чему магическому не прикасалась. Только к Дэвалю. Точно не порча?

– Хватит придуриваться. Иногда такое случается. Мы не полностью контролируем процесс управления энергией. В колледже я всех предупрежу. Прикажу принести тебе чай. Сделай одолжение, не выходи из комнаты и отлежись. И, Аида...

Он посмотрел на меня точь-в-точь как смотрел папа, когда был очень мной недоволен.

– Ты больна, и на несколько дней я оставлю тебя в покое. Но за твою выходку последует наказание. Не думай, что можно без моего разрешения шастать по закрытым магическим объектам.

– А Дэваля тоже накажут?

– А что, тебе понравилось ходить с ним в дозор?

– Не очень, просто у меня обостренное чувство справедливости.

– Сказал бы я, что у тебя обострено, да...

– Жена не разрешает? – хихикнула я и полезла под одеяло, потому что Самаэль схватил подушку с явным намерением меня ею задушить.

Хотя здесь нельзя задушить. Или можно?

Через несколько минут после его ухода слуга принес глиняную чашку с дымящимся розовым варевом. Подумав, что наверняка – раз здесь придумали эссенцию желаемого – и лекарство будет вкусным, я сделала первый глоток и закашлялась.

– Что это?!

Слуга, разумеется, молчал.

Я словно глотнула ментол в чистом виде. В нос ударил резкий запах, горло обожгло не то жидким огнем, не то адским холодом. Рука дрогнула, несколько капель пролились на постель и с шипением испарились.

– Из чего это вообще?! Из душ, настолько темных, что их не выдержал даже Аид?!

– Есть травка, – вдруг подал голос слуга, – ее осталось совсем немного. Растет на руинах древнего города мертвых Малума. Ставит на ноги даже тех, кто окунулся в Стикс.

И голос мне почему-то показался знакомым. А когда фигура в темном одеянии подошла к двери, чтобы запереть ее изнутри, я подобралась, как кошка, готовая к безобразной, но эффективной драке.

– Не бойся, – сказал слуга. – Я не обижу тебя. Это лишь чтобы никто меня не увидел.

А потом стащил маску, и я узнала Харриета.

От неожиданности – я думала, там по меньшей мере Селин с окровавленным тесаком, – я застыла. Мысли лихорадочно скакали от «это же Харриет, твой друг!» до «вспомни его дело в архиве...». Наконец из всех вариантов я выбрала самый адекватный:

– Что ты здесь делаешь? Устроился на подработку?

– Не тебя одну наказывают работой. Делаю то же самое, что и ты в баре.

– Ты наказан? За что?

– Угадай, – невесело хмыкнул Харриет. – За то, что прошляпил твое приглашение на бал.

– А-а-а... – Я слегка покраснела, но малодушно списала все на эффект от чая. – Извини.

– Ничего. Слугам нельзя снимать маски и говорить с хозяевами, так что буду благодарен, если ты никому не расскажешь, что видела меня здесь. И тем более, что говорила.

– Не вопрос. Не то чтобы я с кем-то болтала по душам. И долго ты здесь пробудешь?

– Еще несколько недель.

Харриет замялся, переступил с ноги на ногу, и мне вдруг показалось, что он чем-то обеспокоен.

Сильно обеспокоен.

Даже, пожалуй, почти в истерике.

– Ты выглядишь каким-то... встревоженным. Это на тебя так действует работа или есть что-то еще?

– Есть. И поэтому я решился на разговор с тобой. Чем ближе день окончания наказания, тем сильнее паника. Что-то происходит, Аида, что-то нехорошее. Пока я здесь, скрыт ото всех, я под защитой, но потом...

– О чем ты? Что именно происходит?

– Сначала все было как обычно. Я работал в министерстве, иногда вел практику в колледже, иногда подменял ребят в дозорах. Потом меня вызвал Самаэль и велел присматривать за тобой, чтобы ты освоилась. И в тот же день, когда ты приехала, начались странности.

Я нахмурилась. То есть я еще в чем-то виновата? Из-за меня растут лимоны, ломается архив, открывается портал к «Титанику» (ладно, может, он открылся не из-за меня, но нашли-то мы его, потому что я хотела найти дело отца), бесятся наследники Вельзевула, портятся оргии. Есть хоть в одном из миров то, что я не испортила?

– Сначала показалось, что в моей квартире кто-то был. Никаких следов или чего-то такого, но... странное ощущение. Его можно понять, лишь почувствовав. Внешне все на своих местах. Точно так, как ты оставил, когда уходил утром. Лишь краешком сознания ты замечаешь мелочи. Едва заметные складки на покрывале. Отсутствие пыли на одной из полок. Книга, открытая на другой странице, не на той, которую ты оставил. Упавшее на пол с крючка полотенце. Я легко объяснил себе все эти странности. Ветром, своей невнимательностью... А потом...

– Что потом?

Я поежилась. Несмотря на день за окном, свет не проникал через плотно задернутые тяжелые шторы, и комната освещалась лишь парой слабых светильников над постелью.

– Потом я начал находить вещи. У себя на столе в министерстве. В сумке. В карманах плаща. Однажды я задремал во время дозора, а когда открыл глаза, передо мной лежал гребень. И напарник понятия не имел, как он там оказался. Вскоре вещи начали появляться и в квартире, хотя дверь оставалась заперта.

– Что именно за вещи? Угрозы, какие-то магические штуки, что?

Вместо ответа Харриет сунул руку в карман плаща и прямо на постель вывалил кучу какого-то хлама. В основном это были аксессуары: гребень, запонки, кольцо-печатка, какие-то куски непонятного металла. Все без исключения предметы были покрыты каким-то странным налетом.

– И что это? Они что-то для тебя значат?

Харриет хмуро кивнул, и я тут же догадалась.

– Они с «Титаника»!

– Да, но он давно затонул. Как предметы с него могли оказаться у меня и кто их подбрасывает?

Забавно, что вопрос «зачем» он тактично упустил.

– Было что-то еще? Угрозы? Намеки?

– Нет. Только это.

– С «Титаника» подняли много предметов. Кто-то мог притащить их сюда, чтобы над тобой подшутить. Только не делай удивленное лицо и не спрашивай: «Кто способен на такую жестокость?» Думай, кого ты разозлил настолько, что он решил поиграть у тебя на нервах.

– Ну... – Теперь настала очередь Харриета краснеть. – Вариантов много.

– Ты рассказал Самаэлю?

– Нет, конечно! С ума сошла? Я – английский джентльмен, я не прошу защиты у других мужчин...

Я сложила руки на груди и скептически хмыкнула. Английский джентльмен, потерявший штаны при побеге с тонущего корабля, не просит защиты у других мужчин, поэтому ноет женщине.

– Расскажи, – посоветовала я. – Самаэль найдет того, кто это делает, и отправит в Аид. Думается, сталкерам вторых шансов не дают.

– Я надеялся... может, ты мне поможешь? И мы найдем его сами. Аида, ну пожалуйста! Я вишу на волоске. А если это кто-то, кому я... ну... с кем я был не совсем правильным стражем? Если меня еще раз

накажут, то это конец! Я отправлюсь в Аид, и что толку, если вместе с тем, кто меня преследует?

Закусив губу, я уткнулась в чашу с чаем, размышляя о его словах. Харриет прав. Вряд ли Самаэль или Вельзевул будут снисходительны к парню, которому дали второй шанс. Харриет не стырил у мачехи кредитку, он не позволил спастись девочке, которая окончательно и безвозвратно погибла. Есть риск, что новых грешков – которые, судя по всему, есть – ему не простят. А я еще не встретила врага, которому пожелаю отправиться в Аид, не то что друга.

– Понятия не имею, как найти того, кто это делает, и не привлечь внимание Самаэля. Составь список тех, кому перешел дорогу, для начала. Только без вранья! Потом подумаем.

О портале, ведущем – вот совпадение-то! – к «Титанику», я рассказывать пока не стала. Во-первых, вдруг Харриет окончательно упадет в панику? А во-вторых, потому что сама не понимала, что это такое и насколько серьезно. Угораздило же меня вчера уснуть прямо в начале разговора. Я совсем отвыкла от бессонных ночей.

Услышав шаги, Харриет быстро нацепил маску и отскочил от кровати, но, к счастью, никто не стал ломиться ко мне в комнату.

– Мне пора. Спасибо, Аида.

– Пока не за что. Не забудь про список.

У дверей Харриет замешкался.

– Еще один вопрос.

– М-м-м?

– Тебя в список включать?

Ответом стала полетевшая в него подушка. Харриет со смехом исчез за дверью, но через секунду заглянул снова.

– Допей чай и поспи. После магического сна всегда такое состояние.

– Магическ... что?!

Поняв, что сболтнул лишнего, парень шустро исчез, оставив меня кипеть негодованием в одиночестве. Но чай, похоже, обладал успокоительным действием и вскоре меня сморил.

Следующее пробуждение оказалось легче. Жар немного спал, голова болела меньше. Хотя спину все еще ломило так, словно я разгружала вагоны. К счастью, память не отшибло, и я с нетерпением ждала, когда вернется Самаэль, чтобы предъявить ему по поводу

магического сна. Так и знала, что уснуть, подслушивая сплетни, не в моем стиле! Одни бессонные сутки, даже если за них я успела побывать в аду и вернуться, не доводят до того состояния, когда отключаешься прямо там, где сидишь.

Зачем Самаэль меня усыпил? Хотя несложно догадаться. Нашел способ утаить все грязные секретки. Ладно бы просто отправил спать, так еще по его вине я слегла со странным магическим гриппом, что для мертвой слегка обидно. Что дальше? Несвежий бутерброд в столовой? Загробный стоматолог?

– Привет, – раздался тихий голос, и я вздрогнула.

Сегодня прямо день неожиданных посетителей: в углу комнаты, в глубоком кресле, съежившись, словно пытаюсь казаться незаметной, сидела Шарлотта.

– Ты чего тут делаешь? – зевая, спросила я. – Принесла домашку?

– Магистр Сонг сказал, что тебе нездоровится и будет приятно, если я тебя навещу.

Судя по испуганному взгляду, сказав это, Самаэль закинул Шарлотту на плечо и понес в дом, срезая дорогу через Аид.

– Переработала. Новое ощущение в моей жизни.

Я попробовала чай и поморщилась: в остывшем виде его было невозможно пить.

– Что было в колледже?

– Ничего. Снова практиковались запечатывать магию. Ни у кого ничего не получилось. Айдан смешил всех дурацкими шутками, и Тордек разозлился. Поставил всем неуд. Остальное как обычно.

– Спасибо, что зашла. С тех пор как я сюда переехала, жизнь стала безумной. То есть смерть. То есть... ладно. Сейчас я умоюсь, переоденусь и раздобуду нам ужин. Как хорошо, что мне больше не надо охотиться на еду в странных подвальных столовых.

Я быстро прошмыгнула в ванную, где долго и с чувством умывалась, пытаюсь сбросить сонливость и слабость. Может, станет лучше, если я поем? Да, определенно, мне поможет еда. Или кровь... кровь Самаэля, добытая во имя мести. Порой, когда я мысленно ругаю Дэваля, я забываю о том, каким гадом может быть его брат.

Кстати, о брате.

– Дэваль, наверное, скоро придет, – невзначай произнесла я, вернувшись в комнату. – Я скажу, что ты здесь.

Шарлотта изрядно сбледнула.

– Э-зачем...

– Вы ведь встречаетесь. Думаю, он будет рад. Тем более тебя пригласил его брат. Это почти знакомство с родителями!

Украдкой, делая вид, что вытираю лицо, я поглядывала на Шарлотту. Зачем она врала? Чтобы сейчас сидеть передо мной, едва дыша от перспективы разрушить собственную легенду и не знать, как выкрутиться? Какой смысл?

И я уже хотела было задать прямой вопрос, как раздался стук.

– Войдите.

Как и ожидалось, это был слуга, принесший поднос с чаем и легким ужином. Я открыла рот, чтобы попросить еще одну порцию для Шарлотты, как поднос вдруг полетел на пол – и я едва успела отскочить, чтобы чай не выплеснулся прямо на босые ноги.

За маской не было видно лица, но я нутром почувствовала: это Харриет. Он попятился, наступил на полы собственного плаща, не удержал равновесие и врезался спиной в стену.

– Эй, что такое?! – Я нерешительно сделала несколько шагов в его направлении.

– Ты...

Шепот растворился в тишине, воцарившейся после того, как я перевела взгляд на Шарлотту. Подруга – или та, которую я таковой считала, – медленно поднималась, напоминая ощерившуюся кошку. Глаза округлились, зрачки стали вертикальными, как у рептилии, а раскрывшийся в беззвучном крике рот оказался полон острых зубов, с которых на форменное коллежское платье стекала слюна.

– Ни хрена ж себе... – вырвалось у меня.

Издав истошный высокий крик, Шарлотта бросилась на Харриета, и что-то мне подсказывало: вряд ли с намерением обнять от радости.

Кинувшись ей наперерез, я едва успела. В Шарлотте оказалась недюжинная сила! Она рычала, визжала и сопротивлялась, пытаясь меня сбросить, и пару раз вполне в этом преуспела. Отошедший от шока Харриет бросился в драку следом за мной. В порыве вдохновения с него слетела маска, а плащ оказался безнадежно изорван (и обслюнявлен). Но даже вдвоем мы не могли справиться с обезумевшей девчонкой.

На наше счастье, подоспел Дэваль.

Он бегло оценил ситуацию и принялся отгаскивать от нас Шарлотту. А мне достался Харриет, который не собирался молча терпеть посягательства на свое здоровье. От брыкающейся и царапающейся девицы он не отставал и крепко держал ее за волосы.

– Да отцепись ты от нее, джентльмен английский! – прорычала я.

– Хватит визжать! – Дэваль пытался урезонить Шарлотту.

Думать не было времени. Я несколько раз ощутило получила по лицу, на щеке красовались две глубокие царапины.

– Что здесь происходит?!

На визги и грохот сбежались остальные. С десятков слуг, Самаэль, Дар и Селин – теперь у нашего спектакля появились зрители.

– Дэв! Аида! Боги, вы можете хоть раз... погодите, вы не деретесь?

– Мы разнимаем!

Наконец Дэвалю удалось оторвать Шарлотту от Харриета, а я отпихнула парня подальше от поля битвы и сама не удержалась на ногах. Мы рухнули на ковер, тяжело дыша. Под руку подвернулись листья салата. Ну супер! Теперь я еще и вся в еде.

– Надо же, какое приятное разнообразие, – пробормотал Самаэль.

Селин стала последней каплей, склонившей чашу весов в нашу сторону. Вместе с Дэвалем они кое-как утихомирили рвущуюся в бой Шарлотту. Харриет к этому моменту уже пришел в себя и привычно испугался Самаэля, при виде которого я обрадовалась: хорошо, что достанется не нам. Никогда не видела его таким злым, даже на маскараде!

– Что здесь происходит? Я спрашиваю один раз. Аида?

– Понятия не имею. – Я пожалала плечами и поднялась. – Шарлотта пришла в гости. Зашел Харриет. Точнее, я, разумеется, не знала, что это был Харриет, он же был в костюме слуги.

– Харриет! – рыкнула вдруг подруга, еще не оставляющая попыток вырваться. – Харриет!

Ее голос изменился. От миловидной кудрявой блондинки и не ждешь твердого брутального голоса, но сейчас от него звенело в ушах. Все присутствующие с любопытством рассматривали ее, особенно уделяя внимание зубам. Самаэль даже подошел поближе, но, к счастью, не стал совать ей в пасть палец. Хотя уверена, такая мысль у него была.

– Что ты такое? – спросил он у Шарлотты.

Ого. Всемогущий наследник Вельзевула не знает, что за существо пробралось в Мортрум? Вечер становится интереснее.

– Харриет, едва увидел Шарлотту, уронил поднос и отшатнулся. А она вдруг на него набросилась. Дальше вы видели. Я начала их разнимать, подбежал Дэваль, и вот как-то так мы и провели вечер.

Чуть подумав, я добавила:

– Мне показалось, Харриет узнал ее. И когда она это поняла, то набросилась. Может, он ее бывший?

Теперь внимание присутствующих было обращено к Харриету. И ему отвлекать было нечем: ни зубов, ни слюней, ни безумного взгляда. Старательно отводя от меня взгляд, он пробурчал:

– Аида права. Я ее узнал.

– И? – Дэваль начал терять терпение. – Из тебя клещами придется вытягивать информацию?

– Это она.

– Кто она? – спросила Селин.

Но я уже догадалась.

– Харриет. Настоящая Харриет! Это ее портал в архиве! Это разве возможно?!

– Харриет? – повторил Самаэль. – Погибшая на «Титанике» девочка? Но ей не было девятнадцати, она не могла выжить. На Земле прошло больше сотни лет. Даже если случилось чудо и ей хватило энергии, чтобы душа выжила...

– Так спросите ее саму, она же умеет разговаривать!

Шарлотта так злобно на меня посмотрела, что резко захотелось сделать ей какую-нибудь гадость.

– Шарлотта? – Самаэль повернулся к ней. – Тебе придется рассказать всю историю с начала. Иначе ты отправишься в Аид.

И она... рассмеялась.

Рассмеялась!

Меня постоянно пугают Аидом, называют невозможной, ругают, наказывают – и я веду, вздрагиваю, вспоминая красноватые адские пейзажи и монстров, их населяющих. А ей просто смешно?

– Попробуй, – фыркнула Шарлотта.

– Понятно. Легко не будет. Хорошо. Дэв, Селин, запирайте их по разным камерам. Шарлотту до тех пор, пока не решит поговорить.

Харриета, пока не успокоится.

– Не смейте называть его этим именем! – рыкнула бывшая подруга. – Не смей!

И тут я с ней была согласна. Мне бы не хотелось, чтобы мой убийца в наказание носил мое имя. Аида Сонг... нет, Селин бы не пошло. Для имени, ассоциирующегося с самым жутким местом во всех мирах, она слишком послушная и скучная.

Истошные вопли Шарлотты стихли лишь через несколько минут, когда Дэваль практически на себе унес ее куда-то в неизвестность. Я понятия не имела, где у них тут тюрьма и что надо сделать, чтобы в нее загреметь.

Слуги спешно засуетились, устраняя последствия драки. Самаэль с задумчивым видом за ними наблюдал, а я чувствовала, как стремительно возвращаются уже знакомые симптомы. В какой-то момент голова так закружилась, что я охнула и схватилась за стену.

– Тебе надо лечь. Идем.

– У тебя есть идеи, как здесь оказалась Шарлотта... то есть Харриет... Боже, я запуталась!

С облегчением опустившись на подушки, я ждала, что Самаэль уйдет, но он, похоже, и сам был не прочь пообсуждать случившееся.

– Значит, Харриет... точнее, Чарльз стал причиной смерти Харриет. Так как ей не было девятнадцати, ее силы не хватило на переход в мир мертвых. И Чарльза наказали, заставив носить ее имя. Но Харриет не умерла или умерла, но как-то не так, может, была не человеком. Она затаила злобу, научилась открывать портал в наш мир и пришла мстить.

Может, все эти странные события в жизни Харриета – ее рук дело?

– Но почему портал ведет к «Титанику»? Да за сто лет там никто не выжил бы!

– Боюсь, у меня нет никаких идей. Никогда о таком не слышал. Чтобы душа, погибшая до девятнадцатилетия, спаслась и спустя век нашла своего убийцу... Кстати, а откуда ты знаешь, что Харриета наказали ее именем и что она из-за него погибла?

Я закусила губу. Неловко получилось. Впрочем, быстро нашлась:

– А зачем ты меня вчера усыпил? Еще и с последствиями?

Самаэль усмехнулся.

– Один – один. Но у меня нет ответов на твои вопросы. Я должен посоветоваться с отцом. Мы многого не знаем о наших мирах. Не представляю, что могло произойти с Шарлоттой. Но чувствую, что нам еще всем придется непросто.

– Она никогда не попадалась ему на глаза. Если меня встречал Харриет, Шарлотта убегала под благовидным предлогом. Если я о нем говорила, она меняла тему. Она сказала, что погибла в озере, потому что не умела плавать. И имя... Шарлотта – почти женская форма имени Чарльз. Она знала, что делает. Она хотела мести.

«Я тоже хочу», – чуть не ляпнула я, но вовремя умолкла.

– Если все так, как выглядит, то ее можно понять. Она пережила нечто куда более страшное, чем Аид.

– Зато у вас появится еще один способ пугать плохих девочек, – вяло пошутила я и тут же поморщилась: голова трещала от боли.

Самаэль поднялся.

– Я принесу тебе еще чай.

– Он ужасно противный! А есть еще какое-нибудь средство от этой вашей магии?

– Даже не знаю... – Гад усмехнулся и сделал вид, что задумался. – Секс иногда помогает.

– Тогда завари сразу литр, – пробурчала я.

– Зато теперь ты понимаешь, что такое магия, и, может, чуть меньше будешь фыркать, слыша о маскарраде.

– Да ладно! Прямо-таки все лежат еле живые и с нетерпением ждут одной-единственной терапевтической оргии в году.

– Нет, просто учатся с этим жить. – Он пожал плечами. – Тебе подойдет любое эмоциональное занятие. Что-то, что тебя всколыхнет. Но секс тебе не нравится, а большинство других занятий запрещены. Так что литр так литр.

Пришлось вернуться в постель, но расслабиться не получилось. Я снова и снова прокручивала в голове все детальки странного пазла Харриетта и Шарлотты... или Чарльза и Харриет, и пыталась свести их в единую картинку.

Итак, по вине Чарльза погибла Харриет. Ей не было девятнадцати, поэтому проводник не забрал ее душу. Зато забрал Чарльза, бездарно профукавшего вырванный у девчонки шанс на жизнь. По какой-то причине вместо Аида (а в том, что за такое полагался Аид, я не

сомневалась, и Дэваль это косвенно подтвердил) Чарльза оставили здесь, служить Вельзевулу под именем той, что из-за него погибла.

Красиво. Но совершенно непонятно. Чем он заслужил особое отношение? Почему именно его приставили ко мне?

А дальше еще больше непонятного. Каким-то непостижимым образом Харриет выжила, нашла портал в этот мир (или открыла?), поняла, что Чарльз здесь, и задумала месть. Прикинулась студенткой колледжа, подкладывала парню сюрпризы, но старалась держаться в тени. И на свою беду подружилась со мной. А может, только сделала вид. Хотя если бы сделала вид, то нашла бы способ слиться от проводывания болезной подружки. Мне, во всяком случае, хотелось так думать.

Раздался стук. Подумав, что это Самаэль, я крикнула «заходи!», но в комнату вошел Дар.

– Привет. А что здесь было?

– Ты не видел?

– Видел, но ничего не понял. Что та девушка не поделила со слугой?

– У-у-у, – протянула я.

Дарий, похоже, настолько был в творчестве, что вообще не интересовался окружающим миром. И понятия не имел, кто такие Харриет и Шарлотта.

– Садись. История будет долгая.

По мере того как я рассказывала, выражение его лица с любопытного менялось на недоверчивое.

– То есть ее зубы мне не почудились? Я уж думал, переработал.

– Не почудились. Кто она такая? Кто-то типа Тордека из колледжа? Из другого мира?

– Я не знаю. Возможно. Но если она погибла в твоём, то как там оказалась?

– Представительница древней цивилизации шумеров? Инопланетянка, потерпевшая крушение? Обращенная вампиром? Проклятая шаманами вуду? Результат экспериментов на людях? – Я собрала весь бред, о котором слышала. – Что теперь с ней будет, как думаешь? Драка это, конечно, безобразие. Но не отправят же в Аид девчонку, с которой так жестоко обошлась судьба. Это несправедливо!

– Но и Харриета несправедливо наказывать, – возразил Дар. – За одно и то же не судят дважды даже у нас.

– Странно все это.

– В последнее время у нас много странностей. Кажется, они начались с твоим появлением.

– Эй! – воскликнула я и метнула в Дара подушку, но промазала и попала прямо в Самаэля, который как раз принес графин с чаем и почему-то лимон в горшке – изрядно вымахавший и зазеленевший.

Надо сказать, горячую жижу, выплеснувшуюся на светлую рубашку, он воспринял стоически, а я на всякий случай обмякла – не будут же бить болезную!

– Зря я отбирал его у Тордека, – буркнул он.

– Это мне?! Мне?! Мой лимон!

Вид симпатичного живого деревца так обрадовал, что я забыла о температуре и вскочила пристраивать нового жителя на подоконнике. Нет, на столе. Нет, на тумбе у кровати.

– Да спи с ним, – посоветовал все еще обиженный на прилетевшую подушку Самаэль.

Я вдохнула аромат свежей листвы и расплылась в блаженной улыбке. Как же этому миру не хватает красоты! Зелени, моря, неба, звезд, животных. Боже, я не видела ни одного животного! Как они здесь живут и почему я не ценила все это на Земле?!

– Что теперь будет с Харриетом и Шарлоттой? – спросила я наконец, удовлетворившись получившимся декором.

– Я доложил Повелителю. Решение за ним. Полагаю, Вельзевул передаст их дело судьям. Но прежде надо выяснить, кто такая... или что такое Шарлотта. А она отказывается говорить. Пока что они останутся взаперти.

– Но Харриет-то в чем виноват? Не он начал драку. Он был напуган, рассказал мне о том, что в его квартире кто-то бывает, оставляет пугающие послания. Он жертва, а не преступник.

– А ты в этом уверена?

– Конечно.

– А кто открыл портал?

Я открыла рот, чтобы ответить «понятия не имею», и закрыла, так и не произнеся ни звука.

– Думаешь, Харриет открыл? – нахмурился Дар. – Зачем?

– Многие держат нас за идиотов, полагая, что мы не знаем, как упрощают себе жизнь проводники, таская из немагических миров разные вещи в обмен на услуги. И, пока они это делают тихо, мы не нарушаем устоявшееся равновесие. В основном это мелочи: книги, одежда, еда... коньки.

Я слегка покраснела. Но Самаэль явно сразу понял, откуда они у меня появились, и раз все же стал замораживать Стикс, то не был против.

– Иногда проводники наглеют. Начинают тащить предметы искусства, знаковые для душ вещи, запрещенные вещества, оружие. За это полагается суровое наказание. Харриету вполне могло прийти в голову попытаться улучшить свое положение за счет корабля, который утонул. Многие в нашем мире готовы щедро заплатить за такой сувенир. Чем или кем бы ни была Шарлотта, возможно, она – реакция твоего мира на вмешательство из нашего. Но в любом случае это все догадки.

– Как у вас все сложно устроено. Когда я перестану чувствовать себя так, словно это я провела сто лет на дне океана? Там чай еще остался? Хоть немного?

Самаэль подошел к столику, чтобы налить мне в кружку розового варева.

– Вообще я надеялся, ты будешь сообразительнее.

– В каком смысле?

– Тебе поможет эмоциональное занятие, которое тебя всколыхнет.

– Да, я помню. До новой оргии еще целый год, а твой брат куда-то ушел, так что мне даже подраться не с кем...

Я осеклась. Взгляд упал на сумку, в которой лежали коньки. Каждое утро я шла в колледж с надеждой, что Самаэль заморозит Стикс и даст мне полчаса покататься. Если с утра он не достаивал меня милости, надежда обращалась к вечеру.

– А если я... пойду покатаюсь, то река замерзнет?

– Возможно. В крайнем случае подышишь свежим воздухом.

– Юху-ху!

С пугающей для больной девицы прытью я соскочила с постели и понеслась в ванную – переодеваться.

– А можно мне с тобой? – раздался голос Дара.

В этот момент он мог просить хоть тысячу желаний – я бы пообещала их все!

Оказалось, даже мысль о коньках снимала половину симптомов. А при виде кристально прозрачного льда на Стиксе я и вовсе почувствовала себя почти здоровой.

При виде нас народ начал стекаться к набережной.

– Слушай, – спросила я, – почему все так удивляются, что я катаюсь? К вам что, ни разу не попадали фигуристки? Ни в жизнь не поверю. Разве что они все в Аиде за подсыпанное соперницам в коньки стекло.

– У нас просто нет льда. Стикс никогда не замерзал раньше. А катков мы не строим. Многие здесь – иные, никогда не бывавшие на Земле. Даже если они и слышали рассказы, никогда не видели многих вещей вживую. Ты привлекаешь не только красивым катанием, но и самим фактом того, что тебе позволено делать это на Стиксе. Ни у кого нет иллюзий. Все знают, с чьего позволения ты здесь. По этой же причине никто не решается ступить на лед, хотя все они уже знают, что он безопасен.

– А почему, если дар создавать искусство такой редкий, вы не используете талантливые души? Столько крутых художников уже умерло! Композиторов!

– Оказавшись в нашем мире, душа теряет свои способности. Остаются только навыки. Их хватает, чтобы что-то создавать, но теряется магия. Вы не замечаете ее на Земле. Ищете какие-то критерии, техники, смыслы. Но дело совсем в другом, в том, что нельзя увидеть или вывести из формулы. Кстати, ты не против, если я порисую тебя, пока ты катаешься?

– Я думала, ты рисуешь по одному портрету на душу.

– Тот мне пришлось... м-м-м... уничтожить. Не получился. Таких, как ты, сложно рисовать. В вас слишком много эмоций.

– Валяй, – отмахнулась я.

Закончила шнуровать коньки и осторожно спустилась на лед, чувствуя, как с каждым шагом сил становится все больше и больше.

Наверху, у перил, столпился народ. Они жадно всматривались в каждое движение, изрядно нервируя, и я подумала, что в следующий раз стоит попроситься сюда ночью. Мне хотелось восстановить чуть

больше сложных прыжков, но не хотелось валяться по льду на глазах всего Мортрума.

Но даже простейшие вращения и легкие разминочные прыжки привели меня в чувство. Лезвия безо всяких усилий скользили по поверхности льда, оставляя едва заметные царапины. А где-то в глубинах темных вод по течению плыли души-огоньки. Сначала мне казалось, они совсем меня не замечают, но вскоре стало ясно, что это не так – там, где я выходила из прыжка, где в лед врезались зубцы, на миг вспыхивал и тут же гас свет. За ледяными узорами следовали и огни, подсвечивая рисунок танца.

Да, я оказалась плохой фигуристкой. Не завоевала медали. Не принесла победы. Не вписала свое имя в историю.

Но никто из тех, кем я восхищалась, никто из тех, кому отчаянно завидовала и на кого хотела быть похожей, ни одна олимпийская чемпионка, ни одна чемпионка мира не каталась на льду замерзшей для нее одной реки мертвых. Ни на кого не смотрели так, как сейчас смотрели на меня.

Остановившись, я прислушалась к бушующим внутри эмоциям и вдруг поняла, что счастлива. Впервые за много дней здесь.

Да, отец все еще в Аиде, и я не знаю, как ему помочь. Да, будущее все так же пугает неизвестностью. Да, теперь я лишилась единственных друзей и осталась одна в доме, где никому не нужна.

Но я хочу жить. Пусть так, в мире, который не получается понять, но хочу. Хочу узнать историю Аиды Даркблум дальше.

– А ты можешь меня научить? – спросил Дар, когда я совершенно без сил взобралась обратно на набережную, ко всеобщему разочарованию.

– У вас здесь нет коньков.

– А если я достану?

Я улыбнулась.

– Тогда буду рада стать твоим тренером, и только попробуй набрать хоть один лишний килограмм!

Дар рассмеялся и, пока он собирал разбросанные вокруг куски угля и листья, я наблюдала за толпой.

Я почти научилась отличать иных от душ. В их обликах и движениях было что-то неуловимо разное. Не поддающееся объяснению или осмыслению. Я просто смотрела на кого-то и

понимала: он – иной. Родившийся в этом несчастном, выжженном магией мире. А рядом с ним душа. Она вряд ли задержится здесь надолго.

– Он ушел, – сказал Дар.

– Кто?

– Дэв. Он ушел минут за десять до того, как ты вышла.

– При чем здесь Дэв?

Парень пожал плечами.

– Я думал, ты ищешь его.

– Я даже не знала, что он был здесь.

– Идем домой? Сэм уже наверняка дежурит у ворот, нетерпеливо поглядывая на часы. Хорошим мальчикам надо выспаться перед работой.

– Девочкам тоже, – улыбнулась я в ответ.

Жаль, что я какая угодно, но не хорошая.

Глава четвертая

Еще одна несправедливость мира мертвых: работа есть, а больничных – нет.

После двух дней недомогания (на второй я просто валялась в постели, ела и любовалась лимоном, но Самаэль сам разрешил отдохнуть еще немного) пришлось вернуться в колледж.

На практике у Риджа мы перешли к новому этапу работы с кастодиометрами.

– Взвесить свою душу достаточно легко, ведь никому вы так не доверяете, как себе. А вот чужую...

Не справился никто. Сколько мы ни пытались добыть заветный огонек, чтобы возложить его на чашу, получалось только по-идиотски тыкать друг друга в грудь.

– Вам предстоит долгий путь, – фыркнул Ридж. – Аида, подойди.

Естественно, именно меня выбрали демонстрационной моделью. Помню, в школе у нас были занятия по первой помощи. Непрямой массаж сердца и искусственное дыхание мы отрабатывали на потасканном резиновом тренажере. Я наотрез отказалась прикасаться к нему ртом, и меня отстранили от занятий на неделю.

Так вот, сейчас я чувствовала себя таким тренажером.

Ридж дождался, пока внимание всех присутствующих обратится к нам, и ладонью коснулся моей груди. Прикосновение обожгло – и вовсе не в метафорическом смысле. Оказалось, что отдавать часть себя другому для измерений довольно болезненно. Я закашлялась и поморщилась.

– Неприятно, но не опасно. Однако это сейчас, среди тех, кто понимает необходимость измерений. С новыми душами все сложнее. Они порой не в восторге оттого, что их будут оценивать и взвешивать.

С этими словами Ридж мне улыбнулся. И, несмотря на полученный для кастодиометра кусочек энергии, убрал руку далеко не сразу, напоследок скользнув кончиками пальцев по обнаженной коже.

И я бы непременно отпустила какое-то язвительное замечание или, как обычно, шлепнула нахала по рукам, если бы не произошло кое-что, заставившее меня забыть обо всем на свете.

Ридж опустил огонек на чашу, и кастодиометр медленно пришел в движение. Вниз, еще вниз, приближаясь к точке равновесия, и... застыл.

– Не может быть! – не выдержала я.

– Что такое, страж Даркблум?

– Результаты измерения зависят от того, кто его проводит?

– Поподробнее, пожалуйста. Что вас смущает?

– В прошлый раз кастодиометр показал другие результаты. Когда я измеряла сама. Может такое быть, что... не знаю, на результаты влияет опыт или личность судьи?

– Нет. Это невозможно. Однако на результаты влияет ваша жизнь здесь. Почему вы не допускаете, что за прошедшее с предыдущего измерения вы стали... м-м-м... лучше или хуже?

– Лучше. Сильно лучше. Именно поэтому и не допускаю. Я не сделала ничего хорошего, я...

Побывала в Аиде, потеряла двух друзей (но взамен вроде нашла одного), влезла в запрещенное место. Что еще?

– Может, в тот раз вы взвесили душу неправильно? Или что-то напутали? Всякое бывает.

Я открыла было рот, чтобы огрызнуться, – уж проследить за одним кастодиометром я способна. Но вдруг вспомнила, как Шарлотта уронила пробирки. Да она же поменяла их местами! Чтобы я не задалась вопросом, почему такая положительная и подающая надежды проводница имеет такую темную душу, Шарлотта поменяла пробирки!

– Вижу, на вас снизошло какое-то озарение, – хмыкнул Ридж. – Возвращайтесь на место, обдумайте его. Сейчас я подойду и каждому лично объясню, как это делается. У вас будет еще одно занятие, чтобы освоить это нехитрое действие. А затем двинемся дальше.

Я посмотрела на пустующее место и уныло вздохнула. Без Шарлотты колледж казался унылым местом. Мне не хватало ее сильнее, чем хотелось бы. Поболтать в перерывах, сходить в столовую и выпить противный кофе, обсуждая все и всех. Поделиться впечатлениями от занятий.

А она ведь всем лгала. Просто приходила в колледж, делала вид, что здесь учится, как-то запихнула себя в списки студентов. И никто, никто из этих хваленых стражей, призванных защищать миры, не заподозрил неладное.

Эта мысль немного повеселила.

– Аида, задержись на пару минут, – бросил Ридж, когда звонок наконец оповестил об окончании занятий.

– Меня ждут в министерстве. – Я нахмурилась. Ридж как-то резко снова перешел на «ты».

– Я не отниму у тебя много времени.

– Хорошо. Чем могу помочь?

Надеюсь, он сейчас попросит передать Самаэлю записку или спросит, почему прогуливает пары соседка. Или даст дополнительное задание для отстающих. Или...

– Поужинаем?

– А? – не нашла ничего лучше, как прикинуться дурочкой я. – Зачем?

– Затем, что таковы социальные условности всех миров. Хочешь девушку – пригласи ее поужинать в дорогой шикарный ресторан. Ну, в нашем случае просто в шикарный.

– Я тебе сейчас врежу! – пообещала я.

– Эй, я твой преподаватель!

– Да, поэтому приглашать меня на ужин неэтично.

– Кто это сказал?

– Ну хочешь, с Самаэлем договорюсь – он скажет.

– Я хочу с тобой поужинать. Ты мне интересна. О тебе говорят. Ты нарушаешь правила. Никого не боишься. Живешь в доме Повелителя, значит, явно непростая. Кто ты такая, Аида Даркблум? Предлагаю рассказать за ужином.

– Спасибо, но откажусь.

– Это потому что я твой преподаватель? – Ридж задействовал свою самую обольстительную улыбку, но я не повелась. Или чуть-чуть.

Ладно, внимание обалденного наглого красавчика, особенно после презрительной холодности Дэваля и менторского тона Самаэля, льстило. Но не настолько, чтобы я, потеряв голову, прыгнула к нему за столик в ресторане, а потом в постель.

– Это потому что мы познакомились на оргии. Боюсь, ничему уже не смогу удивиться. А отношения должны удивлять, иначе они обречены.

– Я приглашаю не на оргию, а на ужин! Ладно, признаю, я рассчитываю на продолжение. Как и любой нормальный мужик! Но я же не считаю тебя чем-то обязанной. Просто ужин. А там сама решишь, нравлюсь я тебе или нет. В конце концов, согласие на второй ужин – тоже результат.

– И это не запрещено?

– Нет, мы оба взрослые.

– И магистр Сонг не будет в ярости, если узнает?

– Ну-у-у... – Ридж слегка стусевался. – Возможно, Селин не стоит знать. Просто для ее спокойствия.

– О чем знать?

Мы дружно подпрыгнули. Дэваль подкрался незаметно, и неизвестно, сколько стоял, слушая наш разговор. Принесла же нелегкая! Почему это семейство не оставит меня в покое хотя бы на парах? Он ведь давно закончил колледж.

– Я за тобой, – ответил он на немой вопрос. – Дозор.

– Как дозор? Сегодня? Недавно же ходили!

– Это работа, вообще-то. Регулярная. Тебе и так дали два выходных. Я тебя что, еще и уговаривать должен? Хватит того, что я согласился тебя проводить. Давай быстрее, у меня нет времени.

– Секундочку! – ядовито отозвалась я. – Ридж приглашает меня на ужин, дело срочное.

Тот мгновенно воспользовался случаем:

– Так ты пойдешь?

– Конечно! Как раз после дозора два дня выходных!

Я схватила сумку и пожалела, что взяла коньки. Придется просить Самаэля подержать их у себя и отнести вечером домой, чтобы никто не позарился.

Дэваль с выражением не то брезгливости, не то раздражения дождался, пока я надену куртку, а затем, не удостоив Риджа и взглядом, направился прочь из аудитории. Пришлось последовать за ним.

Одновременно чувствуя страх перед новым дозором.

И задаваясь вопросом: почему я согласилась на ужин?!

Впрочем, если бы кто-то предложил поменять дозор на вечер с Риджем, я бы согласилась не раздумывая. До сих пор все мои недолгие

контакты с Пределом заканчивались не слишком хорошо. Что-то определенно должно было случиться и в этот.

– Что мы будем делать? – спросила я, когда мы спускались по лестнице. – Опять сидеть возле дыры с унылым видом и надеяться, что никто не прорвется?

Дэваль фыркнул, как будто я спросила что-то глупое!

– Лучше бы тебе запомнить, что такие мысли перед дозором не озвучивают.

– Почему? Суеверие?

– Закон. Как только скажешь, что дозор будет скучным, – обязательно случится какая-то дичь.

В холле, в толпе гомонящих и опаздывающих на занятия студентов, я увидела Селин. Закусив губу, она стояла у колонны, нетерпеливо притоптывая, а увидев нас, направилась к Дэвалю.

– Вот видишь, – вздохнул он.

– Это не дичь, это Селин. Хотя согласна, что-то общее есть.

– Ты мне нужен. Сейчас.

– У меня дозор. Братик сказал не отходить от маленькой стервы. Ты же не хочешь, чтобы я бросил ее на произвол судьбы и Самаэлю пришлось утешать испуганную малышку?

– Знаешь, – сказала я, – это даже для меня перебор.

– Значит, идите за мной оба! – отрезала Селин, проигнорировав издевку.

Вот теперь я занервничала. Переглянувшись, мы с Дэвалем двинулись вслед за Селин к выходу. Несколько девушек проводили нас взглядом, и мне почудилось легкое раздражение в выражениях их лиц. Все время забываю, что Дэваль здесь считается завидным женихом.

Селин вела нас не в министерство, вопреки моим ожиданиям. Довольно скоро мы свернули на тихую безлюдную улочку. Я все еще плохо ориентировалась в городе, но, если вспомнить карту, мы шли куда-то в сторону архива. Дэваль наверняка знал, куда мы идем, но хранил молчание. И я почти решилась спросить, когда Селин заговорила сама:

– Мне нужны все свободные стражи. Приказ Повелителя.

– Ого, – Дэваль присвистнул, – самого Повелителя. И что случилось? Кто-то написал на заборе, что Вельзевул не величайший иной всех времен?

– Души вырвались, – ответила Селин. – На Землю.

От неожиданности я ойкнула. Судя по тому, что Дэваль остановился как вкопанный, новость поразила и его.

– Сколько?

– Точно не знаем. Эйвери насчитал шестерых, но ему пришлось сматываться, вероятно, были еще.

– Как?!

– Понятия не имею. Повезло, наверное, открыть прореху в архиве. А может, кто-то помог. Я не знаю, Дэваль, но мы должны их вернуть, пока не стало поздно.

– А что случится, если не получится? – спросила я.

– А что может случиться с душами отъявленных мерзавцев, узнавших, что ждет их после смерти? – Дэваль пожал плечами. – Они устроят хаос. К тому же души в Аиде теряют человеческий облик. Представь бессмертных кровожадных монстров на твоей любимой Земле. Что они там натворят?

Я живо вспомнила короткое путешествие в Аид и поежилась. Появись такой монстр на нашей улице, весь город сошел бы с ума.

– Когда немагический мир сталкивается с чем-то из нашего, магия, лишаящая души памяти, начинает работать неправильно, – сказала Селин. – Она сводит души с ума.

– Безумные души отправляются в Аид, – мрачно закончил Дэваль. – Даже если не виноваты в своем безумии.

И я невольно вспомнила о Шарлотте. Безумие – слово, которое приходит на ум, когда я вспоминаю ее взгляд. Что и кому сделала семнадцатилетняя девчонка, что сначала провела сотню лет в ледяной бездне, а теперь отправится в Аид?

За этими мыслями я упустила главное. И даже не сразу поняла, о чем говорит Селин:

– Ей стоит остаться.

– Она мой напарник. Это против правил.

– Но ей нельзя туда...

– Повелитель приказал нам работать вместе. Ты же не хочешь ослушаться его?

– Нельзя куда? – влезла я.

Селин ответила нехотя:

– На Землю.

Лишь нечеловеческое усилие, стоившее мне нескольких миллионов нервных клеток, не позволило выдать эмоции. Казалось, стоит проявить хоть капельку радости – и Дэваль прислушается к Селин, оставит меня здесь мучиться, зная, что мысль о Земле будет невыносима.

Поэтому я прикинулась идиоткой.

– А разве мы можем туда пойти?

– С Селин – да. У нее редкий дар, позволяющий открывать порталы на Землю. Как раз на случай подобных ситуаций.

– То есть такое уже бывало? На Землю прорывались темные души?

– Нет, – явно нехотя ответила Селин, – такое случилось впервые.

– А ты был на Земле?

– Теоретически.

– В каком смысле теоретически? Ты либо был, либо не был, третьего варианта нет.

– В колледже есть практика с проводниками. Каждый страж должен знать, как души переходят границу между мирами. Но проводник всегда находится у Стикса, тот кусочек Земли, что он видит, – лишь крохотная ее частичка, ускользающая при любой попытке узнать ее лучше. Я был только там, где души прощаются со своим немагическим миром. Постоял на пороге. Но если ты беспокоишься, то могу утешить: нас учили, что делать.

– Я? Беспокоюсь? – Я фыркнула. – Восхищаюсь твоей везучестью. Из всех напарников тебе достался именно тот, который сможет сделать так, чтобы тебя не переехало поездом в метро.

– Рада, что вам весело, – холодно откликнулась Селин. – Надеюсь, будет так же весело, когда увидите, что натворили в том мире вырвавшиеся души. У Харона будет сложный денек. Если не поторопитесь, жертвы будут исчисляться сотнями, и кто знает, сколько душ мы потеряем безвозвратно.

Мы вошли в архив слегка притихшие. Внутри нас уже ждала группа стражей, оживленно переговаривавшихся меж собой. Но при виде Селин все резко умолкли.

– Значит, так, вы – последняя группа, которая отправляется на Землю. Напоминаю главное правило: у вас всего три часа, не больше! Иначе вы начнете терять память. На большее моих сил при таком

количестве порталов не хватит, так что постарайтесь быстрее. И как можно тише. Смертные не должны узнать о нас.

– Мы знаем, где именно находятся темные души?

– Лишь примерно. Порталы выведут вас в места их переходов – там самые сильные следы. А дальше вы сами. Мы не знаем, в каком они облике. Темные могут выглядеть как люди и прятаться среди них, а могут быть монстрами и уже сеять страх. Вы все знаете, что случится, если о нашем мире станет известно...

Я не знала, но, покрутив в голове насущные вопросы, сосредоточилась на более волнующих:

– Не могу понять, как они пробрались на Землю? Допустим, прореха появилась где-то в недрах архива. И что, им так повезло, что порталы на Землю оказались открыты? У вас тут, я смотрю, считается нормой не закрывать за собой двери? Изобретите уже замки!

– Хороший вопрос, – мрачно хмыкнул Дэваль. – Многовато в последнее время открытых порталов.

Селин меж тем продолжила:

– Мы не можем рисковать. На кону судьба немагического мира. Поэтому... снисхождений не предусмотрено.

Лица стражей потемнели, и только я, не сообразив, о чем она, повернулась к Дэвалю.

Ответить он не успел, Селин протянула ладонь, на которой в свете тусклых огоньков, висящих у нас над головами, поблескивали алые камни. Похожие на те, что я видела в кастодиометрах.

– И что... – Я осеклась на полуслове.

Потом еще раз посмотрела на камни и отшатнулась.

– Вы что... ты хочешь, чтобы мы заточили туда души? А как же... я не знаю... суд? А если они ничего там, на Земле, не натворили? Не все же монстры! Это ведь навсегда, это... убийство. Такое же, как убийство души, не достигшей девятнадцатилетия!

– Даркблум, – сквозь зубы процедил Дэваль, – богов ради, замолчи!

Оглядевшись, я поймала заинтересованные взгляды стражей вокруг. И почти физически ощутила холод, идущий от Селин. Здесь, кажется, не поощрялись подобные идеи. Темные души требовалось или ненавидеть, или хладнокровно уничтожать во благо всех миров.

Но как заточить живое существо в камень, заставить вечность взвешивать чужие души без шанса на жизнь? Как решиться на это, зная, что где-то в Аиде в монстра превращается твой собственный отец?

Дэваль забрал у Селин камни, сунул их в карман и подтолкнул меня в сторону одного из проходов меж стеллажами, в конце которого виднелась дверь-портал. Я едва могла шевелиться, а заледеневшие руки пришлось спрятать под куртку, чтобы никто не увидел дрожь.

Насколько близко окажусь к Аиду я сама, если стану вот так легко лишать кого-то права на существование? Об этом они, властители мира мертвых, не думают?

Я впервые переходила через портал. Дэваль почти силой впихнул меня в дверной проем, и на миг нас ослепила яркая красноватая вспышка. А потом я почувствовала ни с чем не сравнимый, почти забытый запах. Удивительно реальный и одновременно невозможный.

Запах листвы и воды. Как в парке с озером, на котором я впервые встала на коньки. Когда папа был рядом и жизнь казалась прекрасной.

Сначала показалось, мы прибыли на Землю ночью, но затем, задрвав голову, я увидела первые робкие краски рассвета.

– И что теперь? – осипшим голосом спросила я. – Как мы их найдем?

– Я сам, – вдруг произнес Дэваль.

Я открыла было рот, чтобы возразить, но вновь посмотрела на его руку с зажатыми камнями и неуверенно кивнула. Пожалуй, сейчас я совсем не способна с ним спорить.

– Не выделяйся. Не уходи далеко от портала. Ни с кем не говори. Следи за временем.

– Ты уверен, что тебе не нужна помощь здесь? Если ты загремишь в полицию, тремя часами не отделаешься.

– Напомни, когда я разрешил тебе меня поучать?

Надо же. Как быстро отпустила благодарность за то, что Дэв избавил меня от необходимости заточать души в камни, и снова захотелось ему врезать.

– Не заставляй меня жалеть о том, что я тебя взял, – напоследок бросил Дэваль, прежде чем быстрым шагом удалиться в глубь леса.

Когда его шаги стихли и вокруг слышался лишь слабый шелест, я без сил опустилась прямо на землю у ближайшего дерева. Погрузила

пальцы в холодную сухую листву и закрыла глаза.

Неужели я снова здесь? Слышу лес, чувствую его запахи. На несколько часов я вновь – часть немагического мира, по которому так скучаю.

– Ну привет, Земля. Думала, я умерла? А я вернулась. Ненадолго, правда. Как ты тут? Оказывается, я должна была тебя хранить. Кажется, получалось неважно.

Я нервно рассмеялась, поняв, как смотрюсь со стороны, болтая сама с собой. Нехотя поднялась и побрела туда, откуда слышался плеск воды, – наверняка к лесному озеру или ручью. Больше всего мне бы хотелось увидеть море. Но не повезло: судя по температуре и деревьям, Селин забросила нас куда-то севернее. Может, в Канаду? Или в Россию? Да, пожалуй, Россия в моих представлениях могла бы выглядеть как-то так. Папа говорил, мама любила наш город именно потому, что он неуловимо напоминал ей о доме.

Мысли и воспоминания так захватили, что я не сразу сообразила, когда вышла к берегу озера. Понадобилось несколько минут, чтобы оглядеться и убедиться, что я не схожу с ума.

Что это не просто озеро, похожее на то, рядом с которым мы жили.

Это оно.

Портал привел нас в город, где я выросла.

И где умерла.

– Это не к добру, – пробормотала я.

Эмоции обрушились с такой мощью, что заболело в груди. Я прислонилась к холодному стволу дерева, пытаюсь справиться с лихорадочно скачущими мыслями и уговаривая себя быть благоразумной. Но сложно быть такой, когда кажется, что в мире мертвых кто-то словно подкрутил бегунок насыщенности, в несколько раз ослабив чувства, а сейчас они вернулись.

Я дома.

Там, где выросла. Там, где была счастлива. Там, где есть что-то, помимо проклятого города-замка, в недрах которого скрывается тьма.

Я с наслаждением провела по шершавой коре дерева и вслушалась в утреннее щебетание птиц. Как этого не хватало! Я недооценивала тоску по миру, в котором есть природа. По возможности вдыхать ароматы леса и воды.

А ведь мне стоит лишь спрятаться, пропустить время возвращения и...

И что?

Потерять память, превратиться в одну из городских сумасшедших? Чтобы потом Селин снова отправили меня убитой? А может, душа, перешедшая в немагический мир, лишается не только памяти, но и возможности вернуться? И оказывается запертой на Земле в мучительном бессмертии, наблюдая, как сменяются эпохи?

Это выглядит не так уж привлекательно.

– Будь благоразумна, Аида, не наломай дров, – сказала я себе.

И твердо решила: я вернусь. Вернусь сюда прежде, чем истечет срок, вернусь в Мортрум и свою комнату в особняке Вельзевула. Продолжу учиться быть стражем и попытаюсь найти в себе страстное желание стать лучше, чтобы попасть в Элизиум.

Но я должна попрощаться.

Жаль, у куртки Дэваля не было капюшона, но я добавила к списку прегрешений еще одно и стащила у зазевавшегося паренька, что выделывал трюки на самокате на пустыре у леса, бейсболку. Вряд ли кто-то в городе меня узнает: я давно перестала со всеми общаться, а мачеха сейчас наверняка была на работе, но все же поставила себе задачу-максимум: не стать мертвой девушкой, разгуливавшей по улицам. По крайней мере, в прессе и соцсетях.

Я знала, что сделаю. И понимала: Самаэль не погладит по головке. Если кто-то узнает, я отправлюсь в Аид раньше, чем успею мяукнуть. Но кто узнает, если Дэваль разыскивает беглую душу, а больше здесь никого нет?

До катка, где я провела большую часть детства, было около получаса ходу. Пришлось долго прятаться в тени деревьев поодаль, прежде чем двери ледового дворца откроются для посетителей. Ни у кого не вызвала вопросов девушка в мешковатой куртке, проскользнувшая через холл к раздевалкам.

Каток относился к кампусу, и лишь по этой причине за мной продолжали держать шкафчик для спортивной формы и коньков. Существовала высокая вероятность, что после моей смерти шкафчик освободили. Но я была готова поспорить на любимый лимон – никто не вспомнил о шкафчике мертвой девушки. Вряд ли в колледже вообще кто-то знает, что я мертва. К началу нового семестра позвонят

мачехе, чтобы сообщить об отчислении, и дежурно выразят соболезнования.

Но все же рука дрожала, когда я набирала код. То ли потому, что я боялась, что шкафчик не откроется, то ли потому, что, наоборот, надеялась на это. Удивительно, как тот, кто декларирует абсолютное равнодушие к окружающему миру, вдруг с горечью понимает, что миру было плевать на него в ответ.

Замок приветливо щелкнул, и в следующую секунду я уже смотрела в прошлое.

Это оказалось тяжелее, чем я себе представляла. Особенно фото на внутренней стороне дверцы. Мое первое соревнование. Я заняла четвертое место с отрывом от третьего в пару десятых балла. Не попала на пьедестал, и тогда это казалось величайшей трагедией.

Тогда папа дождался, когда пройдет церемония награждения, поставил меня на верхнюю ступень и сказал, что хоть медаль я сегодня и не взяла, все же стала первой – только из Даркблумов.

– Никто и никогда в нашем роду не участвовал в таких соревнованиях, малышка. Никогда еще мы не добивались такого успеха. Каждый из Даркблумов боролся за то, чтобы мы с тобой оказались здесь. Даже четвертое место – это огромный успех, потому что еще каких-то двадцать лет назад девочки в нашей семье не могли и мечтать о том, чтобы выйти на профессиональный лед. А мы с тобой смогли. Я заработал для тебя эти тренировки, а ты пахала, чтобы стать лучше, чем двадцать три участницы, понимаешь? Осталось всего три шажочка – и ты на вершине.

Разве я могла подвести род Даркблумов? Могла не стать лучшей?

Так мне казалось. Лишь после смерти отца это восхождение на вершину показалось бессмысленным.

Горы тетрадей, пачки шоколада, стаканчик из-под кофе – я не была образцово опрятной студенткой. Но все эти напоминания о прошлой жизни, в которой существовали пластиковые пакеты и трубочки, меня не интересовали. На самой нижней полке, прислоненные к стене, лежали они.

Коньки.

Купленные за год до смерти папы, изношенные многочисленными тренировками, изрезанные прыжками. Почти развалившиеся – у профессиональных фигуристов редко бывает иначе.

Я улыбнулась. Провела пальцем по нескольким особенно глубоким царапинам, ковырнула ногтем ржавчину на лезвии. Без ухода они быстро ржавеют.

Остаться здесь дальше было опасно, поэтому я неловко засунула коньки под куртку, захлопнула шкафчик и в последний раз окинула взглядом раздевалку.

Пожалуй, спорт – то небольшое, о потере чего я не жалею. Кататься по замерзшей реке мертвых намного более захватывающе, чем пытаться понравиться девяти пижонам, уже давно забывшим, каково это – выходить на лед.

Я шла по знакомым улицам, чувствуя, как от страха колотится сердце. Только бы не встретиться с Дэвалем! Он неизбежно начнет задавать вопросы и любую информацию использует против меня. А ведь я должна ему желание, и вряд ли он забыл.

Лишь несколько раз, у самого дома, мне пришлось прятаться: когда вышла соседка, миссис Роуз Паркер, пожилая сплетница, ненавидевшая меня так же сильно, как магнитные бури. И когда я увидела машину мачехи, выезжающую из гаража. Я жадно всматривалась в знакомый силуэт за рулем, пока машина не скрылась за поворотом. На миг показалось, машина сейчас остановится и Хелен выйдет, заметив меня за деревьями. Но я как будто превратилась в тень.

Едва дождавшись, когда миссис Паркер вернется в дом смотреть свои сериалы, я метнулась к крыльцу, вытащила из-под куртки коньки и осторожно прислонила к входной двери.

Мачеха подумает, что колледж отправил коньки с курьером. Ей и в голову не придет, что их принесла вернувшаяся на пару часов с того свеча падчерица. А я не настолько безумна, чтобы писать записку.

Но я хочу, чтобы они у нее были.

Когда я оперлась о дверь, чтобы подняться, едва не упала.

Открыто? Но Хелен уехала через гараж. Она никогда не забывала запереть дверь!

– Нет, Аида, уходи, – пробормотала я.

Нельзя заходить в дом, в котором я выросла. Нельзя цепляться за прошлую жизнь. Я пришла попрощаться, а не ковырять раскаленным прутом свежую рану.

– Зайди, – раздался голос, который просто не мог звучать в этом мире.

Давно умолкший голос.

– Зайди, принцесса, ты привлекаешь внимание. Нельзя, чтобы тебя увидели.

В Аиде я очутилась быстро. Одно касание, недолгий полет – и я лежу на красноватой земле под затянутым смогом небом. А сейчас я словно спускалась туда медленно, напитываясь липким страхом до леденеющих ладоней и колотящегося сердца.

Доски на полу закрипели, словно дом поприветствовал свою умершую хозяйку. Взглядом я скользнула по стене с висящими фото, но быстро отвернулась. Запечатленные мгновения счастливой смертной жизни сделали еще хуже. Я до последнего одновременно надеялась на игру воображения и то, что это происходит в реальности, не зная, чего боюсь больше.

Но посреди гостиной, там, где я провела почти всю жизнь, смотря соревнования, обсуждая тренировки, празднуя дни рождения и просто валяясь на старом, но удобном диване, посреди прошлой жизни стоял отец.

Словно и не было последних лет. Словно катастрофа не забрала его так внезапно и несправедливо, а я не отправилась в магический мир, хранить завесу между Мортрумом и Аидом.

Папа улыбнулся так, словно я всего лишь вернулась из долгой поездки. Он раскинул руки, как делал всегда, когда встречал меня в аэропорту, но я не смогла сдвинуться с места.

– Не рада видеть меня, принцесса?

– Ты выбрался. Выбрался оттуда. Как?

– Это длинная история. Хотел бы я однажды тебе ее рассказать, но, боюсь, возможности не представится. Не думаю, что у нас много времени. Скажу лишь, что сделал это ради тебя. Чтобы тебя увидеть. Чтобы ты не смела даже думать вернуться в Аид ради меня.

Я отвела взгляд, не в силах вынести фирменный отцовский взгляд и солгать, что не думала об этом. Вернуться в Аид, найти нужную душу и вывести ее оттуда... Сейчас это звучит невозможно, но я была готова торчать в колледже сутками без сна и еды, лишь бы научиться, стать такой, как Дэваль.

Отец не стал ждать, когда я выйду из ступора, и сам заключил меня в объятия. Знакомое ощущение и запах оказались настолько неожиданными, что я всхлипнула и затихла, пытаюсь сохранить в сердце давно потерянное ощущение безопасности и любви.

– Как мне жаль, что ты так рано туда попала, девочка моя. Как же я надеялся, что они дадут тебе хоть немного времени.

– Ты знаешь, что меня забрали специально? – Я подняла голову. – Откуда?

– Вельзевул многое мне рассказал, прежде чем запер в Аиде. Не верь рассказам о том, что лишь темные души попадают в ад, принцесса. Те, кто перешел дорогу иным, попадают туда не реже, даже если были святыми. Я не святой. Иногда я лгал, обижал, поступал жестоко, иногда делал подлости, но я не навредил миру и не погубил ничью душу. Большую часть жизни я потратил на то, чтобы любить тебя и твою маму. Увы, но простить это Вельзевул оказался не в состоянии.

– Вельзевул знал маму? Тебя? Папа, дай мне хоть капельку информации! Я ничего не понимаю! Они убили меня, привели в Мортрум, угрожают Аидом, но в то же время селят рядом с собой и позволяют больше, чем остальным душам. Тебя отправили в Аид, за что?! Почему твоего дела нет в архиве? Я пытаюсь найти хоть какие-то крупинки информации, но ощущение, будто нахожусь в какой-то сюрреалистичной книге, где героиня попадает в безумный мир, непонятный лишь ей одной!

– Аида... все сложно. Очень. И хоть я не считаю себя темной душой, достойной Аида, ты можешь возненавидеть меня за ложь. А еще я больше всего хочу, чтобы ты была в безопасности, моя девочка, и как бы я ни злился на Вельзевула, наверное, он единственный, кто сможет защитить тебя.

– От чего?

– От кого. От Лилит.

– Мамы Дэваля? При чем здесь...

Я умолкла, услышав щелчок замка, и перестала дышать. Папа, как и всегда, выглядел невозмутимо, но я слишком хорошо знала его, чтобы не заметить, как в глазах промелькнул страх.

– Хелен знает? – шепотом спросила я.

Едва заметно он покачал головой.

– Останься здесь! Тихо!

Я осторожно высвободилась из объятий и, стараясь не произвести ни единого звука, вышла в коридор. О том, что скажу мачехе, если она вернулась за забытым ланч-боксом, не думала. Увидеть мертвую падчерицу – для нее это будет сильным шоком. Но почему-то сохранить тайну возвращения отца казалось куда важнее, чем собственную.

Однако в дом вошла не мачеха. В дверном проеме, в декорациях моего прошлого, волей жестокой судьбы оказался Дэваль Грейв.

Страж, пришедший за душой единственного близкого мне человека.

Только сейчас Дэваль понял, почему отец так старался выбить из них с Самаэлем наивных мечтательных мальчишек, превратив в циничных беспринципных сволочей.

Мир Земли завораживал. Он обрушился со всей мощью звуков, запахов и цветов. Словно кто-то взял краски Дара и щедро прошелся ими по серо-синему, вечно дождливому Мортруму.

Это не было похоже на те редкие вылазки с проводниками на границу между мирами. Тогда он словно смотрел на Землю через мутное стекло и не понимал, почему души так за нее цепляются.

Глупая сестричка решила, что он хочет избавить ее от необходимости заточать души в камни кастодиометров, но на самом деле Дэваль испытывал почти физическую боль от мысли, что она увидит его реакцию на ее привычный мир. Больше всего ему хотелось сохранить холодную голову, не поддаться эмоциям. Увы, получилось лишь частично.

В кармане камни нагрелись до состояния, когда прикоснуться к ним стало больно. Казалось, вот-вот – и прожгут карман, явив ничего не подозревающим душам кусочек пока еще чуждого им мира.

Он все же не удержался, потрогал ствол усыпанного зелеными листьями дерева. Селин говорила, касаясь деревьев, можно почувствовать биение сердца этого мира. Его сердце еще бьется.

Усилием воли Дэваль заставил себя сосредоточиться на поиске сбежавшей души. Ему еще не приходилось этого делать. Как странно, второй прорыв меньше чем за год. Мир сходит с ума, и он вместе с ним. Проклятая Аида Даркблум. С ее появлением все перевернулось.

Ее как силками тянет к Аиду, к любым его проявлениям. В ее комнате растет настоящее дерево, пусть крошечное, но живое. Она носится по коридорам так, словно живет не в проклятом доме, а в собственном дворце.

Ее приглашает на ужин Ридж.

Дэваль хорошо его отделал на тренировке, и, кажется, Ридж что-то заподозрил. Но вряд ли паршивец откажется от идеи затащить девчонку в постель. А Самаэль упорно отказывается призвать ее к порядку.

Если уж явилась сюда в качестве наследницы, соответствуй, мать твою! А не испытывай терпение отца. За половину того, что творит Аида, Вельзевул уже убил бы любого из сыновей. И это бесит.

Пришлось потратить больше половины отведенного времени на то, чтобы разобраться в этом земном городке. В отличие от Мортрума, здания здесь стояли отдельно, и в каждом переулке или тупике могла скрываться темная душа. Они понятия не имели, что вырвалось на Землю и как именно это произошло. Какой облик у тьмы в этом мире? Ищет он монстра, скрывающегося в тени, или душу, затерявшуюся среди прочих?

Лишь камни в кармане направляли стражей. Но Дэваль никогда не умел по ним ориентироваться достаточно хорошо.

Его вело чутье.

В конце концов он оказался перед домом, возле которого камни накалились до предела и затрещали.

Душа здесь.

Осторожно, вслушиваясь в каждый шорох, он поднялся по ступенькам и толкнул незапертую дверь. Совершенно не к месту пришла мысль, что поведению стражей на Земле стоит уделить в колледже больше часов: он понятия не имел, что скажет, если будет застукан смертными.

Услышав шаги, Дэваль замер в готовности мгновенно броситься в битву.

Но, кажется, понял, кого увидит, за секунду до того, как из-за поворота показалась Аида.

А еще по тому, как изменилось ее лицо, он понял, какую именно душу придется уничтожить. И даже себе не смог бы ответить на вопрос, что показалось страшнее: то, как он изучил сестру, или то, с

какой усталостью он понял, что отныне и навсегда из ее врага превратится в убийцу.

– Ты... – Ее голос сорвался. – Уже все?

Неумелая и робкая попытка сделать вид, притвориться, что она не понимает, какая сила привела его в этот дом, провалилась. Дэваль сделал несколько шагов, и Аида бросилась наперерез.

Отстраненно подумав о том, как быстро она растеряла всю дерзость и стерженность, он взял ее за плечи, чтобы отодвинуть с дороги, но вдруг, к собственному удивлению, понял, что не способен пошевелиться.

– Не ходи туда. – Ее шепот резанул так, словно она закричала. – Не ходи. Ты же можешь сказать, что мы никого не нашли... Ну пожалуйста! Он ничего плохого не сделал, он не монстр!

Впору, рехнувшись, поверить в хитрый план отца. Как будто он хотел, чтобы Дэваль стал для новоиспеченной принцессы злом во плоти.

Когда она станет королевой, у нее не должно остаться сомнений: Дэваль не предаст дело стража, даже если для этого придется резать по живому.

Почему мысль о том, что с этой секунды он раз и навсегда станет ее врагом, похожа на медленное проворачивание раскаленного ножа где-то в области грудины, ведь он так старался этого добиться? С нездоровым предвкушением снова и снова толкал ее к ненависти и с нетерпением заглядывал в глаза. Ну? Ненавидишь? Давай, разочаруй отца, покажи, что ты такая же, как три неудавшихся сына!

Вот он, идеальный момент. Лучшего не будет.

Темная королева и проклятый ею страж.

– Мы ведь можем просто вернуть его в Аид.

Она коснулась его, словно собиралась оттолкнуть, но не хватило сил – и пальцы скользнули по куртке. Он даже не почувствовал их тепло.

– Просто вернуть туда... не превращать... это ведь хуже смерти. Хуже Аида. Хуже всего.

– Да. – Дэваль и сам не ожидал, что хоть одно слово сорвется с губ.

От его голоса она вздрогнула и опустила голову. А кончики пальцев их рук совершенно случайно на секунду соприкоснулись.

– Что мне сделать, чтобы ты передумал? Чего ты хочешь? Хочешь, я уйду? Останусь здесь, а ты скажешь, что я сбежала? Хочешь, уйду с ним в Аид? Дэваль... У всего есть цена. У коньков, тайком привезенных в ваш мир. У спасения моей жизни. У спасения души моего отца. Назови свою. Я заплачу. Любую. Все, что ты хочешь, ну пожалуйста, Дэваль, просто назови цену!

Она сорвалась на крик, выведя его из оцепенения. Медленно подняв руку, он запустил пальцы в мягкие, почти шелковые, длинные волосы, чувствуя, как ее накрывает теми же чувствами, что испытывал и он сам – смесью злости, отчаяния и страха. Только Аида боялась потерять отца, а он – самообладание, потому что это ее «все, что ты хочешь» выбило из-под ног почву.

Так легко согласиться.

Стоит лишь развернуться и уйти, оставить Даркблума здесь, и...

Что?

Что он хочет от нее такого, что не грозит им безумием?

Любая цена, которую ему позволено запросить, меньше, чем та, ради которой он готов предать Мортрум.

Он сунул руку в карман, вытащил несколько красных, поблескивающих даже в тусклом свете камушков. Еще пустых, лишенных душ, но совсем скоро засверкающих в кастодиометрах. Аида попыталась его остановить, обхватить запястье, но ей едва хватило сил, чтобы скользнуть ногтями по его холодной коже.

– Я не первая, да? – Ее губ коснулась усталая усмешка. – Не первая, кто предлагает тебе любую цену. Ты ведь постоянно это слышишь от душ, которые провожаешь. Ты отправляешь их в Аид, а они пытаются вымолить спасение. Нам нечего тебе предложить.

Есть. И в этом главная проблема. Никогда еще он не колебался. Никогда не цепенел, чувствуя в кармане жар камней кастодиометра.

Никогда в ответ на «все, что ты хочешь» не вдыхал легкий аромат духов, которым уже много недель окутывала эссенция, стоило ему взять бокал с ней в руки.

Никогда не стоял так близко, чувствуя, что один миг – и он коснется губами ее. Стоило лишь сжать пальцы на затылке, притянуть к себе – и он знал, что проиграет.

– Пожалуйста, Дэваль.

Пожалуйста.

Разве можно отказать, когда просит твоя будущая королева?

Он потянулся к ней.

– Не стоит этого делать, – раздался голос.

В следующую секунду Дэвалю показалось, он ослышался. Потому что Аида просто не могла произнести то, что произнесла.

– Не смей... не сейчас... – выдохнула она так, словно знала, что собирается сказать ее отец.

– Она твоя сестра. Неужели он ничего вам не рассказал?

– Не рассказал, – глухо отозвалась Аида и отстранилась. – Надеюсь, что я сама догадаюсь. И всячески на это намекал.

– А ты, как всегда, – усмехнулся Даркблум, – предпочла не замечать намеков.

– Я не люблю, когда со мной играют. Черт, папа, почему ты не ушел?!

Дэваль моргнул и нахмурился. Она пыталась выиграть время? Отвлечь его, чтобы дать темной душе шанс уйти? Вполне в стиле Аиды Даркблум. Но почему-то в это не верилось.

– Они пошлют его снова. И снова. И снова. До тех пор, пока он не сделает то, чего хочет его отец. Ты еще не поняла? Вельзевулу нужно, чтобы я исчез. И чтобы это сделал его сын.

– Зачем? – спросил Дэваль.

– Чтобы я знал, во что он превратит Аиду. Чтобы отомстить.

– За что?

– За ее мать. За Веронику.

– При чем здесь мама? – Аида отстранилась и плотнее закуталась в куртку – ее трясло.

Даркблум пожал плечами и прислонился к косяку. Он выглядел совершенно спокойно, хотя наверняка прекрасно понимал, какую именно участь сейчас сжимал Дэваль в кармане плаща.

– Когда-то Вельзевул был таким, как ты. Стражем, пусть и самым сильным, объединившим народ умирающего магического мира. И точно так же, как ты, он отправился на Землю, уж не знаю зачем. И встретил здесь Веронику. Мою жену. Твою маму, Аида.

– И что? – Ее голос звенел от напряжения.

Дэваль с удивлением понял, что впервые за много лет на его вопросы кто-то отвечает. Не отмахивается, не ищет отговорки или ложь, а отвечает – честно и без попыток увернуться.

В основном потому, что это похоже на исповедь приговоренного. Но и это больше, чем давал им отец.

– Вероника была яркой. Удивительной. Вельзевул влюбился, и у нее не было шансов. Он забрал ее с собой.

– Она была против? – спросила Аида.

– Не знаю. Я никогда не спрашивал, боясь услышать ответ.

– Почему она вернулась?

– Когда душа попадает в этот мир из Мортрума, она теряет память. Вы никогда не задумывались, что происходит с душой, которая попадает в магический мир, минуя обязательный этап смерти? Она сходит с ума. Медленно и неотвратно. Энергия в ней уничтожает разум. Вельзевул понял это, хоть и не слишком быстро. И тогда он сделал единственную вещь, которую мог, – вернул Веронику на Землю. К сожалению, уже было поздно.

– Она сошла с ума?

– А еще была беременна Аидой.

Даркблум посмотрел на бледную дочь. Дэваль мог поклясться: единственное, что держит Аиду на ногах, – упрямство. Пусть она и догадывалась, почему Вельзевул так приблизил ее к себе, но подтверждение подозрений и знание, что ее мать мертва из-за стража, который не сумел справиться с желанием обладать смертной девушкой, добило в ней остатки стойкости.

– Вероника не смогла справиться, возвращение добило ее. И она покончила с собой, оставив нас с тобой вдвоем.

Он привлек Аиду к себе, обнял, погладив по волосам. Дэвалю подумалось, что это выглядело искренне. И он невольно задался вопросом: когда Самаэль называл Даркблума опасным и жестоким существом, отказываясь раскрыть подробности, был ли он честен? Может, вся жестокость отца Аиды заключалась в том, что он посмел любить девушку, приглянувшуюся Повелителю? И за это отправился в Аид?

– Я, конечно, оберегал тебя от этой правды, принцесса. Но лишь потому, что хотел вырастить счастливой. Ты моя дочь, и мне плевать, как там по крови. Я думал, мне хватит сил, чтобы уберечь тебя от них, спрятать. Прости, что подвел.

Он посмотрел на Дэваля. Редко кто мог выдержать его прямой взгляд, а Даркблум посмотрел и не дрогнул.

– Однажды ты станешь Повелителем. Так говорили.

– Все изменилось.

– С появлением Аиды – да. Но лучшим ты быть не перестанешь. Ты заменишь отца. Может, не формально, но у девочки, воспитанной смертным, не будет твоей силы и власти. Поэтому защити ее. Сейчас ты ненавидишь ее, но однажды вы останетесь вдвоем наедине с умирающим миром, в котором много сотен лет правил ваш отец, и у вас не будет никого, кроме друг друга. Поэтому защити ее, Дэваль Грейв, не королеву и не наследницу, а сестру. Стань ей братом, и она покажет, что такое любить кого-то всем сердцем.

Аида всхлипнула, до крови закусил губу и тут же стиснула зубы, чтобы короткая вспышка слабости не переросла в рыдания. Несколько минут назад она умоляла его, а сейчас бросила все силы на то, чтобы не сломаться.

– И уведи ты ее, – устало произнес Даркблум. – Ты ведь без труда меня найдешь. Спрятаться от стража невозможно. А ей незачем это видеть. Уведи и возвращайся.

Даркблум сам подтолкнул Аиду в объятия Дэваля, и он с трудом заставил себя взять ее за руку. Не от отвращения, скорее боясь, что не удержит. Не удержал маму, не удержит и сестру.

Она без сопротивления пошла за ним, лишь беспрестанно оглядываясь, но Даркблум уже скрылся в доме и – чуткий слух не подвел – сел в кресло в ожидании исполнения приговора. Похоже, и правда не собирался оттягивать неизбежное.

Они вышли на крыльцо. В руках глупая дрожащая девочка зачем-то сжимала коньки.

– Оставь здесь, – хрипло приказал Дэваль.

– Это просто коньки...

– Оставь здесь. Они увидят. И накажут.

– Хорошо.

Неуклюже, как будто движения давались с трудом, Аида опустила старые потрепанные коньки на крыльцо дома, в котором выросла. В котором остался ее отец.

– Идем.

Ему пришлось тащить ее за собой, крепко сжимая запястье. К порталу, туда, в парк с небольшим озером, на поверхности которого зимой маленькая Аида Даркблум впервые встала на коньки. Он

помнил эту историю. Это озеро, нарисованное на обороте ее портрета, что сейчас надежно спрятан от любопытных глаз в его шкафу.

У портала, едва заметно мерцающего меж деревьев, Дэваль остановился. Взяв Аиду за плечи, встряхнул и заставил поднять голову.

– Однажды, когда я скажу, ты уйдешь. Раз и навсегда покинешь Мортрум. Вне зависимости от того, кого полюбишь и кого оставишь. Поняла? Одно мое слово в нужный момент – и ты вернешься в этот мир, навсегда забудешь о нашем.

– Что ты...

Не дав ей закончить, Дэваль схватил Аиду за руку и втянул в портал.

– Грейв! Даркблум! – услышал он голос Селин. – Вы последние! Есть результаты?

– Нет. Там никого нет. Похоже, это все. – Он кивнул на ряд кастодиометров, в которых поблескивали свежие камни.

После долгой паузы Селин кивнула.

– Отдохни. Завтра Самаэль ждет всех к себе.

Если Селин и заметила в облике Аиды что-то необычное, то не придавала значения. А может, она, как и Дэваль, старалась на нее не смотреть. Только вот Селин ревновала, отчаянно ревновала мужа.

А он просто сходил по ней с ума. И в чем-то даже понимал отца, решившего выбрать наследницей именно Аиду.

Безумному принцу не место у Предела, защищающего от тьмы последний клочок некогда прекрасного мира.

Глава пятая

– Сделай, пожалуйста. Сделай! Заморозь Стикс!

– Нет, – в сотый раз с абсолютным спокойствием в голосе отозвался Самаэль. – Ты пьяна. Тебе нельзя на коньки. Даже в нашем мире можно получить травму.

– Я. Не. Пьяна.

Я попыталась встать и опрокинула бокалы, с удивлением обнаружив, что их скопилось приличное количество.

Даже не помню, какого вкуса была эссенция. И почему меня вообще впустили в бар без сопровождения.

– Идем домой. Тебе надо отдохнуть.

– Я не хочу, – глухо отозвалась я. – Не хочу!

Опустила голову на руки и шмыгнула носом – слез уже не осталось.

Сама не знаю, почему так расклеилась. Самаэль решил, будто на меня такое впечатление произвела необходимость заключать души в камни кастодиометров. А я и себе не могла объяснить, почему внутренности как будто прокрутили в блендере. Папа теперь на Земле, не в Аиде, и я должна радоваться, хоть и понятия не имею, что будет с ним дальше, потеряет он память и продолжит жить как обычный смертный или магия этого мира вскоре дотянется до его души. Но это не вечное заточение в камне и не ад, это куда больше, чем я могла для него желать. И все же...

– Почему мне так плохо?! – хныкнула я, не особо надеясь на ответ.

– Потому что ты выпила... раз, два, три... шесть бокалов эссенции. И тебе не плохо. Плохо тебе будет завтра. Идем домой, Аида!

– Не могу-у-у... не могу больше слушать этот шепот! Из каждого угла... загляни... подойди... открой дверь... поднимись. Не могу! Я сойду с ума... Не могу там остаться... не сегодня! Я здесь переночую... вот здесь...

Я с ногами залезла на неудобный, но мягкий барный диван и попыталась свернуться клубочком. Получилось лишь позорно упасть

под стол, откуда меня выловил Самаэль и, не став церемониться, перекинул через плечо.

– Меня сейчас стошни-и-ит... – завывала я.

– Ничего, я все равно собирался стирать плащ. Сейчас выйдем на воздух, станет легче.

Не стало. К счастью, через несколько десятков шагов Самаэль поставил меня на землю и лишь поддерживал под локоть, чтобы я ненароком не свалилась в Стикс.

– Дэваль не должен был брать тебя с собой. Слишком быстро. Ты еще не смирилась.

При звуках его имени я поморщилась и застонала. Блендер заработал с новой силой.

– Не думай, что нам это дается легко. Но кто-то должен делать эту работу, иначе миры сгинут в хаосе. Мы должны сохранить Землю. Не позволить ей погибнуть, как позволили нашему миру.

Мой отец не угрожал миру. Он не собирался уничтожить Землю и не вредил ей, во всяком случае настолько, чтобы заслужить Аид. И уж точно не настолько, чтобы закончить свои дни в приборе, измеряющем души. Он всего лишь любил мою мать. Так сильно любил, что вырастил чужого ребенка как своего. Папа любил меня сильнее, чем некоторые любят родных детей. И получил ли он за это благодарность от Вельзевула?

– Как же я вас всех ненавижу-у-у! – прорычала я.

Потом поняла, что больше не могу идти, и села прямо на землю у ближайшего столба.

– Почему, ну почему-у-у вы не отправили меня к... не знаю... судьям? Проводникам? Вам что, нравится надо мной издеваться?

– Мы обучаем стражей не для того, чтобы над ними издеваться. Мы ищем тех, кому по силам эта работа.

– Что ж, очевидно, что мне – нет.

– Ты справишься. Все справляются.

– К черту всех!

– Не могу не согласиться. Но ты не можешь спать на улице. Идем, Аида, я очень устал и хочу отдохнуть. Если ты боишься шепота дома, я лягу на коврик у твоей кровати и храпом буду отгонять всех привидений, только пойдем, пожалуйста, домой!

Я попыталась выговорить «не хочу идти туда, где твой брат», но получилось лишь помотать головой и невнятно что-то промычать.

– Проклятье, я не могу оставить тебя здесь! У нас, знаешь ли, нет ночлежек или отелей. Единственное место, которое могу предложить, – твоя бывшая комната. Она все еще свободна.

– Сойдет, – буркнула я и, пошатываясь, поднялась.

С видом страдальца, вынужденного тащить пьяную сестричку домой с выпускного, Самаэль взял меня под руку и повел куда-то по улицам Мортрума, в направлении моего бывшего жилища. Даже оно сейчас казалось желанным убежищем.

Груда хлама все еще валялась перед дверью. Похоже, здесь вообще никто не появлялся. Хотя, кажется, я слышала соседей. Или нет?

В комнате все было так, как я оставила. Без сил, не сумев даже раздеться, я рухнула на постель и закрыла глаза.

– У-у-ух! Вертолеты!

Потом подумала, переварила вращающееся пространство вокруг и заключила:

– Ну ладно. Эти нормальные. Наши, наверное.

– О, Аида, ты просто в хлам. Не смей завтра приходить в министерство! От лекций я тебя не освобожу, но мне не нужен страж, который каждые пять минут бегаёт проблеваться. Понятно? И вернись домой, это единственный раз, когда я разрешил тебе ночевать вне дома. Завтра мне придется прямо с утра послать кого-то тебя провожать, потому что распоряжения Повелителя никто не отменял. И, Даркблум... если у тебя хотя бы мысль возникнет уйти отсюда одной...

Я рассмеялась. Выйти? Да я на бок перевернуться боюсь. Вертолеты, они, заразы, непостоянные. Сейчас наши, а через секунду – вражеские, тошнотные.

– Ты прямо как старший брат, – хихикнула я.

– А ты как наказание для него.

– Я для всех наказание.

Даже для самой себя.

Такая вот неудачная дочь Повелителя мертвых.

– С днем рожденья тебя! С днем рожденья тебя! С днем рожденья, Аида... с днем рожденья тебя!

Папа ставит передо мной маленький кекс с неуклюже намазанным кремом из специального порошка, смешанного с маслом. Я знаю, что у нас нет денег на нормальный торт, и вроде как должна стыдиться этого, но меня так восхищает одиноко торчащая свечка! Огонек пляшет от малейшего сквозняка.

– Загадывай желание и задувай, – говорит папа.

Я закрываю глаза и лихорадочно пытаюсь выбрать одно самое-самое.

Хочу, чтобы папа стал богатым!

Нет.

Хочу стать олимпийской чемпионкой!

Нет.

Хочу, чтобы мы всегда жили только с папой! Или нет...

Свеча гаснет от особо яростного порыва ветра, и я не успеваю загадать желание. На глаза наворачиваются слезы.

– Ну что ты, – улыбается папа.

Он пытается меня успокоить, но я вижу, как ему хочется рассмеяться над девчонкой, не сумевшей выбрать желание из тысячи сокровенных.

– Смотри, это мама с неба задула твою свечу. А знаешь, что это значит?

Я мотаю головой.

– Что все твои желания обязательно сбудутся. И тебе не нужно выбирать. Вот, смотри.

Он достает из кармана маленькую подвеску – перышко на тонкой цепочке.

– Это принадлежало ей. Теперь будет у тебя. Ты ведь достаточно взрослая, чтобы его сохранить?

И я сохранила. Я так хранила эту серебряную безделушку, что, даже если бы в доме начался пожар, я скорее спасла бы ее, а не себя.

А однажды подвеска пропала. Я почистила ее и оставила на залитом солнцем подоконнике буквально на пару минут, и какая-то сволочная ворона с противным «КА-А-А-АР-Р-Р-Р» в мгновение ока унесла последнюю память о Веронике Даркблум.

– Говорят, иногда наши близкие навещают нас в образах животных, чтобы узнать, что мы в порядке. Давай будем верить, что это мама забрала свое любимое украшение, ладно?

Но я уже была достаточно взрослой, чтобы не верить в сказки.

Что там мне не нравилось в доме Вельзевула? Шепот заточенной души из темных уголков? Присутствие Дэваля? А слуги, готовые в любую минуту исполнить любой каприз, ванна с горячей водой, мягкая постель, свежая одежда, кофе и еда мне тоже не нравились?

Проснувшись, я подумала, что снова неудачно с кем-то обнялась и очутилась в Аиде. Потом поняла, что красноватый свет исходит от светильника, на который я зачем-то надела туфлю.

Ни воды. Ни тепла. Ничего, только тупая головная боль, тошнота и традиционные для похмелья обещания никогда больше не пить. И не есть. И не ходить на Землю. А еще не смотреть на Дэваля и не думать о папе. Как это все запомнить вообще?

Взглянув на часы, я застонала. Если не соберусь в ближайшие полчаса, то опоздаю на пары и Селин снова придумает мне какое-нибудь наказание. А если соберусь, то, возможно, меня стошнит на ее туфли. Стоит рискнуть.

Кое-как приведя себя в порядок, я огляделась в поисках сумки, не нашла и махнула рукой. Самаэль обещал прислать кого-то, может, он и сумку найдет? Последнее, что помню, – это как пришла с ней в архив. На Землю отправилась уже без нее. А когда вернулась... те часы скрыты в тумане.

– Да и плевать. Все равно в ваших учебниках не написано, что делать, если твой брат... А, к черту.

Бросив последний взгляд в мутное потрескавшееся зеркало, я вышла из комнаты в традиционно пустой коридор общежития. И почему-то впервые за много недель остановилась у груды вещей неизвестного жильца. На них уже скопился толстый слой пыли.

– Ты, похоже, совсем никому не был нужен. Даже вещи разбирать не спешат.

Ничего интересного здесь не было. Подходящего для повторного использования, похоже, тоже. Только куча мусора, которую кто-то с явными ментальными проблемами натащил в крошечную кладовку. Может, он тоже не мог смириться с Мортрумом? Я отбросила в

сторону пару каких-то одеял, старую вешалку и несколько книг и вдруг больно напоролась на уголок деревянной шкапулки.

– Вот блин!

Я сунула палец в рот. И стоило уйти, но любопытство не дало оставить в покое память о каком-то неизвестном, о судьбе которого я не имею ни малейшего понятия. Я вытащила шкапулку и не без труда – похоже, ее закрыли, когда лак еще до конца не просох, – открыла.

А потом отпрянула и врезалась в косяк, потому что на потертом черном бархате внутри лежала маленькая серебряная подвеска.

Перышко на тонкой цепочке.

– Мисс Даркблум?

Я быстро, пока Харон не увидел, схватила подвеску и сунула в карман, а потом поднялась с бешено колотящимся сердцем.

– Что ты здесь делаешь?

– У меня сегодня выходной. Самаэль просил проводить вас до колледжа. Все в порядке?

– Да. Если не считать похмелья.

– Вы неплохо держитесь, учитывая то, сколько вчера выпили.

– Ты знаешь?

– Я вас и привел в бар. Присмотрел до прихода Самаэля. Трудный был день.

– Да уж. Харон... ты знаешь, кто жил в моей комнате до меня?

– Не припоминаю. Здесь много душ. И они постоянно меняются. А что?

– Ничего. Просто его вещи валяются, никому не нужные. Стало интересно, кем он был. И куда потом отправился.

– Вряд ли я вас порадую. Если душа получила жилье получше, она не оставляет вещи. А в Элизиум души, живущие в месте, подобном этому, не отправляются. Вы готовы? Держите.

Он протянул мне сумку.

– Это, кажется, ваше. Не думаю, что Стикс сегодня замерзнет, но отнести коньки домой мы уже не успеем. Идем?

В последний раз оглянувшись на груды вещей, я вслед за Хароном вышла на свежий, пропитанный запахом дождя воздух.

Впору было поверить в галлюцинации с похмелья, но подвеска, которую я крепко сжимала в кармане, не давала этому никакого шанса.

Некоторое время мы втроем – Харон, я и мое похмелье – шли молча. Но когда я говорила, то хотя бы не испытывала нестерпимое желание лечь на твердую не вращающуюся землю, поэтому решила извлечь из состояния максимальную пользу.

– А ты ничего не слышал... совершенно случайно, может, в своих кругах... про Харриета и Шарлотту? Их увели несколько дней назад, и теперь все делают вид, будто их и не было. Что теперь будет?

Харон пожал плечами. Я пристально на него посмотрела, попытавшись понять, недоговаривает он, как обычно, или правда не знает. Но, похоже, не знал.

– Полагаю, суд. Меня не посвящали в детали их спора. И вам не стоит, мисс Даркблум, – предупреждаяще поднял руку Харон. – Но, как правило, если между душами возникают разногласия, это дело судей.

– А они вообще существуют? – хмыкнула я. – Стражей видела, магистров видела, проводник вот меня в колледж... провожает. А судей ни разу не видела.

– Судьям запрещено находиться среди душ, они должны быть беспристрастны и объективны. Представь, что судья живет с тобой по соседству, вы ходите в бар, обсуждаете новости, а потом он вдруг вынужден принимать решение о твоей судьбе. Нет, судьи живут в Виртруме – парящем городе. Что довольно символично, ведь тем, кто принимает решения, и вправду необходимо быть выше всего происходящего. Думаю, ваши друзья уже в Виртруме, ждут приговора.

– И каким он может быть?

– По-разному. За тяжкие преступления могут отправить в Аид или заточить в кастодиометр. За легкие лишит привилегий или назначить отработку. Никогда не угадаешь.

– Чем больше я узнаю ваш мир, тем больше мне хочется в свой обратно.

– Это просто похмелье, – усмехнулся Харон. – Уверен, мисс Даркблум, вы нас уже даже немного любите.

– Очень немного.

– Приятной учебы.

В отличие от Харриета Харон не стал заходить внутрь, но – я специально оглянулась – терпеливо дождался, пока я поднимусь по лестнице и скроюсь в здании.

Мир как будто постепенно расширяется. Сначала была крошечная платформа во тьме, потом – огромный поезд, несущийся в неизвестность. Потом вокзал, город-замок, колледж и министерство, подземелья, ведущие к Аиду, сам Аид с его красным небом, архив с историями миллиардов душ и ведущие из него на Землю порталы.

Самаэль упоминал о других городах, но отказался рассказывать подробнее, и я решила не думать о том, что не могу представить. Но теперь на постепенно открывающейся карте появилась еще одна точка – город правосудия Виртрум. Интуиция подсказывает, меня ждет экскурсия.

Сегодня в расписании значились пары Тордека и Риджа. Даже не знаю, что из этого вызывало меньше энтузиазма. Тордек меня пугает, а Ридж наверняка не упустит случая напомнить про свидание, на которое я зачем-то согласилась. А мне вот как-то не до свиданий сейчас.

– Страж Даркблум. – Тордек кивнул, когда я вошла. – Садитесь.

– А... где все?

Аудитория была пуста, хотя я пришла едва ли не к звонку.

– С этого дня у вас индивидуальная программа обучения из-за... – он на секунду замешкался, – специфики вашего напарника. Придется пройти ускоренный и немного измененный курс.

«Да ладно, – подумала я. – Так и скажите, что передумали запечатывать магию, потому что ни один из детей Вельзевула этого не делал».

Но язвить Тордеку было как-то не по себе, поэтому я молча села за первую парту и приготовилась опять совать руки в грязь.

– Для начала простой вопрос.

Магистр достал из-под парты горшок с одним из выросших лимонов.

– Можете вырастить что-то другое?

– Вы не представляете, сколько шуток я сейчас героически промолчала. Боюсь, что не могу. Извините.

Тордек вздохнул. И на всякий случай уточнил:

– А почему?

– Потому что я и лимоны-то неизвестно как вырастила. К тому же я не очень образованная. Я, кроме лимонов, ничего не знаю. Точнее, знаю, сосны там, пальмы, всякие цветы. Но думаю, чтобы вырастить

что-то, надо иметь какой-никакой опыт, а я в своей жизни выращивала только лимон.

– Понятно. Вы слишком буквально это воспринимаете, и это мешает вам взять энергию под контроль. Будем учиться.

Вот такой вот магический мир. Ожидание: машешь волшебной палочкой, сражаешься с темным богом, становишься лучшим магом королевства. Реальность: занимаешься садоводством, иногда напиваешься в баре.

– Магия не имеет ничего общего с процессом выращивания растений. Это лишь форма, которую она приобретает. Понятная вам, страж. Но вы вполне можете освоить и другую, нужно лишь направить энергию.

– От чего зависят способности?

– У каждой души есть энергия...

– Нет, я знаю, что на Земле эта энергия питает все живое, а здесь разрушает. Я говорю о виде этих способностей. Дэваль может спуститься в Аид и вернуться, Селин – отправиться на Землю. Кто решает, какая способность будет у этого конкретного человека?

Тордек развел руками.

– Мы не знаем. Из-за влияния магии на наш мир мы ее почти не изучаем. Предполагается, что способности зависят от наследственности, склада характера и жизненного опыта. Господин Грейв – наследник Повелителя, кому, как не ему, иметь доступ во владения, созданные его отцом? Магистр Сонг – разумная и преданная девушка, разве можно доверить путь в немагический мир какой-то другой?

– А я?

– Вы – нетипичный случай. Полагаю, ваш дар исходит из вашей привязанности к Земле.

– Многие привязаны к Земле. Это же наш дом.

– О нет, – Тордек усмехнулся, и на его нечеловеческом лице это выглядело жутко, – вы даже не представляете, как быстро души перестают тосковать по немагическому миру. Он ведь не их дом. Лишь временное пристанище. Кто-то одержим Элизиумом, кто-то находит себя в этом мире. Тех, кто рвется обратно, единицы. Такая любовь к немагическому миру находит свое отражение в магии.

Или все проще. Самаэль говорил, у них почти не рождаются дети. А я, судя по всему, родилась. У смертной женщины и повелителя мира мертвых. Я привязана к Земле не эмоционально, я там родилась. Хотя в этом случае я должна повелевать силой природы, а не лимонами. В идеальном мире, где магия дает хоть какие-то бонусы кроме индивидуальных занятий с жуткого вида иномиряннином.

– В моем мире, как и в Мортруме, мало красот, – вдруг произнес Тордек. – Представьте себе скалы на поверхности океана. Темно-серые, сырые, не видящие солнца. Они испещрены тоннелями, наполовину затопленными водой. А по тоннелям курсируют лодки, связывающие жителей скал меж собой. Мы селимся в подвесных домах и гибнем от двух вещей: утопления – если твое жилище сорвется вниз, в темные воды, и хищников, что поджидают нас в глубинах мира. Мой мир совсем не технологичен, мы не летаем к звездам, не связываемся друг с другом через невидимые сети. Но есть кое-что, что отличает нас от людей. Хотите знать, почему нас так мало в этом мире? Вы ведь наверняка не видели в Мортруме таких, как я.

Завороженная размеренной речью и взглядом огромных, лишенных век глаз, я кивнула.

– Тогда слушайте внимательно. В моем мире есть лишь одна природа – подводная. Но за одним исключением. Раз в год, в единственный день, когда тучи над миром расходятся и солнце касается вод, на поверхности расцветает невероятной красоты лазурный цветок. Чем-то он напоминает земную лилию, только в разы прекраснее и невероятнее. Его лепестки изо всех сил тянутся к солнцу, а когда тучи снова затягивают небо, цветок закрывается и опускается под воду. Создайте такой, и я расскажу главную тайну моего народа. Поверьте, она стоит того, чтобы ее узнать, ведь я не рассказывал ее даже вашему отцу.

С этими словами Тордек поднялся и закрыл папку с журналом, в котором до этого отметил мое присутствие.

– И это все?

– Простите?

– Это все занятие? Так быстро?

– А разве на общих занятиях я уделял вам больше времени? Я сказал все, что хотел, страж Даркблум, и даже немного больше. У вас есть задание к следующей практике. Не смею больше задерживать.

Можете провести остаток времени, например, в столовой. Говорят, от похмелья хорош бульон. Ну или попрактикуйтесь в создании цветка. Кто знает, вдруг вам удастся узнать мою тайну еще до следующей лекции?

А потом он ушел, оставив меня в совершенной растерянности. Я, кажется, все еще мысленно была в тоннелях среди скал и бушующего океана, потому что даже не сразу сообразила, что Тордек говорил о моем отце. Похоже, никто уже не собирался скрывать истинное положение дел. А я все продолжала делать вид, будто не в курсе.

Пытаться создавать цветок, который никогда не видела, или пить мерзкий кофе в подвале, почему-то именуемом столовой?

Почти до следующего звонка я просидела в лаборатории для практических занятий, но сколько бы ни совала руку в грязь – а это был единственный способ вырастить что-то, который я знала, – ничего не получалось. Из-под ногтей остатки практики пришлось вымывать так долго, что я едва не опоздала на пару Риджа – влетела самая последняя и остановилась как вкопанная. У доски стояла девушка.

– Аида, – просиял блондин. – Рад, что ты пришла. Садись, я как раз знакомлю новенькую с группой. Стражи, проводники, это – Олив Меннинг, страж. Олив, твои одноклассники. Вот Аида Даркблум, например. Подающий надежды страж, между прочим, напарница Дэваля Грейва. Твой проводник должен был о нем рассказать.

Девушка повернулась ко мне и расплылась в не предвещающей ничего хорошего ухмылке.

– Здравствуй, Аида. Давно не виделись. Странно видеть тебя здесь, я думала, ты давно в аду. Что, место было занято твоим папашей?

– Олив! – Ридж поперхнулся воздухом. – У нас не принят такой тон общения с коллегами. Вы что, знакомы? Аида, проходи...

– Нет, – отрезала я. – Зашла сказать, что меня срочно вызвал Самаэль.

– Но у нас занятие. – Ридж смерил меня холодным взглядом, явно надеясь авторитетом призвать к порядку.

Но у меня и раньше было туго с авторитетами, а сейчас...

– Ну вот и займитесь чем-нибудь, – буркнула я, прежде чем выскочить из кабинета.

Дорога до министерства заняла вдвое меньше времени, чем обычно. Парочка стражей даже шарахнулась в сторону, с такой скоростью я влетела в холл. Перепрыгивая через три ступени, я добралась до знакомого круглого кабинета стражей, и, не обращая внимания на их вялые приветствия, вломилась в кабинет Самаэля.

– Какого черта?!

Сидящая напротив него Селин подскочила и одарила меня презрительным взглядом, но сегодня она опоздала – я уже исчерпала лимит впечатлительности.

– Кто тебе дал право сюда врывать и почему ты не в колледже? – возмутилась она.

– А я там была. Оказалось занято. И знаете кем? Олив Меннинг!

Воцарилась тишина. Ожидаемого эффекта заявление не произвело: никто не спешил ужасаться или удивляться, Селин с Самаэлем почти синхронно нахмурились, а затем переглянулись.

– А кто такая Олив Меннинг? – осторожно спросил Самаэль.

– А, ты даже не помнишь. А так удачно использовал ее имя, чтобы доказать, какое ужасное я существо.

– А... ты о той девочке, которую ты травила?

– Я травила?! Я защищалась!

– Это спорный вопрос.

Самаэль вздохнул.

– Селин, оставь нас, пожалуйста.

– Зачем? – фыркнула я. – Без нее явно не обошлось. Или что, в городе, где я выросла, появился второй убийца, отправляющий на тот свет девятнадцатилетних студенток?

– Аида!

– Что?!

В сердцах я пнула ни в чем не повинное кресло. Селин, обычно не упускающая случая бросить шпильку, поспешно ретировалась, явно посчитав меня за ненормальную. А может, понадеялась, что терпение Самаэля лопнет и он отправит меня в Аид.

– Садись, – сказал он.

– Не хочу, спасибо. Что Олив Меннинг делает в Мортруме? Ты сказал, мы не можем пересечься со своими знакомыми!

– Я сказал – с родными. Мир не бесконечен, Аида, ты вполне можешь встретить здесь однокурсников или соседей.

– Олив Меннинг – не однокурсница и не сосед! Она превратила мои школьные годы в ад!

– Ты ей отомстила, кажется?

– Да. Поэтому теперь ее очередь.

– Ты преувеличиваешь. Олив должны были разъяснить все о нашем мире. Она будет стараться быть лучшей версией себя, меняться и взрослеть. И тебе не помешает.

– Супер! Может, спросим у Риджа, как продвигаются дела? И что Олив вынесла из урока проводника?

– Олив первый день в нашем мире, а вот ты, – Самаэль смерил меня тяжелым взглядом, – не вынесла из уроков вообще ничего. Я надеялся, ты изменилась. Стала взрослее, ответственнее, разумнее. А ты? Устроила истерику из-за того, что не понравилась новая соседка?

– Зачем вы это делаете? – устало спросила я.

– Что? Живем, как жили, не падая ниц перед снизошедшей королевой? – саркастически хмыкнул Самаэль.

– То есть Олив Меннинг здесь случайно? И вы не знали, что приводите именно в мою группу девочку, которая вместе с друзьями избилла меня и сломала два ребра, из-за чего я пропустила отбор на чемпионат страны и едва не рассталась со спортом? А... нет, это, должно быть, не та Олив. Это Олив Меннинг, которая вместе с парнем заперла меня в багажнике машины и никому не сказала... Тоже нет? А может, та Олив, которая разрисовала надгробие на могиле моей матери? Не угадала? Тогда да, это Олив Меннинг, бедняжка, над которой я издевалась.

– Я не знал, что она так к тебе относилась... – задумчиво проговорил Самаэль, как-то резко растерявший праведный гнев.

– А что, в личном деле не написано?

– Там лишь твои поступки. Не окружающих.

– Я про личное дело Олив. Мои грехи вы изучили очень подробно, а ее предпочли не заметить. Так она здесь случайно или вы притащили ее, чтобы меня проверить или преподать мне урок? Вы ведь так уже делали.

– Аида, ни у кого нет цели причинить тебе боль. Я обещаю подумать над тем, как оградить вас с Олив друг от друга.

– Тогда ответь мне на вопрос. Кто жил в моей комнате до меня?

Самаэль молчал. И – что для него было удивительно – старательно избегал моего взгляда, выводя на листе бумаги какие-то бессмысленные узоры.

– Понятно. – Я устало покачала головой. – Очередной этап воспитательного процесса. Сэкономлю тебе время: я не стала хорошей и ничему не научилась. Я не буду улыбаться ей и помогать найти нужную аудиторию в колледже. Пусть только попробует ко мне подойти – то, что я делала на Земле, покажется ей детскими шалостями. Кстати, я прогуляла пары. Не забудь записать это в личное дело, а то судьям будет тяжело решиться отправить меня в Аид.

И, пожалуй, я выдохлась. Наверное, не стоило вываливать на Самаэля весь ворох эмоций, но обида оказалась сильнее здравого смысла. Олив была моей первой подругой, единственным, кто заинтересовался странной девчонкой, постоянно пропадающей на катке. Я доверяла ей все секреты. А она чуть не свела меня с ума, и, если бы не папа, я пополнила бы список безликих жертв школьного буллинга.

Стыдно ли мне, что я как следует отыгралась на Олив в старшей школе? О нет, я и десятой доли того, что делала она, себе не позволила. А результат, что характерно, одинаковый: мы в Мортруме, две души на отработке.

– Твой отец, – настиг меня голос Самаэля уже в дверях.

Кажется, нас слышали все стражи, что были на местах.

– Что?

– В комнате до тебя жил твой отец. Я надеялся, ты разберешь его вещи и поймешь сама. А ты просто выбросила их в коридор.

– Вам нравится это, да? Издеваться. Смотреть, как я мучаюсь в попытках найти информацию о нем. Посмеиваться, зная, что она была у меня под носом.

– Я всего лишь пытался дать тебе понять, что твой отец не был хорошим человеком, не нарушая законов Мортрума. И в его личном деле, в отличие от твоего, запись об Олив Меннинг есть. А теперь иди домой, Аида, и если ты еще хоть раз ворвешься в мой кабинет с претензиями, я перестану быть добрым, и уже тебе школьные годы покажутся Элизиумом. Вон!

В ответ на рык я как следует хлопнула дверью, и вздрогнули даже самые невозмутимые стражи.

– Если я подойду ближе, ты меня не убьешь?

– Тебя прислал Самаэль? – Я оглянулась на Дара и снова подняла глаза к темному небу в надежде, что с него подмигнет хоть одна звезда, напоминая о доме.

– Прислал – не то слово. Сэм сказал, что тот, кто найдет тебя и проводит домой, получит награду. А мне очень, очень кое-что от него было нужно. Я сразу подумал, что ты пошла куда-то, где уже была. Бар – слишком очевидно, твоя бывшая комната – не то место, где ты бы пряталась ото всех, министерство и колледж наверняка Сэм проверил, ну а в архив тебя не пустили бы. И я вспомнил об этом месте. Тебе здесь не страшно?

Я пожала плечами. Вагончик старого аттракциона, в который я забралась, жалобно звякнул. В прошлый раз ржавый поезд увез меня к самому Пределу, но сейчас, без магии Дэваля, он был лишь старой никому не нужной железякой.

– И что, братик велел привести меня за ухо?

– Нет, просил присмотреть. На улицах может быть опасно. Темные души и все такое.

Дар замолчал, и я не стала продолжать диалог. Он уселся прямо на землю, привалившись к вагончику, а рядом положил большой, до отказа набитый рюкзак. Я не стала спрашивать, что в нем, хотя и заинтересовалась.

– Слышал, ты встретила знакомую из прошлой жизни.

– Это тебе Самаэль так сказал? Знакомую?

– Не совсем. Он сказал, ты встретила девушку, с которой у тебя был конфликт, и испугалась.

– Испугалась?! – Я фыркнула.

Но даже выйти из себя как следует не получилось, потому что, возможно, Самаэль был прав. Может, это чувство и можно было назвать страхом.

– Эта девушка сделала что-то плохое?

– Ничего такого, чего не делал бы твой брат. Издевалась надо мной, когда мы были детьми. Сначала мы дружили, ее родители и мой отец общались. А потом в школе узнали, что мама переехала из России и взяла псевдоним, чтобы строить здесь карьеру актрисы. Тогда город захватили протесты против иммигрантов. На всех смотрели косо.

Стало доставаться и мне. Олив очень хотела дружить со старшими ребятами и под их влиянием начала издеваться надо мной и еще парой девчонок. Один раз они сломали мне ребра, в другой отобрали телефон и заперли в багажнике машины. Писали на моем шкафчике гадости и все такое.

– Кошмар. – Дар поморщился.

– Мы жили бедно, Олив и остальные портили вещи. Обо всем узнал папа и решил проблему... не совсем порядочным способом.

– Что он сделал?

– Ничего незаконного. Он никого не убил и не обокрал. И я даже не знала об этой истории до его смерти. Для меня Олив просто однажды перестала меня замечать, и это было к лучшему.

– Но все же...

– Он закрутил роман с матерью Олив, снял компрометирующее видео и пригрозил, что если Олив и ее компания от меня не отстанут, то видео отправится прямо к мужу миссис Меннинг. Он был не последним человеком в мэрии, чувак с крутым характером. Она испугалась и как-то приструнила Олив, но...

Я вздохнула. Хорошо, что некоторые подробности того времени стали известны уже после того, как папы не стало. Смерть многое прощает.

– Видео все-таки слили. Прямо перед папиной гибелью. И... я не знаю, Хелен никогда бы мне не сказала, но, возможно... возможно, отец Олив причастен к аварии. Он был в ярости. Миссис Меннинг лишилась всего. И я действительно испугалась, что вернусь в те годы, что Олив мне отомстит. Поэтому как только она сделала попытку...

– Но ты же не сделала ей ничего... что могло привести тебя в Аид?

– Ну-у-у... скажем так, возможно, я засунула ее в багажник машины и сделала вид, что собираюсь столкнуть машину в озеро.

Дар присвистнул и удивленно на меня посмотрел.

– Да. Именно поэтому в нашей с Олив парочке я считаю себя агрессором. Мачехе пришлось выплатить Меннингам хорошую компенсацию, чтобы я не отправилась в колонию для несовершеннолетних.

– А с тобой опасно ссориться, да? Чего еще я не знаю о милашке Аиде Даркблум?

– Милашке? – Я рассмеялась. – Точно не то слово, которым меня стоит называть. Еще я кошмарила мачеху. Винула ее в том, что папа сутками работал и погиб из-за усталости. Стащила ее кредитку. Бросила спорт.

Вопреки всем существующим законам мира мертвых позволила отцу вернуться на Землю...

– Так что твой брат прав. Олив меня ненавидит, и у нее есть причины. Я боюсь, что она решит отомстить, а я... не смогу принять это с достоинством, которого ждут от стража.

– Но никто не позволит ей сводить здесь счета, Аида. За одну только попытку ее ждет серьезное наказание.

– И когда кого-то останавливали запреты?

– Слушай, – Дар поднялся, – я не большой эксперт в вопросах отношений между душами. Да вообще между живыми существами. Но я немного знаю, как работают законы в Мортруме. И знаешь, что самое важное? Не то, что будет делать Олив, – Самаэль защитит тебя. А то, как на это ответишь ты. Хочешь мое мнение? Олив здесь не случайно. На протяжении всего срока пребывания здесь судьи будут проверять, чему ты научилась. Изменилась ли. Перестала ли быть той же стервой, что на Земле. И это твоя первая проверка. Думай об этом каждый раз, когда захочешь броситься в атаку. Ты ведь изменилась. Ты не можешь потерять все, что приобрела здесь. Не отрицай, что ты стала взрослее.

– Буду отрицать, – как маленький ребенок, буркнула я.

– А если она тебя достанет, я нарисую ее портрет. Такой страшный, что Олив Меннинг не будет смотреться в зеркало ближайшие лет тридцать.

– А это идея! – рассмеялась я.

– Ты повзрослела, помнишь?

– Да?

– Так сказал Самаэль.

– Ложь! Твой брат не мог такое сказать обо мне.

– Честное слово! Именно так он и сказал. На днях я подслушал их разговор с Селин и – цитирую почти дословно: «Аида взрослеет, ты не можешь это отрицать». Правда, потом Селин доказала, что может... но факта это не отменяет. Так что, ты пойдешь домой? Или мне придется сидеть здесь с тобой до утра, трясясь от ужаса, что вот-вот из темных недр парка выбежит стадо вырвавшихся из Аида монстров?

– Идем, – вздохнула я. – Не могу же я позволить Дэвалю выиграть желание у Самаэля. Кстати, что такое тебе понадобилось? Новые кисточки или графический планшет?

Просияв, кажется, от гордости, Дар вытащил из рюкзака... парочку новеньких коньков. В темноте они словно светились. Я присвистнула, рассматривая пару. Выбирал кто-то с явным знанием дела.

– Пригодные для термоформовки... лезвия «Вилсон», ботинок «Риспорт», ого... да в таких можно квады прыгать! Размер-то хоть твой?

– Обижаешь! Идеальные! Проведи урок, а? Сэм пообещал, что заморозит Стикс. Пожалуйста!

– Боюсь, не сегодня. Мне нужно показывать упражнения, а без своих коньков я могу лишь косноязычно объяснить...

Прежде чем я договорила, Дар снова порылся в рюкзаке и все так же, надувшись от гордости за себя, протянул уже мои коньки.

– Сэм принес домой. Сказал, что могу их тебе вернуть. Полчаса! Аида, ну пожалуйста! Неужели тебе никогда не хотелось немедленно попробовать что-то очень желанное! Я все новые краски немедленно мажу на холст, у меня просто отсутствует терпение, я без него родился!

И я сдалась. Хотя и сопротивлялась-то больше для вида. Встать на коньки и на часок забыть об Олив, отце, Дэвале – за это я готова продать душу.

– Ладно, идем. Но расплачиваться за тренировки будешь пропуском в бары и компроматом на братьев.

– Тройное удовольствие! – фыркнул Дар.

Уже через несколько минут я показывала ему, как шнуровать коньки, и смеялась до упаду, глядя, как парень судорожно пытается устоять, но снова и снова падает на лед.

– Первое и самое главное – будем учиться падать, – сказала я, когда подъехала после разминки. – В вашем мире травмы не так критичны, но и приятного в них мало. Первое и самое главное: никогда не катайся на прямых ногах! Будешь падать на спину – разобьешь голову, и все увидят, что внутри опилки. Старайся всегда падать вперед, на руки. Если чувствуешь, что падаешь назад, попытайся перевернуться в воздухе, как кошка... а, да, у вас же нет котов.

Страшный мир. В общем, всегда старайся спружинить на руки. Группируйся. Не паникуй. Если чувствуешь, что падаешь, не пытайся удержать равновесие, падай на своих условиях, мягко и безболезненно.

Ровно в этот же момент Дар в очередной раз не удержался и упал навзничь.

– Голову не ушиб?

– Да чего ей сделается, она пустая, – довольно рассмеялся он со льда.

– Вставай. Будем учить «фонарики».

– А когда я смогу прыгать, как ты?

– Никогда. Я тебе что, тренер чемпионов? Я в своей жизни только подкатки у младшей группы вела. Вставай, я сказала! Кто не будет слушать тренера, того заставлю отжиматься ото льда!

Пока Дар неуклюже пытался подняться, я проехала вдоль набережной и прыгнула парочку простеньких тулупов, чтобы согреться. Вдали, у самого края набережной, откуда начиналась дорога к замку Вельзевула, мне почудилась знакомая фигура.

Но стоило моргнуть, как тут же исчезла.

– Что значит, Аид тебя раздери, ты не знаешь, почему умерла Олив Меннинг?!

Самаэль мрачно повертел в руках бокал с эссенцией. Определенно выпить было неплохим решением. Отец давно не был в такой ярости. И нельзя сказать, что у него нет для этого причин.

– Мы не ожидали ее смерти. Ни один проводник не почувствовал. Бедняжка долго блуждала по границе, прежде чем на нее наткнулся Харон. У меня нет этому объяснения.

– Вы отправили кого-нибудь расследовать ее смерть?

– Селин уже на Земле. Девчонку убили. Но убийцу пока не нашли. Мы мало что можем сделать, не рискуя себя раскрыть.

– Завтра пришлешь ко мне Харона. Я хочу знать, чему вообще учат наших проводников, что они упускают души!

– Осмелюсь предположить, что проводники ни при чем. Я изучил дело Олив Меннинг от и до. В нем просто нет записи о ее смерти. Обычно мы получаем полную картину. Жизнь, ценность души, рекомендации – Элизиум, Аид или Мортрум. Но не в этот раз. Записи в ее деле просто обрываются, как будто она до сих пор жива.

Проводники на такое не способны, никакая их ошибка не может обмануть смерть.

– У тебя есть версии произошедшего?

– Пока нет. Но я буду искать.

– Как Аида?

– Испугалась. Решила, что мы сделали это специально, как с вещами ее отца.

– Ты сказал, что это не так?

– Разве она поверит?

– Должна поверить! – рявкнул Вельзевул. – Мы не можем рисковать. Вы и так поставили под угрозу ее восхождение. Я хотел дать ей возможность освоиться и повзрослеть в безмятежном незнании. Но, похоже, спокойно жить девочке не дадут. Попроси Селин, пусть займется приемом, я представлю всем свою дочь и новую наследницу.

Тишину, воцарившуюся после этого заявления, нарушил громкий стук в дверь.

– Повелитель? – Дэваль хмуро посмотрел на брата. – Мне сказали...

– Сядь, – оборвал его отец. – Самаэль, я тебя больше не задерживаю. Если что-то узнаешь, я хочу знать.

Дождавшись, пока старший сын покинет кабинет, Вельзевул обратил взор к Дэвалю. И не смог сдержать гримасу отвращения.

– Скажи мне, Дэваль, как именно темные души вырвались на свободу в архиве?

– Не имею ни малейшего представления.

– Вот как? А как этот прорыв связан с твоим развлечением, о котором не знает только слепой и глухой идиот, коим ты, вероятно, считаешь меня.

Ответа не последовало.

– Не хочешь говорить? Надеюсь, это потому, что тебе стыдно, а не потому, что ты надеешься избежать наказания, отмолчавшись. Не притворяйся, что рассказы о твоих забавах – выдумки, Дэваль. У меня достаточно свидетельств твоего отношения к темным душам. Кажется, ты расстроился, когда узнал, что отныне наследницей будет считаться твоя сестра, а не ты. Но вместо того чтобы доказать, что ты достоин не меньше, ты решил опозорить меня и все министерство! Подверг

опасности немагический мир! Ты выпустил души, чтобы развлечься, и не уследил за ними!

Дэваль не удержался, едва заметно усмехнувшись. Раньше он бы взорвался, услышав о том, что отец ждет доказательств его соответствия образу наследника. А сейчас мог только смеяться.

Совсем скоро Аида Дакблум исчезнет. Эта идеальная девочка, любимая дочурка Повелителя, отправится восвояси, и он как следует насладится эффектом.

– Никто и никогда не разочаровывал меня так сильно, как ты. Ты должен был быть стражем, лучшим из лучших, примером для остальных. А вместо этого превратился в... в тех, кого ты так презираешь. Думаешь, души заслужили такое обращение? Заслужили быть твоими игрушками, Дэваль? Для тебя их страдания – развлечение? Мы не наказываем их! Мы оберегаем наши миры от тьмы! Это разные вещи. В тот момент, когда ты причиняешь боль из удовольствия, из чувства превосходства, думая, что можешь их судить, ты становишься на шаг ближе к Аиду.

– Ты не забыл это повторить, когда отправлял в Аид человека, вырастившего твою дочь?

Глаза Вельзевула опасно блеснули. Здесь, вдали от Предела, в них было меньше тьмы, чем обычно. Но Дэваль не обманывался: Повелитель все еще достаточно силен, чтобы стереть его в порошок.

Вот только ему было плевать.

– Слов ты не понимаешь, а своего разума у тебя нет. Поднимись!

С ощущением грядущих неприятностей Дэваль поднялся. Интуиция и долгие годы жизни с отцом подсказывали: вряд ли его сейчас отправят в комнату подумать о своем поведении. Те времена давно прошли.

– Придется поставить тебя на место тех, с кем ты играешь.

Только сейчас Дэваль заметил в руке отца, прежде стоявшего в тени, а теперь вышедшего на свет, длинный тонкий хлыст.

Кажется, разговор выйдет сложнее, чем он рассчитывал.

– В какой момент ты разрешаешь им уйти обратно? Когда они начинают умолять? Или уже не могут сопротивляться? Сейчас проверим.

Резкий свист нарушил мерный треск поленьев в камине. Плечо обожгло адской болью. Хлыст разрезал ткань рубашки и оставил на

коже набухающую алым цветом полосу.

Дэваль стиснул зубы. К горлу подкатила тошнота. Не то от боли, не то от странной детской обиды на справедливую, но неожиданную боль.

– Что, – усмехнулся Вельзевул, – боишься мне ответить? Думаешь, если не будешь сопротивляться, я потеряю интерес? Или знаешь, что за сопротивление я могу сделать еще хуже? Как думаешь, мешают ли эти страхи душам, которых ты выпускаешь на потеху?

– Это вряд ли, – хрипло ответил Дэваль. – Они все же возвращаются в Аид. А мне с тобой придется жить целую вечность.

Второй удар сбил с ног. Бок резануло хлыстом наискось, и теперь каждое движение отдавалось резкой болью. В ушах зазвенело.

Сквозь пелену ему почудился смех – тот самый, который он слышал, стоя у края набережной и глядя, как две крохотные фигурки скользят по льду. Одна неуклюже и неумело, вторая – легко и изящно.

Хорошо, что Аиды нет дома.

Может, он успеет избавиться от нее прежде, чем отец разочаруется еще в одном своем ребенке.

Глава шестая

Я ткнулась лимоном в дверь, но из-за нее мне никто не ответил.

– Я слышала, что ты пришел! Открывай! Даю тебе полминуты, чтобы одеться и открыть. Я серьезно, Дэваль, тридцать секунд!

Сначала ответом была все та же тишина, а потом раздалось недовольное:

– Свали.

Но я, воодушевленная вечерними катаниями, твердо вознамерилась причинять добро и наносить радость.

– Нет уж, нельзя прогонять решившую подарить кому-то лимон Аиду, – пробормотала я, извернувшись и повернула ручку.

Замок щелкнул, но было поздно – я уже распахнула дверь. И застыла в проходе как вкопанная, а потом от неожиданности уронила несчастный лимон на пол. К счастью, горшок оказался прочнее моего самообладания и лишь завалился набок, рассыпав немного земли.

Дэваль, кажется, не оценил подарка. Он вообще, судя по выражению лица, собирался меня убить. Но вместе с лимоном я уронила и инстинкт самосохранения. А может, Дэваль просто не выглядел сейчас способным причинить хоть какой-то вред. Я застучала его стоящим без рубашки над небольшой глиняной баночкой с какой-то вязкой мазью. Но страшно было то, что все тело парня было покрыто длинными красными набухшими следами от... чего? Кнута? Ремня? Меча?

Плечи, спина, живот. Да на нем живого места не осталось!

Надо было что-то сказать, но я молча стояла в проходе, открыв рот.

– Тебя что, за ухо выпроводить? Вон, я сказал! – рыкнул Дэваль и направился ко мне, чтобы исполнить угрозу.

Но ему было больно. Движения получались скованные, и я, опомнившись, юркнула ему под руку, к столу с мазью.

– Я сказал тебе свалить!

– Если бы я подчинялась твоим приказам, давно бы уже была в Аиде. А... подождите-ка... я там была.

Я понюхала мазь в баночке и скривилась. Запах напоминал что-то среднее между плесенью и ментолом. Должно быть, жутко болочая штука. Когда я на тренировках стирала ноги в кровь, папа мазал меня чем-то похожим. Жгло невероятно, зато, в отличие от других девочек из группы, ни разу не было воспаления.

– Садись. – Я кивнула на кровать.

Дэваль не сдвинулся с места. И смотрел так, словно я предложила ему живьем отведать горстку тараканов.

– В какую букву ты собираешься завернуться, чтобы обработать эту красоту на спине? Если не хочешь, чтобы я помогала, можно я тогда посмотрю? Люблю наблюдать, как мои враги корчатся в невыносимых муках.

Явно нехотя, с каждым шагом преодолевая желание послать меня куда подальше, Дэваль пересек комнату и опустился на кровать. Вблизи следы оказались еще более жуткими. Мысленно я содрогнулась, но внешне невозмутимо набрала немного мази и осторожно коснулась одной из ссадин.

Дэваль дернулся, но промолчал.

– Уверен, что это поможет?

Ответом меня не удостоили, и пришлось продолжить. Теперь я немного лучше понимала отца, когда он, не обращая внимания на мои сопли, слезы и мольбы, продолжал водить меня на массаж, впихивать витамины и заставлял тренироваться даже в отпуске.

За месяцы здесь, в Мортруме, я так привыкла ко множеству безумных вещей, что ожидала увидеть, как раны на глазах начнут затягиваться. Но мазь таяла на разгоряченной коже, а чуда все не происходило. Только Дэваль вздрагивал снова и снова, когда я касалась красных следов.

– Хочешь, я схожу и попрошу обезболивающее? Скажу, что упала на льду.

– Нет.

Потом немного помолчал и добавил:

– У тебя руки холодные.

– Да... точно. Ты весь горишь. Сейчас согрею.

– Не надо.

От жалости защемило сердце, но я стиснула зубы, чтобы ничем ее не выдать. Жалости Дэваль не потерпит. Даже мои прикосновения

терпит с трудом, и то лишь потому, что понимает, что сам просто не сможет дотянуться.

– За что он так? – наконец набралась решимости спросить я. – Узнал, что мы сделали? Давай расскажем, что это я.

Хотя я, наверное, и двух ударов не выдержу.

Я украдкой скосила глаза на руки Дэваля. Но они оказались абсолютно здоровыми. Он что, даже не пытался защититься? Просто позволил отцу себя избить? В том, что это дело рук Вельзевула, я не сомневалась.

– Нет, – отрезал парень, и на этом разговор снова затих.

Даже исполосованный жуткими бесчеловечными ударами, Дэваль определенно был хорош. Жаль, что такому поганцу досталось такое идеальное тело. Я едва удержалась от того, чтобы потрогать темные растрепанные волосы. Кончики пальцев застыли у самых прядей, там, где кончалась самая длинная и глубокая ссадина. Воображение работало против воли. Внутри все сжималось от мысли о том, насколько адская это боль: вот так, по живому... чем? Кнутом? Да какой отец вообще способен на такое по отношению к своему ребенку?! Что надо сделать, чтобы заслужить это?

Вельзевул бил не в ярости, не когда гнев лишает разума. О нет, он совершенно сознательно избегал лица и ног, чтобы Дэваль не выпал из обоймы. Чтобы продолжал быть стражем и служить Повелителю, даже если каждое движение отдается болью.

Не удержавшись, я приблизилась и кончиком носа потерлась о его плечо. Как в детстве, когда папа болел. Единственное проявление заботы, на которое была способна пятилетняя девочка. Ткнуться носом, лечь рядом и усиленно стараться не показывать, как ей страшно. Папа редко болел так, что не мог подняться, но каждый раз я запомнила на всю жизнь. Он, думаю, тоже.

Дверь с грохотом распахнулась, и я отпрыгнула от Дэваля чуть ли не к изголовью кровати.

– Эй, Дэв, ты живой? – хмыкнул Самаэль.

– Мы принесли... – Дар осекся на полуслове. – Привет, Аида. А что ты здесь делаешь?

– То, что следовало бы вам, любящим братьям. – Я помахала баночкой. – А вы что принесли вместо этого? Бутылку? Серьезно?

– Эссенция. – Самаэль пожал плечами, опускаясь на диван. – Довольно неплохо заглушает боль.

– И не стыдно? Взрослый иной, глава министерства, а лечится водкой, – фыркнула я, возвращаясь к спине Дэваля.

– Мы же не люди. На нас все заживает быстро. У нас не бывает инфекций и шрамов. Почти. Так что задача – переждать боль и дожить до момента, когда все затянется.

– Но я бы не отказался, чтобы мне наложила мазь симпатичная соседка, – фыркнул Дар.

Задрал штанину и продемонстрировал всем следы от ботинок.

– Это после тренировки, – пожаловался он. – Болит. Намажешь?

– Нет.

– Почему?!

– Твой брат сказал, что на вас все заживает. Хлебни эссенции, и пусть она будет со вкусом братской любви.

Дар смешно засопел и плюхнулся в кресло. И так, наблюдение номер один: братья все же, несмотря на очень разные взгляды на жизнь (особенно у Самаэля), держатся вместе. Наблюдение номер два: Самаэль и Дар в курсе нравов отца, но предпочитают не вмешиваться.

Пока не знаю, что буду делать с этими наблюдениями, но непременно придумаю.

Меж тем Самаэль разлил эссенцию в три бокала, чем возмутил меня до глубины души. Один бокал забрал Дар, второй он оставил себе, а третий отдал Дэвалю. И его тут же отобрала я.

– Алкоголь препятствует заживлению ран. Поднимает артериальное давление, оно вызывает приток крови, нарушается свертываемость, швы и раны расходятся и кровоточат, не успевая затянуться. А еще он блокирует действие множества лекарственных компонентов. Поэтому выпью сама.

– Удивительное самопожертвование, – фыркнул Самаэль.

Поразительная вещь эссенция: никогда не знаешь, какой вкус у нее будет. Можно пожелать вполне определенный, а можно довериться моменту и...

По телу разлилось тепло. В нос ударил терпко-пряный аромат глинтвейна. Согревающего, наполненного специями и медом. Каким-то таким глинтвейн должен был быть по моим представлениям. Папа иногда варил его для себя и Хелен, но мне не разрешали пить алкоголь.

И я наслаждалась запахами, представляя, каким он может быть на вкус. Уже потом, после смерти отца, я не раз пробовала глинтвейн во всех вариациях, но того самого, неповторимого, так и не нашла.

Совсем некстати в голову пришла мысль: а что почувствует Дэваль, если сейчас глотнет из моего бокала? То же, что и я, или у него свои воспоминания и желания? Интересно, как работает эта магия.

Вместе с расслаблением пришло нежелание куда-либо идти. Я могла за пару минут закончить с мазью, распрощаться и отправиться к себе, но вместо этого делала вид, будто ужасно увлечена процессом. И вряд ли Дэваль и остальные в это верили. Мы просто делали вид, что каждый занят своим делом: Дар что-то набрасывал в блокноте, Самаэль погрузился в изучение чьего-то личного дела. Я рассеянно касалась разгоряченной кожи, втирая мазь в красные полосы, а Дэваль просто сидел, уставившись в одну точку, и о чем думал – неведомо.

– Дэв, я тебе сейчас врежу, – сказал Самаэль, оторвавшись от документов. – Неизвестный портал, ведущий на Землю, к затонувшему смертному кораблю «Титаник», лежащему на глубине несколько тысяч километров на дне океана. Скажи мне, пожалуйста, кто тебя писать учил? Смертному кораблю? А бывают корабли бессмертные?

Я фыркнула, правда, потом тут же покраснела.

– И какие, в задницу, несколько тысяч километров? Это сколько, по-твоему? До орбиты Луны?

– Что такое Луна?

– А что такое две тысячи километров? Мы вроде учили структуру немагического мира. В том числе его размеры.

– Я просто написал то, что сказала эта. – Он кивнул в мою сторону.

– Не «эта», а мисс Даркблум. И вообще, кто сказал, что мне можно верить? Я вместо школы на тренировки ходила, между прочим.

– Ага, а теперь вместо колледжа ходишь скандалить ко мне, – фыркнул Самаэль. – А можно тебя попросить больше не делиться ценными знаниями о Земле? Вообще расстояния – вещь принципиальная. Если мы решим открыть портал к «Титанику», чтобы осмотреть существующий, на основании этих данных, то Селин засосет куда-нибудь... не знаю, куда именно, ваш космос – не наша зона ответственности, он необитаемый.

– Ну засосет и засосет. – Я пожала плечами. – На карнавальных платьях сэкономите. Ой, да хватит душнить! Просто возьми и... не знаю, исправь километры на метры. И все.

– Это что, по-твоему, черновик любовного романа?! – возмутился Самаэль. – Возьми и исправь. Это документ! Подписанный, между прочим, не абы кем, а стражем Грейвом. Когда вы уже научитесь быть взрослыми и ответственными?

– Кстати, а что за документ? – спросила я. – Что-то из архива?

– Материалы дела Харриета и Шарлотты... стоять! Тебе нельзя!

Я даже не успела спрыгнуть с постели, только расплескала эссенцию прямо на Дэваля. К счастью, не попав на ссадины.

– Дай сюда! – Он отобрал у меня бокал и осушил в один присест.

– Так нечестно. Я дружила с ними обоими. Имею право знать, что будет дальше.

Со вздохом Самаэль отложил папку. Надеюсь, он о ней забудет и я суну туда любопытный нос. Даже Дар оторвался от рисунков и наострил уши.

– Будет суд, который решит, кто из них прав и кто сможет остаться в Мортруме, а кого ждет иная участь. Появление Шарлотты сильно осложнило ситуацию Харриета. А ее попытка отомстить ему тянет на Аид. Мы впервые оказались в такой ситуации, поэтому процесс будет очень непростым. Кстати, тебе придется выступить свидетелем, ты единственная, кто знал их обоих и наблюдал всю драму вживую. Уже определилась, на чьей ты выступишь стороне?

– Выбирать? Почему я должна выбирать? Бред какой-то! Харриет ничего не сделал, он честно отработывал свое наказание здесь. Нельзя дважды судить за одно преступление! А Шарлотта... да, она поступила некрасиво, но ее можно понять! Она провела столько времени в одиночестве, несчастная... кстати, вы узнали, кто она?

– Достоверно определить невозможно. Но есть предположение, что это один из тех редких случаев, когда у души магия проявилась на Земле. Она не дала Шарлотте погибнуть, но своеобразным способом: превратив ее в чудовище. Есть так же вероятность, что Шарлотта – результат скрещения видов разных миров. Такое тоже редко, но случается. Порталы между немагическими мирами открываются, в них попадают души. Приспосабливаются, живут, рожают детей. Шарлотта не помнит семью, так что это никак не проверить. Их дело отправили

на пересмотр. Судьи должны понять, насколько справедливым было решение оставить Харриета здесь и как в этой ситуации поступить с Шарлоттой. Ты дружила с обоими, поэтому о вызове тебя будут ходатайствовать обе стороны, но принять приглашение можно только одной. Решай, у тебя еще есть время.

Застонав, я опустила на постель и потерла глаза.

– Почему у вас все так сложно?!

– Не бывает простых миров, Аида.

После эссенции мир вокруг приятно покачивался. Я дала себе клятву, что полежу буквально пару минут, отдохну, прежде чем найду в себе силы подняться и дойти до комнаты. Но последнее, что запомнила, – это задумчивый голос Дара:

– А вы зачем лимон раскидали? Сокровище же. Если вам не нужно, можно я заберу?

Я уже привыкла к странным снам, но этот от них отличается.

Мир вокруг серый. И мокрый. Над головой – низкие своды пещеры. Под ногами покачивающийся пол, между досок которого видно темную воду.

Я лежу в чем-то, напоминающем спальный мешок, и сквозь щелочку в стене смотрю, как по узкому, наполненному водой тоннелю неторопливо плывут лодки. Стоит мне спуститься, прыгнуть в одну из лодок – и я смогу добраться до жилища моего друга, с которым так весело прыгать по скалам, играть в истребителей монстров.

Мама снова будет злиться, что я смотрела на балеопалов. Они очень опасны. Стоит тебе коснуться воды, как монстр утянет на самое дно, где безжалостно с тобой расправится. Но я не знаю никого, кто устоял бы перед величественной красотой водных чудовищ. Перед зрелищем, как их массивные тела с легкостью маневрируют меж скалами, то погружаясь к самому дну, то подплывая к жилищам.

Когда очередная лодка подплывает достаточно близко, я осторожно выбираюсь из жилища и прыгаю в нее. Лодочник лишь едва заметно косится, чтобы убедиться, что я не ребенок, а затем продолжает свой путь.

У самого конца тоннеля я прыгиваю и по выщербленным в скале ступеням выбираюсь наверх, наружу, под шквалистый ветер и низкие серые штормовые тучи.

Кажется, это небезопасно. В такую погоду так легко упасть в воду.

Я лишь бросаю взгляд к горизонту, туда, где виднеются темные фигуры балеопалов.

Откуда они пришли в наш мир? Как появились там, в глубинах бесконечного океана? Кажется, эти вопросы волнуют лишь меня.

Я разворачиваюсь, чтобы юркнуть в тепло тоннеля, однако ноги разъезжаются на мокром камне. Чувствуя, как сердце уходит в пятки, я понимаю: конец. Мне не за что ухватиться. Неумолимо я лечу вниз.

Скала под водой слишком гладкая и скользкая, чтобы я смогла ухватиться и подтянуться.

Рядом я чувствую движение.

Огромная пасть раскрывается подо мной, создавая воронку, в которую меня неизбежно затягивает.

Я проснулась с колотящимся сердцем и несколько минут лежала не шевелясь, вслушиваясь в ночную тишину. Стоило немалых усилий убедить себя в том, что я дома, в своей постели, а не в водном мире, где любая ошибка грозит мгновенной и ужасной смертью.

Лишь заставив себя не думать о сне, я поняла: это не моя постель. И не моя комната. И рядом не хаотично разбросанные подушки, а спокойно посапывает Дэваль.

Черт, я же уснула у него в комнате. И эти гады просто оставили меня здесь!

Тихо, стараясь не разбудить его и не потревожить раны, я сползла с постели и прокралась к двери. Обнаружила, что она заперта, и выругалась: ключа в замочной скважине не оказалось.

– Не можете стырить с Земли нормальные замки, что ли? – в сердцах выругалась я.

Поискала ключ на ближайших полках и столике, но безуспешно.

– Ладно, я честно пыталась дать тебе поспать. Прости, братишка, но жизнь несправедлива, а я – тем более.

Подойдя к постели, чтобы растолкать Дэваля и заставить его дать ключ, я замерла.

Мазь определенно действовала: отек и краснота немного спали. Но следы от хлыста все еще причиняли парню сильную боль. Он спал

на относительно здоровом боку практически не шевелясь, в такой позе, что не осталось никаких сомнений: искал он ее долго. Наверняка едва заснул, ворочаясь от боли.

«Ты сволочь. Ты эгоистка. Ты – жестокое существо, думающее лишь о своей выгоде, Аида Даркблум! Соберись и разбуди его!»

Но как бы я ни пыталась заставить себя разбудить его, ничего не выходило. Жалость смешалась со злостью. Как можно такое сотворить с собственным сыном? Пусть нелюбимым, пусть разочаровавшим, но сыном. Да, наверное, порой мы доводим близких до белого каления. И редкий родитель в сердцах не шлепал накосячившее неразумное дитя. Но вот так методично, снова и снова оставляя следы, которые наверняка превратятся в шрамы?

Пожалуй, я не готова быть дочерью Вельзевула. Что бы ни натворил Дэваль, я побью его рекорд в считанные недели.

Так же тихо я вернулась на свою половину кровати и завернулась в одеяло. Хорошо, что Дэвалю оно сейчас было без надобности. Плохо, что нельзя раздеться. Завтра будет веселый денек после почти бессонной ночи.

Как ни странно, на этой мысли я снова уснула. И снова оказалась в воде.

Я не сразу понимаю, где я и что я. Как будто проснулась после долгого сна. Как будто сознанию нужно время, чтобы включиться.

Вокруг тьма. Она давит со всех сторон, но при этом почти не ощущается.

Мое тело огромное, массивное. Оно выдерживает невероятную глубину и ужасный холод воды у самого дна океана. Я так давно не поднималась на поверхность. Я почти забыла облик, который когда-то был моим.

Я – балеопал.

Чудовище из бездны.

И я умираю. Мое время подходит к концу.

Лишь одно заставляет уставшее тело шевелиться: низкий гул, от которого дрожит само мироздание. Это не звук и не движение, это что-то внутри меня отзывается на зов братьев, сообщающих благую весть.

Солнечный день.

Сегодня День Солнца.

С усилием я отрываюсь от дна и стремлюсь наверх. Туда, где виднеются – сначала едва-едва, потом все ярче и ярче – лазурные огни.

Самое прекрасное, что я когда-либо видела в жизни.

Я вижу лишь цветок, раскрывающийся на поверхности воды. Не знаю, как это возможно, но я почти наяву вижу, как его лепестки тянутся к солнцу.

Последние рывки до ослепительного света дарят мне абсолютное счастье. Я чувствую, как тепло цветка охватывает мое тело, обжигает, но я счастлива стать частью этого света.

Мой путь в глубинах бесконечного океана окончен.

Спустя бесконечную темноту я вновь открываю глаза.

Мир вокруг серый. И мокрый. Над головой – низкие своды пещеры. Под ногами покачивающийся пол, между досок которого видно темную воду...

В реальности я увидела все тот же темный потолок. Второе пробуждение вышло не таким болезненным, но я словно и впрямь несколько сотен лет провела в одном гигантском заплыве. Будь проклят Тордек со своими сказками! Разбудил любопытство, запустил фантазию, а сам наверняка спит себе спокойненько, отдыхает перед новым актом насилия над студентами и мной персонально.

Дэваль спал в той же позе. Судя по часам на стене, прошло несколько часов. Мне страшно захотелось взять мазь и еще раз пройтись по ссадинам в надежде, что так они заживут быстрее, но я не решилась. Да и сил, честно сказать, вряд ли хватило бы. Беспокойный сон совсем не подарил ощущение сил и бодрости. Глаза закрывались, но я усиленно старалась не проваливаться в сон. До завтрака оставалось всего несколько часов. Мне страшно не хотелось снова нырять в кошмары.

– А можно мне нормальный сон? – прошептала я, сдаваясь под натиском измученного организма. – Про что-нибудь хорошее?

И словно издеваясь, повелитель снов без лица и имени снова и снова бросает меня в один и тот же сон.

В поцелуи с кем-то, лица кого я не вижу. В торопливые обжигающие ласки на грани запретного. В такое, что стыдно даже

представить.

Я чувствую горячее дыхание на шее, у самого основания, там, где кожа уже горит от поцелуев. Выше, у мочки уха, затем – на своих губах. Как искра, стремительно разгорающаяся в пламя. Я чувствую его руки на спине, кончики пальцев рисуют неведомый узор, который я с большим трудом все же узнаю.

Там, где проходят его руки, раскрываются шрамы.

Низ живота сводит от наслаждения, а сердце неистово бьется от нарастающей боли.

Я чувствую, как по спине бежит теплая кровь.

Моя кровь.

– Хватит!

Но руки снова и снова рассекают нежную кожу.

Все! Хватит! Никакой больше эссенции перед сном, никакого сна в комнате Дэваля! Ни разу еще за все пребывание в Мортруме у меня не было такой отвратительной ночи.

Я открыла глаза, намереваясь на этот раз окончательно встать и отправиться в душ. И если для этого придется разбудить Дэваля... что ж, я честно дала ему поспать, а рано вставать иногда даже полезно.

Зевая, я села в постели и потянулась. А потом завизжала, увидев у окна нечто настолько жуткое, что самообладание просто отказалось слушаться разума, оставив бразды правления неконтролируемому страху.

У страха было паучье тело с венчающимися стальными наконечниками лапами и женский торс.

– Дэваль, – холодно произнесло существо, – твоя девушка удивительно визглива и невоспитанна.

– Она не моя девушка, – буркнул парень, которого мой крик все же разбудил. – В остальном все верно. Что ты здесь делаешь, Ева?

– Твой брат вызвал меня. Говорят, у вас появилась девочка, которая не должна была умереть. Надеюсь, это не она?

– Что это... – От шока я забыла, как разговаривать полными предложениями.

Тварь посмотрела на меня укоризненно.

– Что? – фыркнула она. – Показатель твоего интеллекта, милая. Взрослые люди не теряют дар речи при виде кого-то, кто от них

отличается.

Отличается?! Отличается – это когда у «кого-то» другой цвет кожи или нет ноги, а не гигантская паучья задница!

– Это Ева, – повторил Дэваль. – Моя тетя. Она арахна. Это мертвая раса из глубин вселенной.

– Тетя? То есть... сестра мамы?

– Поразительные познания! – фыркнула Ева. – Что с тобой, мой мальчик, ты стал удивительно неразборчив в девушках на ночь. Не понимаю, в чем удовольствие каждую минуту следить, чтобы она не ляпнула что-то неуместное.

К этому моменту первый шок уже спал вместе с сонливостью и вернулась стервозность.

– Слушайте, женщина-паук, смените тон, а не то найду для вас женщину-тапку, понятно?

Кажется, представителю расы из глубин вселенной еще ни разу не хамила еда. А я рядом с этой Евой смотрелась как мошка, зачем-то подлетевшая к паучихе и не подозревающая, что часы ее сочтены.

– Так, спокойно! – Дэваль на всякий случай сел между нами, пока знакомство не переросло в дезинсекцию. – Аида, Ева – одна из приближенных Повелителя, проявляй к ней хотя бы почтение, если не можешь разобраться с дружелюбием. Ева! Это Аида Даркблум.

Выражение лица паучихи изменилось. До сих пор она смотрела на меня с недоуменной брезгливостью, но, услышав имя, удивленно подняла брови. Боги всех миров, как странно смотрелась шикарная брюнетка с половиной паучьего туловища!

– Теперь вопросов еще больше, – хмыкнула Ева. – Что Аида Даркблум делает в твоей постели?

– Сидит и действует мне на нервы вместе с неожиданно нагрянувшей родственницей. Ева, давай ты пока позавтракаешь, а мы переживем совместное утро. Сестричка отправится учиться, а я с удовольствием проведу с тобой весь день.

– Договорились, мой дорогой. Заскочу пока к твоему брату. Безумно по вам соскучилась!

– Главное, постучи сначала, а не то его сердечный приступ хватит, – буркнула я себе под нос.

В дверях Ева обернулась.

– У тебя вкусные кошмары, Аида. Вот тебе мой совет: запирай дверь, когда сегодня отправишься ко сну.

В спину ей полетела подушка. Кстати, запущенная не мной: Дэваль с утра не щадил даже самых близких. Ева звонко рассмеялась и исчезла в коридоре, цокая лапами. Меня передернуло.

– Что это было?! – спросила я.

– Одна из способностей Евы – поглощать энергию из снов. Она питается кошмарами. Наверное, зашла ко мне поздороваться, увидела тебя и не смогла удержаться. Самые вкусные кошмары всегда под утро. Я с ней поговорю, она больше не будет.

– Она же... насекомое! Наполовину! То есть... как это вообще возможно?

Дэваль пожал плечами. Его ссадины выглядели куда лучше, чем накануне, но наверняка все еще причиняли боль. Однако я не решилась предложить помощь. Почему-то подумала, что сейчас он ее в любом случае не примет.

– В нашей вселенной не один мир. Ты же видела Тордека.

– Да, и отреагировала примерно так же.

– Это уже вопросы не ко мне. Просто прими тот факт, что в мире существуют не только люди. Мир Евы давно погиб, она одна из последних.

– Печально. Но в каком смысле Ева – сестра твоей мамы? Нареченная? Такая близкая подруга, что почти сестра?

– Нет. Сестра – это как ты и я. Общие родители. Хотя бы один. Понимаешь?

– То есть твоя мама, Лилит, арахна?

– Ага. – Дэваль пожал плечами.

– А почему ты нет?

– Кровь отца сильнее.

– А как он... нет, это я знать не хочу. А ты вылупился из яйца?

– Я тебя сейчас из окна выброшу!

Я со смехом скатилась с кровати.

– Тогда все узнают, что я ночевала в твоей комнате.

– Да все и так знают, ты уснула прямо при Самаэле и Даре. Эти сволочи отказались уносить тебя отсюда.

– Так, погоди. Ева сказала, что ее вызвали из-за Олив? Что не так с Олив? Она не должна была умереть? Что делает твоя тетя помимо

поедания странных снов?

Но Дэваль, не намеренный больше общаться, почти силком выставил меня из комнаты. В холодный коридор, туда, где пряталась непонятная арахна. Клянусь, я почти ожидала увидеть знакомые интерьеры, опутанные паутиной. Но дом был тих.

Однажды я привыкну к странностям этого мира. Но точно не сегодня и не к таким.

– Вкусные кошмары... – бурчала я, направляясь в свою ванную. – Главный мой кошмар – гигантский паук, подсматривающий эротические сны. Теперь вся эссенция будет пахнуть дихлофосом.

– Слышал, ты познакомилась с Евой, – сказал Самаэль, когда мы шли к колледжу.

Меня все еще конвоировали, куда бы я ни собралась. И я даже скучала по Харриету. С ним было как-то проще, от Самаэля прямо таки исходили волны недоверия, словно он опасался, что я в любую минуту с криком «Э-ге-гей!» брошусь в Стикс.

– Познакомилась – не то слово. «Поседела и начала заикаться» больше соответствует действительности.

– В интерпретации Евы это звучало как «невоспитанная девица, которую вы приютили, мне нахамила».

Я прикусила язык, чтобы не съязвить на тему «приютили».

– Да, я боюсь насекомых. Что поделать? У нас нет таких гигантских паукоженщин. Хорошо, что она хотя бы не бабочка. Те вообще мерзкие. Усики такие... брр-р!

– И все же тебе придется привыкнуть к Еве и реагировать менее остро. Хотя бы на людях. Потому что Ева немного задержится. И она часть семьи.

– Как вообще ее сестра сошлась с вашим отцом? Это же разные... даже не расы, виды! Они по всем законам биологии скрещиваться не должны! А еще самки пауков съедают самца после этого самого дела...

– Вообще, зачатие – не та тема, которую я обычно обсуждаю с отцом. Можешь при случае все свои вопросы задать Еве, любознательная моя. Ведь вас ждет увлекательное путешествие в Виртрум, на заседание по делу Харриета и Шарлотты. Ева будет тебя сопровождать.

– Почему она?!

– У всех в Мортруме есть работа. Эта – ее. Ева сопровождает на суды.

– Я думала, это из-за Олив. Она так сказала. Что Олив не должна была умереть.

– Да, и это тоже. Ева обладает властью над кошмарами. А смерть – самый страшный кошмар. Она заглянет в лабиринты разума Олив и выяснит, почему она умерла.

– Значит, Олив не должна была умереть. И что-то пошло не по плану в вашем идеальном королевстве мертвых душ.

– А еще это значит, что ты несправедливо обвинила меня в подлоге и намеренной попытке над тобой поиздеваться, сведя с давней соперницей. Не хочешь извиниться?

– Не очень.

Самаэль усмехнулся.

– Даже не сомневался.

Мы подошли к колледжу, где уже бурлила жизнь. Сколько я уже здесь? Дни слились в единый временной поток, разделенный лишь знаковыми событиями. Встреча с темной душой в баре и попадание в Аид казались такими далекими, а ведь все это – моя жизнь на протяжении последних... недель? Дней?

– Учись хорошо. Когда придешь в министерство, я тебе расскажу один секрет.

– Хороший? – Я с подозрением прищурилась.

Самаэль сделал вид, что задумался.

– Многообещающий.

– Ловлю на слове... – Я осеклась. – Блин! Тордек!

– А что с ним?

– Дал задание на дом. А я про него забыла.

– Да-а-а... нас ждет большое будущее, – вздохнул Самаэль.

– Так, до пары еще пятнадцать минут, пойду экстренно наколдую лимон и скажу, что ничего другого не получилось. Все, пока!

И я понеслась навстречу приветливо расступившимся горгульям.

Облом подкрался незаметно: в обычно пустой лаборатории меня уже ждал магистр Тордек. По виноватому виду и отсутствию аквариума с иномирским цветком он сразу все понял.

– Вы ведь даже не пытались, так?

– Много всего случилось. – Я виновато вздохнула.

– А когда было иначе? Что ж, тогда будете пытаться прямо сейчас. Прежде чем двинуться дальше, я хочу оценить границы ваших возможностей.

Подозреваю, границы в основном лимонные, но если магистр хочет надеяться, почему бы и нет? Даже в таком мире, как Мортрум, есть место светлому и многообещающему чувству.

– А можете придумать мне новую мотивацию? – спросила я.

– В каком смысле?

– Ну... вы обещали рассказать секрет своего мира, но, кажется, я догадалась. И теперь мне нужна новая интрига.

Я посмотрела на выражение лица Тордека и поспешно добавила:

– Я случайно.

– Поясните, пожалуйста. Что означает «догадалась»? Я не шутил, когда говорил, что ни одно существо в этом мире и в соседних не знает ничего о моем мире. Могу я услышать ваши догадки, страж Даркблум?

Сделав глубокий вдох и поколебавшись несколько секунд между вариантом «не позориться» и «вывалить весь приснившийся бред», я все же решила не сдаваться и позориться до конца.

– Ваш мир покрыт водой. Над ней возвышаются скалы, внутри которых выдолблены жилища. По тоннелям и между скалами курсируют лодки. Это – ваша жизнь, таких существ, как вы. Я не знаю, как вы называетесь, простите. В глубинах океана обитают балеопалы...

Лицо Тордека вытянулось. Название существ он на занятии не упоминал.

– Это огромные, похожие на земных китов существа. Опасные для вас, потому что стоит упасть в воду – и тебя тут же съедает этот монстр. Раз в год над вашим миром появляется солнце. Под его лучами на поверхности расцветают цветы, а с заходом солнца они растворяются в воде.

– Хорошо. Продолжайте.

– Вы сказали, что в Мортруме нет таких, как вы, и на это есть причина. Я думаю, причина в том, что вы бессмертны. Никто из вашего мира не умирает окончательно. Когда человек... ну, вы поняли, существо, подобное вам, погибает, оно превращается в балеопала, подводного монстра, и жизнь души продолжается. Затем, в тот единственный день, когда показывается солнце, жизнь балеопала

подходит к концу. Он стремится к свету цветка, чтобы душа, заключенная в теле кита, вновь переродилась в качестве человека. Цикл повторяется снова и снова, до бесконечности. Поэтому таких, как вы, нет в Мортруме. Вы не умираете окончательно. Вы перерождаетесь в своем мире.

Тордек молчал. Смотрел своими жуткими инопланетными глазами и молчал так долго, что я даже немного покраснела, что случается крайне редко.

– Но все же я здесь, – наконец тихо произнес он. – Почему?

– Потому что кто-то убил балеопала. Точнее, вас в теле балеопала. У них ведь нет естественных врагов в природе. Вы не убиваете их, это священные животные, несмотря на их опасность. Но по какой-то причине, когда вы были балеопалом, вас убили. И вот вы здесь.

– И это вы узнали...

– Это мне приснилось. Весь цикл ваших перерождений. Это потрясающе. Удивительно красиво.

– Интересно.

Магистр рассматривал меня почти так же, как утром я – Еву, только страха в глазах не было, лишь нечто, напоминающее легкое беспокойство.

– Это просто сон и все совсем не так? – почти с надеждой спросила я.

– Нет, все совершенно верно. В моем мире души находятся в непрерывном цикле перерождений, хотя и не осознают этого. И да, меня убило что-то, когда я был балеопалом. К сожалению, никто в Мортруме не может сказать, что именно. В наш мир крайне сложно открывать порталы. Любой страж или проводник там – риск, мой народ никогда не видел таких, как вы, страж Даркблум. Как я уже говорил, немагические миры очень разные и порой удивительные. Хорошо, что вы разгадали загадку. Плохо, что нестандартным способом.

– Это нормально? Видеть сны про чужие миры?

– Нормально – очень относительное понятие в нашем мироустройстве, Аида. Я не могу дать оценку проявлениям магии. Однако могу вас поздравить с приобретением новой способности. Заглядывать в иные миры – удивительный дар. Его тоже придется развивать.

Забавно, еще каких-то пару месяцев назад речь шла о запечатывании дара. И вот мы уже его развиваем.

– Это тоже сила?

– А как вы думаете, каким образом Вельзевул обнаружил немагические миры в свое время?

Еще одно наследие Повелителя. Слишком много всего перепало от папочки. Характер, кажется, тоже его. Стоит гордиться родством, наверное, но каждый раз, когда я слышу его имя, вспоминаю красные полосы на спине Дэваля и хочу оказаться как можно дальше от новоявленного родителя.

– Значит, я умею выращивать лимоны и заглядывать в немагические миры. Это победа в номинации «самые бесполезные таланты мира мертвых» или есть кто-нибудь, кто умеет превращать пиво в молочный коктейль или светиться в полнолуние?

– Вы напрасно иронизируете, страж Даркблум. Немногим в Мортруме позволено развивать свой дар. Если вы в числе избранных – значит, Повелитель видит в вас необходимый потенциал. То, что вы называете лимоном, – практически чудо в нашем мире. Не обесценивайте свои крохотные успехи. На то, чтобы стать сильным стражем, уходят годы.

– А если у меня их нет?

Тордек посмотрел на меня с удивлением.

– С чего вы взяли? Вы теперь бессмертны.

– Не знаю. Ощущение.

Я достала из кармана подвеску-перышко, найденную в вещах.

– Что означает ворон? Предзнаменование дурного?

– Не всегда. Гораздо чаще – тайну, связь между магическим и немагическим мирами. В легендах многих миров ворон передает сообщения из мира мертвых. Но в Мортруме не бывает птиц, Аида. Вороны – лишь символ легенд иных миров. Однако...

Тордек поднялся, чтобы принести знакомый котел с пеплом.

– К предчувствиям стоит прислушиваться. Но ни в коем случае не позволять им диктовать свою волю. Прислушайтесь к своим. Что они подсказывают? Что нужно сделать, чтобы тревога исчезла?

– Кажется, я уже сделала все, чтобы она появилась. И теперь остается лишь пожинать плоды. У вас там, случайно, никакой психолог недавно не представился? Я бы сходила.

Глава седьмая

– Многое изменилось в твоём королевстве, мой дорогой.

Самаэль никогда и никому не признался бы в том, как сильно его бесит цоканье лап арахны по брусчатке. Если предложить ей мягкие чехлы, Ева смертельно обидится, но ему порой кажется, что он убьёт ее раньше. Наверное, сказывается усталость.

– Многое? Не заметил.

– Аида Даркблум, порталы, открывающиеся сами по себе, девочки, умирающие в неположенное время, прорывы темных душ. Не припомню такого в Мортруме.

– Намекаешь на то, что я отвратительный глава министерства?

– Лишь на то, что власть твоего отца слабеет.

– Для этого он и привел дочь. Скоро у нас будет королева. Гораздо скорее, чем мы все думаем. И вот тогда-то в королевстве многое изменится. Надеюсь, оно хотя бы устоит. Аида умная девочка, хотя и ужасно самовлюбленная, избалованная и наглая. Но она понимает куда больше, чем говорит, это точно.

– Вы от нее не в восторге, похоже. Вас можно понять.

– Нас не нужно понимать, Ева, нас нужно оставить в покое. Я не могу поддерживать работу министерства, воспитывать будущую Повелительницу, держать в узде брата и расследовать весь этот хаос. От меня почти ушла жена, между прочим, и вот ее-то я и понимаю. Я бы сам от себя ушел, да не получается. Дэваль окончательно пустился во все тяжкие.

– Да, ему нужна помощь, – в голосе арахны мелькнула грусть. – Мой мальчик остался совсем один. Он скучает по ней. И по отцу, полагаю, тоже. Я не раз пыталась поговорить с Вельзевулом, но безуспешно. Сказал, что не может приказать себе вновь любить сына. Ты наконец расскажешь, что такого Дэв сделал, что стал для отца пустым местом?

– Боюсь, что нет. Это их дело, не наше с тобой.

– Это жестоко по отношению к Дэвалю. И кстати, про отношение. Ты знаешь, что Аида в него влюблена?

– Это она тебе проорала, пока пыталась залезть на люстру?

– Нет, это видно по ее кошмарам. И по тому, как она спала, прижавшись к нему. Это взаимно, не знаешь?

– Понятия не имею. Они как кошка с собакой, если ты помнишь, что это выражение значит. Я бы сказал, Дэваль ненавидит ее за то, что заняла его место. И из этой ненависти вытекает типично мужское желание получить власть над объектом. Он не может получить власть при помощи статуса или магии, поэтому был бы не против ее трахнуть. Но при этом понимает, что ему уготована участь стража у ее ног, и бесится, потому что, даже если тебе позволили трахнуть хозяйку, равным ей ты все равно не станешь.

– Ты, как всегда, цинично отрицаешь любовь.

– Я очень много лет женат.

– Может, стоит разрешить им, пока они всего лишь два стража? Кровь не играет в вашем мире никакой роли. Детей у них никогда не будет, вместе они не росли. Ничего страшного, если королева и ее страж поиграют.

– Есть правила, Ева. И правила зависят не от возможности иметь детей или проведенного вместе времени. Это законы. Мораль. Они брат и сестра и должны таковыми оставаться. В конце концов, есть Маскарад Мертвых. Дня в году достаточно, чтобы наиграться.

– Да, – рассмеялась она, – на Маскараде мораль не действует.

– Тебе не нравится Мортрум, я знаю. Но он таков, каким его создала твоя сестра. Не нам менять законы. Даже если деточки Повелителя страдают.

– Что ж... – Ева задумчиво посмотрела на Стикс. – Может, новая королева найдет в себе силы что-то изменить?

От меланхолического созерцания движения душ по реке ее отвлек оглушительный звон стекла. Самаэль вскинул голову и едва успел оттащить арахну от перил набережной: из окна башни министерства, издавая истошный вой, вылетела темная душа. Подняв тучу брызг, она вошла в воду, и темные щупальца Стикса благодарно приняли жертву, в мгновение ока утянув на дно.

– Кажется, королева нашла в себе силы, – пробормотал Самаэль, поднимаясь. – Как бы теперь потерять их при первом удобном случае, а?

В разбитом окне виднелась маленькая знакомая фигурка. Он мог бы поклясться, что Аида Даркблум сейчас стояла с самым виноватым

видом, на который была способна.

– Ужин отменяется, – хмыкнул Самаэль. – Пойду узнаю, что на этот раз стряслось с этой девчонкой.

Если вам кажется, что вокруг происходит слишком много случайностей, словно кто-то вас проклял, – возможно, вам не кажется. Вряд ли дело в проклятии, но случайности порой оказываются четко выверенной последовательностью, ведущей к точке невозврата. Жаль, что обычно понимаешь это слишком поздно.

В последнее время у меня ощущение, что «слишком поздно» приближается, а понять, с какой стороны, я не могу.

Вдохновленный моими новыми способностями Тордек рассчитывал, что, раз уж окно вселенной открылось и ниспослало на меня благодать, дело пойдет быстрее.

– Обычно магия развивается скачками, все быстрее и быстрее. Если открылась одна способность, затем вторая – то не за горами и полное раскрытие потенциала.

Или закрытие энтузиазма – так будет точнее. Не знаю, что Тордек будет делать еще с тремя лимонами, но в конце концов откроет лимонарий и будет водить экскурсии. Им здесь и такая природа сойдет.

– Возможно, я поторопился, – вздохнул он. – Тогда вот вам новое задание. Постарайтесь ночью или в удобный для расслабления момент вновь заглянуть в один из немагических миров.

– Как?

– Подумайте сами. Что-то подтолкнуло вас к этому. Возможно, эмоции, возможно, какое-то место или действие. Вспомните свои ощущения, настрой. Попробуйте вызвать это состояние снова.

– Тогда дайте ориентиры. Вы рассказали мне про свой мир, и это дало толчок фантазии или подсознанию. Земля снится мне постоянно. Мортрум я вижу каждый день. Расскажите о каком-нибудь еще.

Тордек задумался.

– Полагаю, вам стоит поговорить с госпожой Евой. Насколько я знаю, утром она приехала в город. Видите ли, я не уверен, что смогу рассказать вам о других мирах настолько хорошо, чтобы эти рассказы запустили магию. Вам стоит пообщаться с представителем этих миров. Уверен, леди Ева расскажет много интересного.

– А без этого никак? – Я поморщилась. – Боюсь насекомых.

– Лучше вы будете готовы к ее миру, чем заглянете в него спонтанно, – резонно возразил Тордек.

Я живо представила – по аналогии с балеопалом – себя в роли арахны и покрылась мурашками. Интересно, страх перед пауками укладывается в концепцию опыта прошлых жизней? Может, меня однажды загрызли птицеведы?

Потом я снова прогуляла пару Риджа. Остановилась буквально за несколько дверей до его кабинета и поняла, что не могу заставить себя пошевелиться. Себе соврать, что дело в нежелании идти на свидание (вряд ли Ридж вообще еще помнит, что меня приглашал), не вышло. Я не хотела встречаться с Олив. Может, Самаэль ее перевел, но проверять тоже не было желания.

Самаэль наверняка от души мне вломит. Но лучше слушать его нотации, чем находиться в одном помещении с сущим кошмаром. Так что я отправилась сразу за ними – в министерство. Все равно, даже если я, как в детстве, прогуляю уроки в ближайшем парке, Самаэль узнает о прогулах. Пусть лучше спрашивает прямо.

Я юркнула по запасной лестнице, минуя общий холл стражей, напрямиком в кабинет Самаэля.

– Да, я прогуляла пару, и да, можешь наказывать, сколько нравится, но я не хочу находиться в одном помещении с Олив Меннинг. Можешь тысячу раз назвать меня избалованной стервой, проблему это не решит. Даже если вы по очереди, включая эксцентричную тетушку, будете за ухо водить меня в колледж. А теперь рассказывай секрет, который обещал утром.

Выпалив все на одном дыхании, я бросила сумку на пол возле кресла и только тогда поняла, что Самаэль, похоже, не слушал меня, сидя лицом к окну и что-то там высматривая. Хотя с моего места было видно лишь Стикс, и ничего интересного на реке не происходило.

– Самаэль?

Он поднялся.

– Привет, дорогая, я соскучился. Кажется, мы в прошлый раз не договорили.

Я уже видела эту темную душу раньше. Именно она едва не затащила меня в Аид напрямиком из бара.

Кажется, кто-то говорил, что из Аида нет пути назад, особенно для душ, разозливших Дэвала. Но именно такую я приняла только что

за Самаэля. Когда-то это был мужчина, и я не знаю, какую жизнь он прожил, но в посмертии стал первостатейной скотиной. В моем понимании вырвавшиеся из ада души должны прятаться и пытаться спастись, а не преследовать одну и ту же девицу. Оставалось только гадать, как он пробрался в самое сердце министерства, кишящего стражами. И зачем.

– Ты, кажется, не рада меня видеть?

– Просто удивляюсь встрече. Думала, Дэваль упаковал тебя в чемоданчик и потерял на просторах Аида.

– Я хорошо умею прятаться. А возможности стража Грейва меркнут в сравнении с возможностями моего хозяина.

– И кто же твой хозяин?

– Не все сразу, мисс Даркблум. Некоторые блюда стоит оставлять на десерт.

– И ты здесь для доставки закуски, я правильно понимаю?

Он обошел кругом стол, и я инстинктивно отступила, прекрасно помня ощущения от перехода в Аид. В прошлый раз хотя бы Дэваль это видел, а если душа утянет меня сейчас, Самаэль опомнится только к вечеру. В Аиде уже нет папы, искать будет некого.

– Все немного сложнее. Твоя проблема в том, что ты искренне веришь, будто весь мир вращается вокруг тебя. Словно сам ад существует, лишь чтобы дрожать от упоминания твоего имени.

– До тех пор пока я сюда не вошла, у меня не было никаких проблем, – холодно ответила я.

Лихорадочно пытаюсь придумать, как сбежать прежде, чем завяжется драка, я осмотрела кабинет, но не нашла ничего, чем можно защититься. Самаэль, проклятый чистоплюй, у него даже полки пустые! Мог бы хоть какую энциклопедию поставить.

– Дело в том... что никто не охотится за тобой, ты вообще ни для кого не угроза, девочка. Просто ты – моя награда за то, что я пообещал сделать для хозяина.

Он стремительно, прежде чем я успела дернуться, оказался совсем близко. Холодные грубые пальцы обхватили мою шею, но вместо почти знакомого ощущения тьмы, затягивающей в Аид, я почувствовала лишь волну отвращения, прошедшую по телу.

– Смотри, – издевательски хохотнул мужчина, – мы все еще здесь! Давай-ка сделаем тебя поговорчивее.

С этими словами он со всей силы швырнул меня о стену. От удара из глаз посыпались искры и резко затошнило. Я почувствовала, как по виску на лицо стекает кровь.

– Хочешь знать, почему в качестве оплаты я выбрал право с тобой поиграть?

Мир вокруг вращался, я оказалась совершенно дезориентирована и, вопреки логике, напугана сильнее, чем когда отправилась в Аид. Происходило что-то не укладывающееся в привычную картину мира и оттого страшное. Что-то... слишком земное.

– Потому что это весело. То, как они будут потом к тебе относиться, зная, что я с тобой делал. Как будут пытаться скрывать презрение. Делать вид, будто все в порядке. Как твой мальчишка будет испытывать отвращение при взгляде на тебя. Это будет забавно. Достойный ответ тем, кто возомнил, будто имеет право решать, кто достоин ада, а кто может расслабиться и жить в свое удовольствие.

Без особых усилий он оттащил меня к столу. Столешница больно врезалась в бедро. Я сделала вялую попытку отпихнуть душу, но боль мешала собраться с силами, а мерзкий запах крови лишь добавлял панике остроты.

В зале за дверью больше десятка стражей, и ни один не слышит грохот?!

– Я обещал, что не убью тебя. Но не обещал, что больно не будет.

Мне уже хватило. Голова раскалывалась, ссадина пульсировала, хотя сознание немного прояснилось.

– Я хочу, чтобы все вы, – его полный ядовитой злобы голос звучал прямо над ухом, – жили с одним знанием: вы даже не представляете, насколько мы рядом. Каждый из тех, за кем ты прячешься, может вынести тебе приговор. Лучший друг. Старая знакомая. Любимый папуля. Сводный братик. Иной, который подает тебе напитки. Душа, с которой ты стоишь в дозоре. Мы наблюдаем за каждым вашим шагом. И тебе придется жить с этой мыслью, Аида Даркблум. Ты будешь часто меня вспоминать.

– Это вряд ли.

Лишающий воли ужас постепенно отпускал, уступая совершенно другому страху – яростному и разрушительному. Тому самому, с которым сражается загнанное в угол раненое животное.

Папа учил меня защищаться. Какая ирония – за это придется сказать ему спасибо.

– Хоть бы познакомился для начала, – процедила я, упираясь ладонями в грудь мужчины.

Похоже, он не ожидал, что у меня получится его оттолкнуть: на миг лицо приобрело удивленное выражение. Я и сама удивилась, что получилось. От толчка он отлетел на несколько метров и врезался в подоконник, а я растерянно посмотрела на руки, подрагивавшие от ощущения, напоминающего слабые удары током.

– Обещать, что больно не будет, не могу.

Я схватила его за грудки.

– Кажется, твой работодатель тебя надул.

Я не собиралась выбрасывать его из окна. Лишь хотела с силой оттолкнуть в надежде, что это даст немного времени, чтобы сбежать. Но раздался грохот и звон стекла – спиной мужчина вынес окно вместе с рамой и полетел вниз, прямоком в темные воды Стикса.

Ошеломленная, я стояла у остатков окна, замороженно наблюдая, как тьма поднимается из глубин и утягивает душу на дно. Его короткий и удивленный крик лишь на несколько секунд заполнил пространство, а затем стих.

На этот раз навсегда.

Заметив, что руки дрожат, я поспешно спрятала их в карманы куртки.

Когда в кабинет ворвался Самаэль, он застал меня сидящей в его кресле, и, должно быть, видок у меня был тот еще, потому что шеф как-то резко побледнел и витиевато выругался.

– Какого хрена здесь два десятка стражей и ни один не заметил прорыв?!

Он решительно направился к двери, ведущей в зал стражей. Пошатываясь – энергия как-то резко кончилась, как будто я не использовала магию, а всего лишь взяла силы взаймы у будущей себя, – я вышла следом. Еще в кабинете поняла: что-то не так. Я ожидала, что Самаэль продолжит орать, почти хотела услышать растерянные оправдания стражей, сгрудившихся вокруг моего стола, заваленного хламом.

Но, выйдя из-за спины Самаэля, увидела лишь пустой зал.

На одном из столов дымилась кружка с чаем. Возле некоторых валялись карандаши и бумаги. Несколько стульев были перевернуты и сломаны.

– Скажи, что они просто решили сбежать с работы и пойти в бар, – устало попросила я.

Но Самаэль угрюмо молчал. Он больше не хотел рассказывать младшей сестренке сказки.

– Вернись в кабинет, – отрывисто бросил он, и мне ничего не оставалось, как подчиниться.

Да и сил почти не осталось. Голова вновь разболелась со страшной силой. Кровь запеклась и противно стягивала кожу. Опустившись в кресло, я устала сидеть на дыру вместо окна. Страшно подумать, с какой силой душа вылетела наружу. Тордек предупреждал, что магия, которой дали волю, будет расти скачками. И я много раз видела, как Дэваль делал вещи, неподвластные обычному человеку. Но никак не ожидала, что и сама буду обладать похожим даром. Хотя он спас меня сегодня.

Самаэль вернулся через несколько минут. На его лице застыло такое выражение, что я побоялась задавать вопросы. Послушно позволила ему осмотреть голову и разложить на столе баночки, флаконы и мешочки.

– Надо подумать о введении должности врача. Или как он там в твоём мире называется?

– Психиатра. Я требую психиатра!

– Он сказал, как выбрался? Кто ему помог?

– Нет, лишь упомянул хозяина. Что я – его награда за какое-то дело, не знаю точно. И что я даже не представляю, сколько вокруг врагов. Говорил, что каждый может оказаться предателем. Друзья, родные и так далее. А еще он мог ко мне прикасаться.

– Что? – От удивления Самаэль замер. – Он тебя коснулся?

– О да. И ничего не случилось. Он прямо наслаждался этой возможностью. Я думала, так не бывает.

– Да, – задумчиво пробормотал Самаэль, – я тоже. Больно?

– Больно. Но ведь быстро заживет?

– Не так быстро, как на Дэвале, ты все же не иная.

В последний момент вспомнив, что перед Самаэлем все еще нужно делать несведущий вид, я поморщилась и вздохнула.

– Мне, конечно, тебя жалко. Но скажи, пожалуйста, почему ты ушла из колледжа без сопровождения? Я, кажется, велел тебе не шататься одной по улицам.

– Я прогуляла пару Риджа и, как раз чтобы не шататься, решила идти сразу к тебе.

– Ты прогуляла пару Риджа?

– Хватит повторять то, что я говорю, с вопросительной интонацией. Ты же все прекрасно слышишь.

– Просто даю тебе шанс изменить показания. Скажи, пожалуйста, в какой момент ты решила, что можешь сама выбирать, на какие занятия ходить, а с каких сбегать?

– С тех пор, как вы поместили Олив Меннинг в мою группу.

– У нас нет другой группы. И у нее тоже есть право на обучение, Аида.

– То есть на всей Земле, среди восьми с лишним миллиардов людей, не нашлось мертвых молодых людей от девятнадцати до двадцати пяти, чтобы вы сформировали еще одну группу? У нас открыли секрет бессмертия, а я не заметила?

– Помимо Мортрума есть и другие города. А помимо стражей – специализации. Мы нуждаемся в проводниках и судьях. Да, каждый день умирает около ста тысяч человек. Небольшая часть отправляется в Элизиум. Еще часть – в Аид. Большинство мы отправляем на перерождение. И только крошечный кусочек этой массы душ попадает в пограничное состояние. Тебе придется с этим смириться.

– Значит, – упрямо сказала я, – вам придется смириться с тем, что я не хожу на пары с ней.

– Аида, это так не работает.

– И что вы мне сделаете? Отправите в Аид? Обрато на Землю? Повесите в холле мой портрет с надписью «Худший работник месяца»? Можете отправить мне ноту протеста и наложить санкции. Даже не знаю какие... Не присылайте приглашение на Маскарад, например. Кто не учится, того лишают сладенького.

– Хорошо. – Самаэль вздохнул. – Будешь решать вопрос с Повелителем. Он велел устроить прием в особняке. Через месяц. На нем и пообщаетесь.

Я рассмеялась, но тут же зашипела – мазь, которую Самаэль щедро наложил на ссадину, защищала.

– Нет уж! Больше я на ваши приемы не хожу!

– А тебя никто не спрашивает, присутствие обязательно. Не бойся, в программе только выпивка, танцы и беседы. Хотя кто вас, конечно, знает...

От громкого стука в дверь я вздрогнула, а Самаэль резко выпрямился. Хотя, если вдуматься, вряд ли очередная темная душа станет вежливо стучать перед тем, как утащить нас в ад.

– Войдите, – слегка угрожающе ответил Самаэль.

– Сэм! Я не могу учить Аиду, если она не ходит на мои занятия. Ее не было уже дважды, и если первый раз я простил, то...

Он осекся, увидев меня. Потом перевел взгляд на Самаэля и за его спину – на то, что осталось от окна.

– Ты в порядке? Что здесь случилось?

– Темная душа, – ответил Самаэль. – Странная душа. Аида отправила ее в Стикс. Так что ты поосторожнее с претензиями. Из Стикса нет пути назад.

– Кстати, а что с ним стало? – спросила я. – Вы говорили, огоньки в воде – это души. Получается, он вернулся на Землю и снова стал смертным?

– Увы, – покачал головой Ридж. – Касание Стикса губительно для душ. Попав в воды реки мертвых, душа растворяется в ней.

– Плакать не буду. Тоже мне, герой труда. Решил выбрать себе награду, а ее спросить забыл. Ай! Больно!

– Ну извини! – Самаэль зажал мою голову между рукой и грудью, чтобы я не дергалась, пока он льет прямо в рану что-то похожее на антисептик.

– Это несправедливо. Я уже умерла, мое тело похоронили, мне выдали новое. Почему я все еще чувствую боль, могу истекать кровью или температурить, лишиться девственности и пары зубов?

– Кстати, об этом, – хмыкнул Ридж. – Ты помнишь, что должна мне свидание?

Самаэль все еще меня держал, так что осуждающе удалось только покоситься.

– Вообще не кстати.

– Да? А мне показалось, смешно.

– Не смешно, – отрезал Самаэль и наконец выпустил меня на волю. – Проводи ее домой, пожалуйста. Я здесь застрял надолго. Аида,

будь добра, посиди пару дней дома. Что ты на меня так смотришь? Что тебе опять не нравится?

– Все нравится. Но есть просьба.

– М-м-м?

– Можно мы пойдем домой через бар? Мне очень надо выпить и посидеть среди людей.

Самаэль повернулся к Риджу, и тот поспешил уточнить:

– Это же не будет считаться обещанным свиданием?

– Нет.

– Тогда я не против. Не спущу с нее глаз.

– Идите. Но чтобы была дома к полуночи.

– А не то Ридж превратится в тыкву?

– А не то я превращусь в невыносимого злобного тирана.

– То есть ничего не изменится, – хихикнула я.

– Однажды в качестве подарка на день рождения я попрошу у отца разрешение оттаскать тебя за ухо, – беззлобно огрызнулся Самаэль. – Идите уже!

Я старалась пересечь зал стражей как можно скорее, но от Риджа не укрылась подозрительная пустота.

– А где все?

– Хочется верить, что получили взятку от темной души и вышли покурить, но я сегодня недоверчивая.

– Понятно. Ты как?

– Голова болит.

– Я не об этом. Испугалась?

– Да, естественно. Постоянно думаю о том, что было бы, если б Самаэль не велел Тордеку развивать мою магию. Если бы ее, как и планировалось вначале, запечатали.

– Не думай об этом. Именно для того, чтобы ты могла защитить себя, ее и сохранили. И, надо сказать, я в восхищении. У высших стражей встречаются самые разные силы, но чтобы столько сразу... ты непростая штучка, Аида Даркблум.

Мы вошли в шумный зал любимого бара, и я поняла, что невольно ищу в толпе знакомые лица, втайне надеясь увидеть стражей, работавших в одном зале со мной. Осознав это, я быстро юркнула на ближайший свободный диван и принялась ждать свою эссенцию. Казалось, прошла целая вечность с тех пор, как я здесь работала.

Наказание, к слову, отменилось само собой. Или будет вернее сказать, его заменили Дэвалем.

Взгляд так и притягивал балкон. Я снова и снова, пока не вернулся Ридж с бокалами, прокручивала в голове первую встречу с темной душой. Как он вошел, как я приняла его за посетителя, как направилась к нему, чтобы принять заказ, и замерла от окрика Дэваля.

Снова и снова. Каждое слово, пока реальность не смешалась с кошмарами.

Ридж проследил направление моего взгляда и вздохнул.

– Ты нас обманула. Ты хотела не выпить, а прийти сюда. Зачем?

– Я пытаюсь понять.

– Что именно?

Вместо ответа я сделала глоток эссенции. Мятный ликер. Неплохо.

– Аида, я много лет преподаю право здесь, в мире мертвых. Мне можно доверять.

В другой раз я непременно напомнила бы о разговоре на Маскараде. Но сейчас Ридж, возможно, был прав.

– Как-то все странно, понимаешь? Темная душа незамеченной прошла через кишаший стражами Мортрум именно в тот бар, где я работала. Села на балкон, где по чудесному совпадению оказались мы. Только благодаря реакции Дэваля не утащила меня в Аид. Затем вернулась, незамеченной проникла в министерство, расправилась с несколькими десятками стражей и дождалась меня в кабинете Самаэля, явно зная, что приду я, а не он. Понимаешь?

– Без сторонней помощи он бы не обошелся.

– Да, но чьей? И какие у него цели? Если он не солгал и есть некий хозяин, за услуги которому можно попросить любую оплату, то рисковать всем ради мести мне глупо. Разве нет? До сих пор я не знала, что обладаю такой силой. Его могли поймать и допросить. Это страшный риск! Ни один здравомыслящий злодей не пойдет на такое.

– А ты не думала, что тот, кто послал душу, предполагал, чем все кончится? Что ты в любом случае не дашь себя в обиду? И хозяин – кем бы он ни был – хотел не вознаградить душу, а избавиться от нее твоими руками. Но ты ведь кого-то подозреваешь, так?

– У меня нет и не будет доказательств.

– Клянусь, что никому не скажу и выслушаю твои аргументы.

Я покрутила между пальцами запотевшую ножку бокала.

– Селин.

– Селин?! – Ридж рассмеялся. – Зачем ей это?

– Она меня ненавидит. И нападение какое-то дурацкое. Изнасилование? Seriously? Мы что, в дурацком любовном романе, где в последнюю минуту должен явиться герой и вырвать невинную деву из лап разбойника? Больше похоже не на месть стражу, а на женскую подлость. А еще она знала, во сколько закончатся занятия. Ты ведь ходил к ней по поводу моего прогула. Так везде. Преподаватель идет к директору и только потом к опекуну. Ходил или нет?

– Ходил, – вынужденно признался Ридж.

– И что она сказала?

– Ее не было на месте.

– И почему я не удивлена?

– Хорошо, Селин тебя ненавидит, согласен. Но настолько, чтобы рисковать всем? Ты хоть представляешь, что сделает с ней Повелитель, если узнает? Помимо того что Селин не дура, она и не самый рискованный человек. Она боится свекра. Да и мужа, я думаю, опасается.

– Вот поэтому мои подозрения и останутся при мне. Интуиция – недостаточный аргумент для судебного процесса.

– Боюсь, – Ридж посерьезнел, – в случае с Вельзевулом страшно то, что она может стать достаточным аргументом. Цена ошибки слишком велика.

Эссенция немного притупила боль. И инстинкт самосохранения, потому что стрелки часов неумолимо приближались к полуночи, а я никак не могла заставить себя идти домой. Вокруг галдел народ, стражи и проводники расслаблялись после трудового дня. Гремела музыка, официантки в белых сорочках разносили еду и напитки, расставляли шоты в руки горгульям. От мысли, что придется вернуться в темный дом, из каждого угла которого доносится вкрадчивый шепот, в буквальном смысле трясло.

– Мисс Даркблум, вот это встреча! – услышали мы. – До меня дошли слухи, что вы вновь столкнулись с темной душой.

– Харон. – Ридж поднялся, чтобы поприветствовать проводника, я ограничилась кивком.

Но не стала противиться, когда он попросил разрешения присоединиться.

– Как вы, Аида?

– Лучше, чем душа.

– И это, несомненно, радует. Вы буквально притягиваете неприятности.

– За комплимент тебе спасибо, но немного неискреннее. Лучше бы сказал что-нибудь про глаза.

– Глаза у тебя немного косят, – хохотнул Ридж. – Еще эссенции?

– Неси, – вздохнула я. – И захвати закуску. А не то придется нести меня домой.

– С удовольствием взвалю на себя эту ношу.

– Надорвешься. Закуску неси.

Я старалась не думать о том, что бы сделал отец, если бы я ушла с кем-то в бар и вернулась под утро. Полагаю, нечто, похожее на спину Дэваля, только на заднице. И еще лишил бы телефона, карманных денег и надежды на светлое будущее. Примерно это же сделает Самаэль, но я разумно (так показалось) рассудила, что, если бы ему было интересно, где я, он бы уже явился.

– Харон, а проводники изначально обладают способностью ходить между мирами или вас этому обучают?

– Мы не ходим между мирами, мы забираем души на границе. Доступ в смертные миры нам закрыт. Способности пересекать границу обучают. Спустя год после начала обучения вы можете сменить специализацию. А если хорошо попросите, то раньше.

– А если я сменю специализацию, то мне больше не придется стоять в дозоре с Дэвалем?

Харон смерил меня тем самым взглядом пронизательного взрослого, который я ненавидела с детства. Так папа смотрел, когда без труда разгадывал все мои детские хитрости.

– Не придется. Но работа проводником не для всех. Страж имеет дело с темными душами, злом, которое нужно изолировать или уничтожить. А проводник встречает тех, у кого еще недавно была жизнь в красивейшем из миров. А теперь не осталось ничего, кроме бездушного кастодиометра и судьи, принимающего решение. Для многих осознать это сложно, и проводник все время рядом. Вспомните себя. Вы не были в восторге от смерти.

– Да я и сейчас не прониклась, если честно.

– Вам не нравится быть стражем? Жить в доме Повелителя, с его наследниками?

Я пожала плечами.

– А что там может нравиться? У меня хорошая комната, на кухне всегда есть еда, тепло и просторно. Дом идеальный, особенно в сравнении с моей первой камерой. Но он как большая темная холодная клетка. У них нет семьи. Они не встречаются за ужином и не обсуждают новости, не завтракают все вместе перед работой, не устраивают посиделки по выходным. Отец самоустранился, старший брат тащит на себе работу и пытается держать разваливающиеся на куски остатки семьи, среднего вьет на части депрессия, а на младшего всем плевать. Иногда в коридорах подвывает недолюбленная Селин. Офигенное счастье!

– Вы привыкли к другому?

– Да. Меня все ругают за слепую любовь к отцу, за тоску по нему, говорят, каким плохим человеком он был. Но никто, кажется, не понимает, что благодаря ему у меня было счастливое детство. В нем не было наказаний, оставляющих шрамы. Я понятия не имела, что такое нелюбовь. У нас дома было тепло и весело. Вот по этому я скучаю. И я не понимаю, как стать хорошим человеком здесь, в Мортруме, где каждый по-особенному несчастен и озлоблен. У меня и на Земле-то не получилось.

– Я не знаю, что посоветовать вам, Аида. – Харон покачал головой. – Но мне кажется, сбежать в проводники – не выход. Возможно, стоит попробовать изменить что-то другое?

– У меня не хватает сил изменить даже себя. На чужую семью не хватит тем более. Харон, а ты был в других мирах? Заглядывал хоть одним глазком?

– Только когда учился в колледже. Это не приветствуется. Лишь в исключительных случаях – вроде того, что произошел недавно, – стражи могут посетить немагические миры.

– А ты можешь что-нибудь рассказать о других мирах? – оживилась я. – Тордек дал задание, для выполнения которого нужно узнать что-нибудь о немагических мирах. Предложил спросить у Евы, а я ее побаиваюсь. Может, расскажешь? Про Землю и мир балеопалов я уже знаю. Какие есть еще?

– Вы задаете интересные задачки, мисс Даркблум. На самом деле миров не так уж и много. Может, их всего несколько, а может, другие мы просто не нашли. Мир Земли и балеопалов – самые интересные, пожалуй. Видите ли, среди душ вы едва ли встретите кого-то, кто отличается от вас. Прайор Тордек – исключение из правил. Все потому, что большая часть миров или необитаема, или слишком сложна для перерождения. Например, существует мир – и в него, кстати, намного проще открывать порталы даже слабым магам, – где нет суши.

– В смысле японских доставок роллов?

– В смысле земли. Весь мир – огромное воздушное пространство, населенное... скажем так, чем-то средним между бабочками и птицами. Они рождаются из облаков и умирают, растворяясь в них в конце длинного танца. К сожалению, в них совсем нет энергии для перехода в наш мир. Они погибают безвозвратно. А может, перерождаются, как балеопалы. Что это с вами, мисс Даркблум?

– У меня сломалась физика.

– А мне казалось, она должна была сломаться еще тогда, когда вы умерли. Магия не подчиняется законам смертного мира.

В зале вдруг стало ощутимо шумнее: ввалилась многочисленная и громкая компания студентов. Я лишь равнодушно скользнула по ним взглядом, заметив Риджа, идущего к нам с двумя бокалами эссенции. Но потом среди толпы заметила счастливо улыбающуюся Олив.

Харон проследил за моим взглядом.

– Она быстро стала душой компании. Даже удивительно, учитывая то, сколько бедняжка провела на границе. Чудо, что она сохранила душу...

– И правда чудо. – Я стиснула зубы.

Олив наслаждалась посмертием. Вся группа – моя группа! – сгрудилась вокруг нее, ожидая, какой столик приглянется принцессе. И спустя несколько минут раздумий устремилась к балкону, в который ткнула наманикюренным (когда успела?) пальчиком моя заклятая подруга.

Но сама Олив не спешила присоединиться к друзьям. Увидев Риджа, она сначала посмотрела в нашу сторону, а потом ослепительно улыбнулась, кокетливо закусил губу, выхватила у него из рук бокал с эссенцией и, не сводя с блондина томного взгляда, сделала глубокий глоток.

Из моего бокала!

– Да чтоб у тебя эссенция со вкусом соплей оказалась!

Я поднялась.

– Мисс Даркблум! – Харон заподозрил неладное.

Но было поздно.

– Привет, Олив!

Я не менее лучезарно улыбнулась и легонько толкнула ножку бокала так, что вся эссенция вылилась на отглаженное форменное платье.

– Ой, какая неприятность! Ну ничего, не переживай, не так уж мне и хотелось выпить. Но ты лучше чужое не бери. Могут и руки оторвать.

– Аида Даркблум... – Олив стиснула зубы. – А что ты тут делаешь? Ищешь, кому дать за кусочек мяса? Не заработала же ты право ходить по барам, ты и работать-то не умеешь.

– Девушки, а вы помните, что я еще ваш преподаватель? – осторожно подал голос Ридж.

– Странно, что ты вообще нашла сюда дорогу. Говорят, ты даже после смерти не стала лучше соображать.

– А ты уже нашла своего папашу? Или для таких, как он, даже Аид оказался слишком хорош?

В нос Олив получила быстрее, чем успела среагировать. Правда, к моему сожалению, не упала и не улетела в соседний квартал, а просто отшатнулась и прижала ладонь к окровавленному лицу. Но быстро бросилась в ответную атаку, и мы едва не снесли несколько столиков, пытаясь выдрать друг другу по клоку волос. Вокруг нас мигом образовался круг из зрителей. Кто-то даже выкрикнул мое имя.

– По-моему, самое время взвалить ношу на себя, как ты и хотел, – сквозь ругань Олив и скандирование толпы услышала я.

– Согласен, – отозвался Ридж.

А потом сильные руки оттащили меня от вопящей стервы и взвалили на плечо. Повиснув вниз головой, я немного растеряла боевой настрой: снова заболела ушибленная темной душой голова, а еще Олив, кажется, вывихнула мне плечо.

Ее, к слову, держал Харон с удивительной для пожилого проводника силой.

– Все, мы идем домой! – объявил Ридж.

- Поставь меня, я не закончила!
- Я уже передумал идти с тобой на свидание, если честно.
- Супер! А теперь передумай нести меня домой!
- Не могу. Самаэль убьет нас обоих, если узнает.
- Меня он уже убил. Ничего страшного, поел печенья – и вперед.

Пусти-и-и-и, меня сейчас стошнит!

Лишь на улице Ридж сгрузил меня на землю, как мешок с картошкой. К счастью, приступ тошноты прошел. Зато накатил приступ жалости к себе: я села на землю и разревелась, окончательно отбив у бедолаги желание связываться с неадекватной девицей.

– Эй, – он опустил на корточки, – чем тебе помочь?

– Верни меня домой.

Он тяжело вздохнул.

– Что-то мне подсказывает, что ты имеешь в виду не дом Вельзевула. Но других у меня для тебя нет.

Ночью, когда не спится, Дэваля мучают странные вопросы.

Сегодняшний: придется ли ему жениться?

Странно, что в их мире вообще есть свадьбы, но разумные существа всех миров не способны совокупляться, не уведомляя об этом соседей, друзей и правительство.

Отец женился по любви. Никто из братьев понятия не имел, как началась история Вельзевула и Лилит, зато все очень хорошо видели, чем она закончилась. Не лучший пример семейной жизни.

С Даром все просто: он – иной искусства, ему многое позволено. Вряд ли Дара вообще интересуют девушки и секс. По крайней мере, Дэваль ни разу не замечал за братом подобных интересов. Разве что к Аиде он относится чуть иначе, и это бесит. К ней все относится иначе, словно чувствуют, что девчонка не так проста, как кажется. Хотя она и не кажется: только дурак не задастся вопросом, почему ничем не примечательную душу поселили аж в особняке Повелителя.

Самаэль женился из необходимости. Вряд ли он когда-то любил Селин и вряд ли любит сейчас, хотя нельзя сказать, что брат совсем уж равнодушен к супруге. Она красивая, умная и обладает редким даром – Самаэль таких любит. Они с детства знали, что поженятся, и приняли правила игры. Дэваль никогда не интересовался, верен ли брат жене. Но поставил бы зуб на то, что нет. Но, к чести Самаэля, его никто и

никогда не ловил на горячем. Официально он – образцовый супруг, даже на Маскараде Мертвых предпочитающий любым удовольствиям жену. Даже скучно.

А вот с ним самим все интересно. По меркам иных Дэваль еще слишком молод, чтобы всерьез думать о женитьбе. Да и с его работой это не такая уж необходимость: из любого дозора он может не вернуться. Но все может измениться.

Отец наверняка к тому времени отойдет от дел. Они не просто так обучают Аиду с бешеной скоростью. Вельзевул слаб, и ему очень нужен наследник. Если они с Селин не успеют от нее избавиться, Аида будет решать, женится Дэваль или останется стражем до конца этого гребаного мира. Интересно было бы посмотреть, как она попытается его заставить.

За дверью раздались шаги. Дэваль с детства умел угадывать визитера по звуку шагов. Селин громко стучит каблуками, чеканя шаг. Дар ходит неспешно, погруженный в собственные мысли. Или бежит – если мыслями необходимо немедленно поделиться. Аиду практически не слышно, она как будто ничего не весит. А Самаэль...

– Привет, Самаэль, – вздохнул Дэваль. – Два часа ночи – самое время для братского визита. У меня что, день рождения и ты принес мне торт?

– Нет. Я принес тебе благую весть.

– Даже не знаю, что способно порадовать меня в такой час.

– Аида мертва.

– Что?

Дэваль поднялся. Вгляделся в лицо брата, пытаясь найти в облике Самаэля хоть малейший намек на издевку.

– В каком смысле мертва?

– В прямом. Та душа, с которой вы встретились в баре, вырвалась вновь. Каким-то образом он сумел коснуться Аиды без последствий. Попытался ее изнасиловать. Завязалась драка, и они оба упали в Стикс.

Он пытался вникнуть в то, что говорит Самаэль, но знакомые слова вдруг превратились в набор ничего не означающих звуков. Как будто Дэваль разучился понимать родной язык.

Еще несколько минут назад он представлял, как избавится от сестры, а сейчас вдруг оказался в мире без нее. Прожил в нем бесконечно долгие секунды, показавшиеся вечностью.

– Что? Жалко сестренку? Страшно? – хмыкнул Самаэль. – Так, может, ты объяснишь, как душа, которую тебе поручили уничтожить, вновь оказалась в Мортруме?

И Дэваль понял: Самаэль солгал. Где бы ни была сейчас Аида (он не слышал вечером ее шагов, а значит, она не вернулась), ее сердце бьется. И пошатнувшийся было мир вернул себе равновесие.

– Не смешно.

– Нет, Дэв, не смешно. Тебе поручили защищать девчонку. Не отходить от нее ни на шаг. Обучить всему, что знаешь. А ты упустил темную душу!

– Как именно я должен был ее уничтожить, если вы прямо запретили мне к ним приближаться?

– Прекрати паясничать! Тебе запретили играть с ними, а не казнить преступников. Ты облажался, Дэв. И сегодня ценой твоей ошибки могла стать жизнь сестры, а через несколько лет станет жизнь Повелительницы. Заруби себе на носу: ты – ее тень. Ее защита. Ты должен уничтожать любую угрозу еще на этапе ее появления. Мне плевать, нравится тебе Даркблум или нет, хочешь ты ее или ненавидишь. Ты – ее страж. Начни уже исполнять свои обязанности!

– Я вообще не просил, чтобы на меня их взваливали, – устало буркнул Дэваль.

– Да мне плевать. Наш договор прекращает действие. Мать ты больше не увидишь. Очевидно, встречи с ней мешают твоим непосредственным обязанностям.

– И я, конечно, после этого должен полюбить сестричку еще сильнее?

– Да всем плевать, будешь ты ее любить или нет. Кстати, иди и найди ее. Опять где-то шатается, хотя я приказал быть к полуночи.

– И всем-то ты приказываешь.

– Кто виноват, что без приказов вы соображать не способны? Повзрослей, Дэв! Ты уже не мальчишка, который скучает по маме и пытается заработать благосклонность отца. Я устал быть единственным, кто думает хоть на пару шагов наперед. Молись, чтобы отец не узнал о нападении.

– А то что? Отшлепает меня?

– А тебе было мало?

Самаэль решил напомнить о еще не до конца заживших следах на спине, но Дэваль против воли вспомнил кое-что другое: мягкие прикосновения пальцев, блестящих от жирной мази. Окутывающий свежее-пряный аромат. Учащенное дыхание на коже и отчаянный испуганный стук сердца.

После долгой паузы Самаэль произнес:

– Нам всем очень повезло сегодня, Дэв. Всем, включая Аиду.

Дэваль не верил в везение. Но брату об этом решил не напоминать.

Меньше всего ему хотелось бродить по улицам Мортрума в поисках загулявшей сестрички, но Самаэля сейчас лучше не злить. Он вполне способен отменить решение запретить ему навещать маму. Это единственный рычаг воздействия на Дэваля, независимый от Вельзевула. А еще отец вполне может обратиться против старшего брата: если узнает, что все это время Дэваль навещал Лилит... у него, конечно, добавится шрамов, но и Самаэль свое получит. Дэваль быть виноватым привык, а для старшенького это сильный удар по самолюбию.

На лестнице он столкнулся с Селин. В последнее время она едва ли не ночует в колледже.

– Если ты собираешься искать нашу принцессу, то она с Риджем. Устроила в баре пьяную драку, и теперь он водит ее кругами вокруг дома. Проветривает, чтобы не получить от Сэма.

– С Риджем?

Селин хрипло рассмеялась. Дэваль даже подумал, что она пьяна, но решил не уточнять. В конце концов, личная жизнь Селин – не его дело.

– С Риджем. Но не переживай. Наш опальный рыцарь тонко чувствует настроения правящей элиты. Он исключительно благороден, воспитан и учтив. Так что Повелительница просто гуляет. Спокойной ночи, малыш. Не сиди допоздна, утром рано вставать.

– Да пошла ты.

– Уже сходила! – донеслось с лестницы. – Отдохнула так себе, курортный сезон еще не наступил.

Что ж, поиски загулявшей сестрички отменяются.

Но вместо того чтобы отправиться спать, сам не зная зачем, Дэваль сел на кухне, задумчиво рассматривая причудливые тени

деревьев, рожденные слабым светом уличных фонарей.

Порой казалось, от него прежнего не осталось ни следа. Все, за что его ценил отец: хладнокровие, жесткость, методичность и уверенность, – растаяло с появлением сестры. Но все же часть прежнего стража еще сохранилась. Совладав с эмоциями, совершенно лишними теперь, когда все уже случилось, Дэваль принялся думать.

Очевидно, что все происходящее – вырвавшиеся темные души, их странное влечение к Аиде, стихийно открывающиеся порталы на Землю – это звенья одной цепи, но кто или что есть источник?

Аид – не такое уж безумное место, как все думают. Души в нем превращаются в монстров, но и у них есть своя жизнь. Иерархия, общины, примитивные развлечения и постоянная охота. В Аиде не так уж много еды, и она не нужна для выживания, но постоянный мучительный голод сводит их с ума, превращает вечность в невыносимую пытку.

Даркблум, отец Аиды, похоже, знал, как выжить в аду. И даже получил определенную власть над душами. Достаточную, чтобы не позволить им моментально растерзать дочь. Интересно, как у него это получилось?

И как у души, напавшей на Аиду, получилось спрятаться. Он ведь ее искал. Насколько хватало времени и сил искал, чтобы наказать за дерзость. Но, наверное, впервые за много лет Дэваль Грейв потерпел поражение.

Уж вряд ли без сторонней помощи.

Негромко скрипнула задняя дверь. Он хорошо видел в темноте в отличие от Аиды. Она почти на ощупь пробралась к графину с водой и с наслаждением пила, пока Дэваль задумчиво размышлял, убить ее на месте или сначала как следует насладиться торжеством момента.

Все же второе. Во внезапной безболезненной смерти нет ровным счетом никакой романтики.

– Как прогулялась?

Сестричка не подвела: Аида взвизгнула и выронила графин. Он разлетелся на тысячи осколков, щедро окропив стройные ножки водой.

– Жрешь по ночам? – К Аиде быстро вернулось самообладание, хотя голос немного дрожал. – Осторожно, потеряешь статус первого красавчика на деревне, скучно станет смотреть в зеркало по утрам.

– Уж ты-то не упускаешь случая собой полюбоваться, так? Нравишься себе?

– Вполне.

Она сделала было попытку пройти мимо, но Дэваль удержал. Аида дернулась, но его пальцы уже стальной хваткой сомкнулись на ее локте.

– Знала бы ты, как я жалею, что удержал тебя тогда.

– У тебя будет еще много возможностей исправить эту несправедливость.

Слабый свет рисовал лишь очертания Аиды. Поблескивал в ее глазах и приковывал его взгляд к еще влажным губам.

– Ты прекрасно знаешь, что это невозможно. Ты здесь навсегда, и каждый из нас должен оберегать твою жизнь ревностнее, чем свою. Ты – наше проклятие, сестричка. Моя личная кара. Ты появилась и разрушила то, что я строил много лет. Получила то, чего я всегда хотел. Ты даже сотую часть моей ненависти представить не можешь, потому что просто не способна так ненавидеть.

– Да мне плевать! – скривилась она. – Варись в своей ненависти, Дэваль, и не забудь приправить ее завистью. Я не просила того, что принадлежит тебе, ясно?! Забирай! Идем к отцу и скажем: мы все решили, тебя – в наследники, меня – в Аид. Никаких проблем! Уверена, вы закатите роскошную вечеринку! Да и я рыдать не буду, потому что ты, обиженный мальчик, у которого отобрали игрушку, меня достал! На соплях, которые ты распустил, уже весь дом поскальзывается!

– Нет уж...

Словно загипнотизированный, он не мог оторвать взгляд от ее губ.

– Нет, ты останешься на своем месте. Все будет именно так, как хочет отец. И ты станешь его преемницей. А я – твоим стражем и кошмаром. Каждую ночь ты будешь засыпать с вопросом, наступит ли для тебя новый рассвет. Ты будешь доверять мне жизнь и душу, не зная, сберегу я то, что тебе дорого, или уничтожу.

– И чем... – она снова попыталась отстраниться, но лишь врезалась поясницей в столешницу, – ты тогда отличаешься от той души, что сегодня отправилась в Стикс?

Несколько мгновений, показавшихся вечностью, Дэваль уговаривал себя остановиться.

– Ничем, – выдохнул он и, не удержавшись, слизал капельку воды с ее нижней губы.

А потом поцеловал, не сумев справиться с волной пламени, прокатившейся внутри.

Одновременно желая и ненавидя, пытаясь причинить боль и заглушить воспоминания о темной душе, ласкал ее язык, прикусывал губы, вынуждая ответить. Подхватив под ягодицы, усадил на стол, прижав к себе так близко и провокационно, что увидь кто эту сцену – отец или Самаэль, – его самого сослали бы в Аид на целую вечность.

Аида была восхитительно пьяна и возбуждена. Поцелуй выбил из колеи ее не меньше, чем его. С наслаждением, превращая грубую ласку в сладкую медленную пытку, он обхватил пальцами тонкую девичью шейку, чувствуя, как бьется ее сердце.

Ему и самому не хватало воздуха. Он уже целовал Аиду раньше, но никогда так откровенно и горячо. И долго. Бесконечно долго, словно понимая, что, возможно, этот поцелуй останется единственной монетой в копилке воспоминаний об этой девушке. О невозможной принцессе, которой ему нельзя было касаться, но перед которой было невозможно устоять.

Все кончилось так же быстро, как и случилось. Еще секунду назад кончиками пальцев он вел по контурам ее ключицы с твердым намерением продолжить ласку уже под дурацкой рубашкой, мешающей исследовать новое удовольствие. И вот щеку обжигает резкая боль от пощечины.

– Уберешься здесь? – как ни в чем не бывало спросила Аида, хотя ее грудь тяжело вздымалась, выдавая истинное состояние. – А то старший братик снова будет ругаться, что младшие намусорили.

Дэваль не стал препятствовать, когда Аида протиснулась мимо него к выходу. И на этот раз удержался, не коснулся ее, хотя в какой-то миг достаточно было протянуть руку и дотронуться до ее ладони. И кто знает, чем обернулось бы это касание. Его самообладание висело на волоске.

– Заслужил, – вдруг раздался голос.

Тень в дальнем углу кухни шевельнулась и обрела очертания Евы. Цокот лап показался ему неестественно громким.

– Может быть. – Дэваль пожал плечами.

– Но это того стоило?

– Сдашь нас отцу?

Арахна рассмеялась. Одним взмахом руки развеяла осколки несчастного графина и задумчиво посмотрела на мокрые следы на полу.

– В одном ты прав: однажды Аида станет Повелительницей. С Повелительницей придется дружить. А делать это куда проще, зная парочку ее маленьких грязных секретов...

Глава восьмая

– Я не буду больше дежурить с Дэвалем! – заявила я, едва сев в кровати.

Самаэль, зачем-то запершийся в мою комнату еще до рассвета, слегка опешил.

– Стесняюсь спросить, почему? Что вы опять не поделили?

– Ничего! – буркнула я. – Просто твой брат – эгоистичная сволочь.

– По-моему, идеальный напарник для тебя.

– Смешно. Но не эффективно. Ты можешь принести меня к Пределу в мешке, но придется дежурить третьим, потому что только так у тебя получится заставить меня находиться рядом с ним.

Самаэль хмыкнул, по-хозяйски уселся в кресло и взял с тарелки блинчик, поданный мне на завтрак.

– Интересное предложение, но я сегодня занят, веду жену в театр.

– У вас есть театр?

– Да, если бы ты чуть лучше изучила карту, то знала бы это.

– Так, а какие души отправляются служить в театр?

– Способные! Это хобби. У многих есть хобби, не только у душ. Кто-то играет в театре, ты вот отравляешь мою жизнь. Всякое бывает. Лучше скажи, что ты вчера устроила в баре?

Понадобилось несколько долгих секунд, чтобы понять, о чем он. Стычка с Олив почти стерлась из памяти, вытесненная ночной беседой с Дэвалем. Ну и еще немного похмельем. Употребление алкоголя, даже магического, вредит вашему здоровью. Даже если вы уже умерли.

– Олив меня достала.

– Ты не можешь устраивать драки со всеми, кто тебя достал. Хотя и активно пытаешься.

– Я уже говорила, что она не успокоится! И при первом удобном случае продолжит то, что начала еще в детстве. Если не хочешь, чтобы я устраивала драки, заставь ее ко мне не подходить и вообще делать вид, что меня не существует.

– А со стороны все выглядит так, словно это ты не можешь оставить ее в покое. Олив имеет те же права, что и ты, Аида. Она здесь, и это нельзя уже исправить. Да, это ошибка, и Ева выяснит,

почему она возникла, но мы не можем сказать душе «извини, мы передумали, Аидочке не нравится, что ты здесь, поэтому отправляйся-ка в другое место».

– Но с Харриетом и Шарлоттой вы пытаетесь сделать то же самое.

– Только с Харриетом. Шарлотта не мертвая.

– Ладно. А я могу подать в суд на Олив?

– За то, что она не стала кланяться тебе при встрече? Вряд ли.

– Получается, Олив может оскорблять меня, издеваться, а я должна молча проходить мимо?

– Да, так поступают взрослые люди.

– У взрослых людей в этом списке еще есть «судебный запрет» – это когда тебе власти выдают бумажечку, что конкретная девица не имеет права подходить к тебе ближе чем на пятьдесят метров.

Я не стала уточнять, что ни черта этот запрет не работает.

– И что же твой отец не получил этот запрет, а разрушил семью Олив?

– А, так у нас порочный круг. Олив надо мной издевалась, отец разрушил ее семью, значит, теперь ее очередь, да?

– Нет, Аида. Я лишь хочу, чтобы ты вела себя чуть взрослее и не устраивала драки в баре.

Я с трудом – все болело, как будто драка была не с Олив, а с танком, – сползла с кровати и поплелась в ванную. Хорошо, что у меня есть привычка спать в пижаме. Все, кому не лень, ходят в мою комнату, когда им вздумается, и даже не стучат!

– А я всего лишь хочу, чтобы ты перестал думать о том, как неудобно перед людьми, что у тебя такая взбалмошная подопечная, и решил проблему. Пока она нападает – я защищаюсь, понятно? Любым доступным способом. Хочешь вернуть репутацию благовоспитанного чопорного семейства? Уйми свою ошибку посмертия. У меня все.

– А у меня нет.

У меня чуть щетка из руки не выпала, когда Самаэль заперся следом за мной в ванную. Ладно, в Мортруме в целом чуть проще с физиологией, но зубы-то чистить приходится!

– Ты действительно на время освобождена от дозоров с Дэвалем. На время – я подчеркиваю! Пора изучить и другую работу в нашем мире. Несколько недель поучишься у проводника.

– У какого именно?

– У Харона, естественно. Лучше его никого нет. И он единственный, кто выдержит твой характер. Так что собирайся, жду тебя внизу. Оденься удобно, форма тебе сегодня не понадобится.

А вот крепкие нервы, похоже, да. Провожать души в мир мертвых – что может быть более позитивным занятием? Наверное, только отправлять их в Аид.

На улице было довольно промозгло. Казалось, будто Мортрум считывает мое настроение и подкидывает погоду под статью. Или настроение Дэваля. Или выводит среднее арифметическое с мыслью «как меня достали эти унылые идиоты».

Харон ждал внизу. Как всегда, одетый с иголки, кутающийся в явно дорогое (по земным меркам, естественно) черное пальто с повязанным поверх серым шарфом.

– Мисс Даркблум, – он галантно поцеловал мне руку, – рад видеть вас в добром здравии. Как настроение? Готовы к новым впечатлениям?

– Если честно, не очень, – вздохнула я, вспомнив, что Харон, кажется, вчера был свидетелем драки в баре.

Да там половина Мортрума была свидетелями! Вот бы кто-нибудь поручился за меня и рассказал Самаэлю, что Олив первая начала?

– Влетело от Самаэля? – понимающе кивнул Харон. – Он бывает излишне строг к тем, кого любит. Поверьте, когда-то я обучал его супругу и знаю, о чем говорю.

– Дело не в нем. Просто не ожидала, что сегодня придется провожать только что умерших в другой мир. Заранее жутко.

– О, не волнуйтесь, проводники избавлены от неприятных моментов чужих смертей. Мы лишь переводим душу через Стикс, во время перехода она растеряна и дезориентирована, а в большинстве случаев спит. Просыпается лишь у самой границы, где ее встречает и увозит в Мортрум страж.

Да, примерно так все и было со мной.

Стало немного легче. Уговаривать ошеломленных смертью душ, что впереди новый этап, не придется. Актриса из меня посредственная.

– Самое сложное в нашей работе – взвесить душу.

– Я думала, это делают судьи.

– О, только в том случае, если душа оказывается достойна Элизиума, – необходимо все проверить, и в случае полного

равновесия, когда непонятно, стоит дать ей шанс в Мортруме или отправить на перерождение. В остальном ничего сложного в том, чтобы определить, достойна душа перерождения или ей необходимо стать частью Мортрума, нет.

На этот раз мы шли не в колледж и не в министерство, а в архив.

– А как вы узнаете, что кто-то умер? И куда нужно идти?

Вместо ответа Харон извлек из внутреннего кармана сложенный в несколько раз лист, при ближайшем рассмотрении оказавшийся картой. Или чем-то похожим на карту, потому что я вообще не поняла ничего ни в обозначениях, ни в очертаниях объектов.

– Чтобы читать карты душ, требуется практика. Вас этому, конечно, не учили. Но я в свободное время попробую. Это – все обитаемые вокруг Мортрума немагические миры. Земля...

Он ткнул в какое-то пятно на карте.

– Мир балеопалов.

– Магистр Тордек рассказывал о нем.

– В этом мире, – Харон показал на самый верх карты, – увы, нет душ, которым хватило бы энергии на переход. А этот мир давно погиб, к сожалению. От него остались лишь осколки.

– А что с ним случилось? – живо заинтересовалась я, поняв, что вот он – мой проводник в мир идеально выполненных заданий Тордека.

Но Харон тут же сбил прямо в полете:

– Понятия не имею. Мы ведь не бываем в этих мирах. Остаемся на границе, в иллюзии, лишь слабо напоминающей мир в паре шагов. Пытаться пересечь черту строго запрещено и довольно опасно. Я попрошу вас никогда и ни при каких обстоятельствах этого не делать, мисс Даркблум.

Я проглотила замечание о том, что сам-то Харон без проблем шастает туда-обратно. Меня все же не учили проводниковым фокусам. Одно дело переходить на Землю через портал Селин, другое – ломиться через границу нелегалом. Даже в мире смертных за это могут пристрелить.

– Итак, есть мир земли, воды, огня – будем считать уничтоженный мир сгоревшим, воздуха. Мортрум – мир смерти. Получается, есть еще мир жизни. Да?

Харон усмехнулся.

– У вас нестандартное мышление. Увы, но я не знаю ответа на ваш вопрос. Мне еще не доводилось бывать в последнем мире. А проводникам запрещено делиться друг с другом подробностями переходов душ.

– И все-то у вас запрещено, – вздохнула я. – Домашку выполнить невозможно! А почему миров всего шесть?

– Шесть доступных нам. Возможно, их куда больше. Сотни, тысячи. Кто знает? Я бывал лишь в одном. Земля, как ни странно, основной поставщик душ.

– Почему странно?

– Вы все время стремитесь себя уничтожить.

– Так это вы отправляете нас хранить и оберегать прекрасный мир. Фигово задачи ставите.

Впервые с прибытия в Мортрум я увидела обитель проводников. Оказывается, архив – нечто вроде их офиса. Стражи обитают в министерстве, судьи – в Виртуме, парящем городе, что бы это ни значило, проводники – в архиве.

Снова вспомнилась Шарлотта. Я не успела толком привыкнуть к ее присутствию, но иногда думала, как здорово было бы поболтать с кем-то кроме обитателей особняка Вельзевула. Ридж и Харон для этого подходили слабо – с ними не пооткровенничаешь.

Пока мы шли вдоль стеллажей, я с тоской рассматривала бесконечные ряды папок с личными делами душ. Вот бы посмотреть хоть одну! Отца или... может, мамы. Я ее почти не помню, но было бы интересно узнать, где она сейчас, какую жизнь живет и не могли ли мы случайно встретиться.

Наконец Харон остановился у одной из многочисленных дверей, отпер ее ключом и пропустил меня внутрь. Приятный мягкий свет озарил небольшой, но уютный кабинет.

– Учтите, мисс Даркблум, я еще никого не приглашал сюда. Рассчитываю, что об увиденном вы будете молчать.

– Не волнуйся. Я нема как могила.

Чего он только не натаскал сюда с Земли!

Книги, картины, статуэтки, антикварная посуда. Нет, это не было складом для хлама, как вещи папы в общежитии, кабинет Харона напоминал подсобку музея или обитель эксцентричного коллекционера старины. Пахло кожей и свечами. На стене напротив

письменного стола висела огромная карта, дублирующая ту, что он мне показал.

И я вдруг поняла, что напоминают мне хаотично разбросанные пятна миров.

– Пазл.

– Что?

– Они похожи на мозаику. В детстве у меня была такая, с крупными детальками. Я вываливала ее на пол и мучительно пыталась собрать. Потом кричала папе, что детали не подходят, пазл бракованный. Он приходил, садился рядом и собирал для меня картинку. Конечно, он понимал, что я просто хочу его внимания. Но снова и снова делал вид, что верит, будто я не способна соединить шесть деталек в одну.

По коже прошелся мороз, хотя в кабинете не было окон. Фантазия услужливо подкинула ложное воспоминание, в котором вместо яркой иллюстрации отец снова и снова собирал для меня картинку из миров.

– Все в порядке? – спросил Харон, заметив, что я кутаюсь в куртку.

– Да. Наверное. Так, семейные проблемы.

– Что-то незнакомое.

– У тебя нет семьи?

– Я одиночка. Иногда приглашаю красивых девушек на свидания и провожу с ними время, но, если честно, я не вижу смысла в отношениях в нашем мире. Мы лишены возможности продолжать свой род, души рано или поздно уходят, а иные вечны – так зачем ограничивать себя браком или, того хуже, лицемерить, притворяясь, будто интрижки и Маскарады Мертвых служат лишь специями в отношениях с единственной любовью.

– А чувства? Ты никогда не влюблялся?

– Влюбленность – это всего лишь инфантильная форма желания. Многие из нас не способны признаться себе в том, чего они хотят. Поэтому выдумывают любовь, долг и все такое.

– Да у тебя прямо своя философия.

– У меня достаточно времени, чтобы разобраться в себе и в жизни. Но я никого не убеждаю в собственной правоте, просто живу, как мне нравится. Что ж, давайте я покажу, как мы работаем. Самаэль

просил ознакомить вас с азами. Вы уже знаете, что такое кастодиометр, так?

Харон осекся, его взгляд застыл на чем-то над моей головой. Обернувшись, я увидела, как на карте зажегся маленький голубой огонек. Точно такой же горел и на карманной версии.

– Что это? Душа? Так нам показывают, что кто-то умер и ждет перехода?

– Да, – как-то странно отозвался Харон.

Не то растерянно, не то немного испуганно.

– А что не так?

Он поднял на меня взгляд.

– Это мир балеопалов. Душа готовится к переходу из мира балеопалов. Вторая душа за всю историю Мортрума.

Воспоминания тут же услужливо подкинули сон, показавшийся очень реалистичным и ярким. Я почти наяву вновь ощутила прохладу темных вод и тепло от света впервые за много дней выглянувшего солнца.

– И что мы будем делать?

– Встретим, поможем перейти границу, взвесим душу и передадим в руки стража, – ответил Харон.

– Взвесим душу, – вздохнула я. – То есть бедолага скоропостижнулся в мире, где в принципе не бывает смертей, а ему еще и Аид светит?

– Идемте, мисс Даркблум. Незачем заставлять душу ждать.

Пришлось признать, пока мы шли по бесконечным коридорам архива, что работа проводника оказалась более захватывающей, чем стража в дозоре. Гораздо приятнее стоять у границы таинственного мира, чем у безжизненного подземелья, полного кровожадных тварей. И пусть мы не сможем даже краем глаза заглянуть в мир балеопалов, даже близость к нему – уже захватывающее впечатление, которого так не хватает в Мортруме.

Наконец мы остановились перед аркой. Вместо двери за ней обнаружился странного вида черный туман, очень похожий на тот, который испугал меня на платформе, прежде чем поезд отвез нас с Самаэлем в Мортрум.

– Не бойтесь, – улыбнулся Харон. – Проводникам тьма ничего не сделает. Она знает, зачем мы здесь.

- Но я-то не проводник.
- Вы со мной. Этого достаточно.

Галантно и несколько старомодно Харон предложил мне руку, и мы вместе шагнули во тьму. Чувствовала я себя при этом почти принцессой из фэнтези-сказки, разве что не хватало пышного платья и рукоплещущих подданных. Но зато на мне была куртка Дэваля, и в скором времени я поняла, что в этом мне сильно повезло.

Несколько секунд мы шли в абсолютной тьме, если бы не Харон, я непременно потерялась бы. Где-то вдали слышался плеск волн, бьющихся о камни. Я непроизвольно сглотнула слюну. Большой красивый мир был совсем рядом, казалось, стоит протянуть руку – и он тебе откроется. Да, лишенный природы и красоты развитой цивилизации, но при этом живой мир.

Потом тьма немного рассеялась. А может, глаза привыкли и начали различать смутные силуэты камней и острых пиков скал вдали. Это место, граница между живым и мертвым миром, напоминала набросок на потемневшей от времени и пыли бумаге. Тусклый, размытый, лишь отдаленно напоминающий настоящий мир скал, бесконечного океана и прекрасных животных.

Душа обнаружилась у края скалы. Со стороны казалось, будто существо, похожее на магистра Тордека, с такими же инопланетными глазами, находилось в трансе. Во всяком случае, он не обратил на нас с Хароном никакого внимания.

– Осторожно, душа просыпается не сразу. Это как обморок. Когда наступает смерть, душа отключается, а приходит в себя уже у самой границы. Поэтому мы используем разные способы переправки через Стикс.

Конечно, вода внизу вовсе не была океаном. Старый добрый Стикс, прикосновение к которому тебя убьет. Раскатала губу, Аида.

– А зачем вообще переправлять душу? Вон же арка...

Я осеклась, обернувшись. Арка, а значит, и выход обратно в архив, исчезла.

– Нужно время, чтобы душа перестроилась. Ты же задавалась вопросом, почему в твоём мире тебя похоронили, но тело твоё ничем не отличается от прошлого?

– Брр-р. Вообще-то, не задавалась. Спасибо, что лишил меня сна на ближайшую неделю.

– Стикс – это граница между мирами, – продолжил Харон. – И хоть он называется рекой мертвых, именно он дарит душам новую жизнь. Давай используем лодку из его прошлого.

Я уже видела такие – на них жители мира балеопалов передвигаются в тоннелях и между скалами. Понятия не имею, откуда она здесь взялась. Харон ловко спрыгнул в нее, лодка опасно покачнулась, но выровнялась.

– Приведи его и помоги сесть. Но очень тихо и осторожно. Не разбуди.

Захотелось, как маленькой девочке, отказаться и спрятаться, но я заставила себя подойти к душе ближе. Это оказался совсем молодой паренек. Во всяком случае, мне так показалось: он был ниже и худее Тордека. Совсем прозрачный, как будто не ел досыта уже много лет.

Я осторожно коснулась его плеча и, действуя по воле интуиции, повлекла за собой к лодке, стоявшей у скалы буквально в нескольких метрах.

Тихо и осторожно.

Сделав несколько шагов, душа остановилась как вкопанная.

Я нахмурилась. Посмотрела на его лицо и почувствовала, как внутри все леденеет: жуткие янтарные глаза смотрели прямо в душу.

Его холодные пальцы сомкнулись у меня на запястье. С нечеловеческой и удивительной для такого щуплого тела силой паренек дернул меня на себя, увлекая вниз, туда, где о скалы бились темные воды Стикса.

– АИДА! – услышала я крик Харона.

Успела только подумать: «Ну вот, опять», – и ушла под воду.

Несколько секунд я ждала... сама не знаю чего. Смерти? Аида? Жутких мук? Что там происходит с душой, внепланово окунувшейся в Стикс?

Но ничего страшного не происходило. Холодная вода тысячами иголок впивалась в кожу. Воздуха не хватало, страшно хотелось откашляться, но глубина все давила и давила. Я сделала несколько неуверенных гребков, но понятия не имела, куда плыть, где эта чертова поверхность!

Ярость смешалась с паникой.

Неужели все закончится вот так? Темные души утягивали меня в Аид и на Землю, снова и снова погибали, не в силах одолеть, и вот

теперь, в очередной раз, я все же погибну?

Рядом промелькнуло что-то темное. И очень мощное. Если бы я могла обернуться, я непременно бы увидела здорового подводного монстра и тут же наглоталась бы от страха воды, но я совсем не ориентировалась и лишь почувствовала сильный толчок.

А потом в считанные секунды балеопал вынес меня на поверхность.

Откашливаясь и отплевываясь, я не сразу поняла, что надо мной – серое небо, а всюду, куда хватает взгляда, бескрайний океан с редкими вкраплениями скал где-то у горизонта.

– Прости, – услышала я тихий голос рядом. – Другого выхода не было. Ты нам нужна.

Паренек, которого мы собирались перевезти через Стикс, сидел на спине второго балеопала. Причем с таким видом, будто каждый день ходил умирать и возвращался еще до обеда!

– Как ты это сделал? – спросила я.

Зуб на зуб не попадал от холода.

– Мы многое видим и замечаем. Ваша граница не такая уж недоступная для нас.

– Ладно. Допустим. И зачем ты меня сюда затащил?

– Ты – смерть, – с явным почтением в голосе произнес парень.

Вот это номер.

– Я не смерть!

– Вы приходите, лишь когда одни из нас умирают. Уводите их во тьму. Вы живете там, за границей, но только конец чьей-то жизни открывает для вас проход.

– Ну... ладно, пусть буду смерть, – вздохнула я. – И зачем вам смерть?

– Ты должна помочь. Балеопалы не должны умирать.

– Все умирают. Так бывает. Ваше бессмертие – не абсолютное. Это законы природы. В мире, где жила я, бессмертных существ вообще не бывает. Каждое животное, каждая душа, каждый маленький росточек в итоге умирает. Я – всего лишь страж, у меня нет ни магии, ни власти. И поверь, текущее положение дел мне нравится не больше вашего, но... смерть есть смерть.

– Мы смиренно принимаем законы жизни и ее окончания. Но никогда не примем жестокость убийства.

– Организуйте суд и свозите преступников на какой-нибудь камушек подальше от нормальных балеопалов, я-то тут при чем?

– Нас убиваете вы.

– А?

Понятнее не стало, а вот тревожнее – в тысячу раз. Интересные приключения с фразы «нас убиваете вы» не начинаются.

– Нужно добраться до укрытия прежде, чем стемнеет. Балеопалы в глубинах волнуются.

– Я думала, столкновение с балеопалом – смерть. Точнее, конец очередного этапа. А вы используете их как такси?

– Что такое такси?

– Транспорт. Способ передвижения.

– А... не все и не всех. Изредка среди нас встречаются такие, как я. Мы умеем говорить с балеопалами. Если хорошо попросить, они могут помочь. Например, перейти через границу. Ваши воды не причиняют им вреда.

Значит, вот как им удалось затащить меня в свой мир. Балеопал защитил от смертельно опасной воды. Интересно, какие еще тайны скрывает в себе этот мир? И зачем я здесь? Вряд ли из-за мести, хотели бы – уже бы убили.

Я попыталась выяснить, куда мы направляемся и что парень имел в виду под убийствами, но он лишь отмахнулся, напряженно вглядываясь в горизонт. Два балеопала плыли бок о бок, унося нас все дальше и дальше от места, где открылся портал.

Впервые оказавшись посреди большой воды, я слегка испугалась. Всюду простирался бесконечный серый океан. Соскользнуть со спины огромного существа было проще простого, но на абсолютно гладкой шкуре не было ничего, за что можно было ухватиться для спокойствия. И я старалась сидеть неподвижно, чтобы не нарушить ненароком равновесие.

Сложно было сказать, сколько мы плыли, по ощущениям около часа, но при себе у меня не было часов. К счастью, вскоре потеплело. Кажется, утро сменилось днем, и, хоть солнце или другая звезда были надежно скрыты плотными облаками, одежда на мне вскоре высохла, и дрожь прошла.

Гадать, что будет дальше и получится ли вернуться в Мортрум, довольно быстро надоело. И я стала размышлять о месте, в котором

оказалась. Впервые в жизни я была в по-настоящему ином мире. Не безжизненном междумирье типа Мортрума и не на привычной Земле, а в совершенно другом пространстве, с другими законами, существами, мироустройством.

Водный мир – я назвала его так – производил странное впечатление. Он определенно восхищал масштабами, мощью природы, силой воды. Вода здесь обладала абсолютной властью, она таила в себе смертельные опасности и требовала уважения.

Но все же мир казался мне неправильным.

Пустое небо, лишённое солнечного света и красок.

Пустой горизонт, куда бы ты ни смотрел.

Темные волны, милостиво расступающиеся перед балеопалом.

Я ненавидела пазлы. Иногда мне их дарили, и я раз за разом пыталась собрать яркую картинку, которую обещала коробка, но снова и снова психовала, путаясь в деталях. Мне не хватало усидчивости, терпения, а еще – спокойствия. Я лишь однажды дошла до конца, собрав всю картинку – милого пса, бегущего по пляжу. И обнаружила, что последней детальки в наборе просто-напросто нет. Всего одна деталька из тысячи, но ее отсутствие смотрелось как дыра прямо посреди спокойного синего моря.

Этот мир напомнил мне о той детальке. Как будто кто-то взял и вытащил кусочек из огромного пазла.

Наконец вдали показались скалы. Они возвышались над поверхностью воды, острыми пиками устремляясь в небо. Такие же серые, как все вокруг.

Я невольно задумалась: как они появились? Какие силы сделали их такими, проложили тоннели внутри? По каким законам вообще живет этот мир?

Балеопалы замерли у пологой скалы, послушно дожидаясь, пока мы перелезем на камни. А затем скрылись в глубинах, не издав ни звука.

– И что дальше? – спросила я.

– Идем. Мать хочет видеть тебя.

Сначала я не заметила узкий лаз между скал, но, когда паренек ловко проскользнул куда-то в недра тоннелей, увидела темную полосу пустоты.

Мой похититель даже не боялся, что я попытаюсь сбежать. Со всех сторон нас окружал океан. Вздохнув, я полезла в недра скал, надеясь, что все не так страшно, как кажется, и у меня получится выпутаться из передраги, в которую я опять попала по чужой милости.

Глаза не сразу привыкли к темноте. Несколько раз я едва не упала, оступившись в темноте. Потом тоннель сделал поворот – и я очутилась в большой пещере, по периметру которой мерцали странным голубоватым светом факелы.

А еще в пещере были балеопалы. Точнее, их похожее на людей формы. Десятки мужчин и женщин, похожих на магистра Тордека. И в то же время разных.

По рядам прошел шепоток.

– Это она? – спросил кто-то.

– Смерть?

– Такая юная. Она ведь юная?

Голосов становилось все больше и больше, шепот перерос в возбужденный гомон. Я чувствовала, что надо что-то сказать, но не знала, что именно. Облизнула губы, набираясь смелости, и тут из толпы вышла женщина.

То, что это именно женщина, я поняла по одеянию, чем-то напоминающему юбку из блестящей плотной ткани. Она единственная была одета.

– Ты – смерть, – произнесла она, склонив голову.

– Не совсем. Я страж. Храню границу между миром мертвых и живых. Я не властна над смертью, только помогаю душам идти дальше.

– Это не важно. Важно лишь то, что ты пришла с той стороны. А значит, ты – та, кого в наших легендах зовут смертью. Можешь звать меня Мать. Я – Прародительница Южных Скал, одна из Великих Источниц Жизни.

– М-м-м... очень приятно. Аида. Можно просто Аида, я пока еще... э-э-э... ничего не прородила.

Мать жестом пригласила меня в центр пещеры, на нечто, напоминающее каменную скамью. Остальные расселись вокруг нас прямо на землю. В противоположном конце пещеры я увидела небольшой бассейн с привязанными лодками и уходящий куда-то во тьму тоннель. Должно быть, эта пещера использовалась в качестве

въезда в целую сеть тоннелей в скалах, по которым балеопалы передвигались.

– Мой сын ничем не оскорбил тебя и не обидел?

– Нет. Хотя я и не понимаю, зачем было везти меня сюда. Если вы хотели о чем-то поговорить, можно было обсудить все на границе.

– Свойство дара Нойдера таково, что если он пробудет на границе чуть дольше – навсегда уйдет. Смерть не в нашей природе, поэтому материи, управляющие ею, довольно хрупкие. Мне хотелось бы, чтобы ты, юное создание, увидела наш мир при других обстоятельствах. Но у меня нет иного выхода.

– Вы сейчас о чем?

Я занервничала. В голосе Матери звучали тревожные нотки: сочувствие, но вместе с ним решимость и какая-то обреченность.

– Все началось несколько Светил назад. Наши проводники стали находить тела балеопалов. Ужасные, обезображенные тела. Убийца вырезает их сердца, оставляя умирать медленной и мучительной смертью. Без сердца балеопал живет несколько дней, до тех пор, пока его кровь не растворится в океане. И никто не в силах ему помочь. У балеопалов нет врагов в нашем мире. Мы знаем, что происходит с нами после смерти, и не трогаем тех, кто еще недавно делил с нами пищу и кров. И тех, кто будет делить в будущем. Нечто иное убило их, некто темный и жестокий, пришедший из вашего мира.

– Вы уверены?

– Мои дети видели, как открывался проход. И как тень с легкостью переступала границу, нарушая равновесие нашего мира. Мы знали, что смерть иногда приходит к нам, чтобы увести кого-то за собой, но не думали, что смерть может быть настолько жестока и безжалостна. Ни один балеопал в истории не видел, как смерть убивает. Но это случилось. И это сделал тот, кого ты называешь братом.

– В каком смысле – братом? – Я похолодела. – Что вы имеете в виду?

Мать недоуменно склонила голову.

– Разве другие смерти – не твои братья и сестры? Разве все вы не рождены от одной Великой Источницы?

– Нет. У нас разные матери. Одна женщина может родить два-три ребенка, ну иногда больше. У меня только три брата, но по отцу, для

своей матери я единственный ребенок. И у нас вообще нет никаких источников... источниц... В общем, все не так, как у вас. И я не знаю, кто убил тех балеопалов, честно. Мы – не одна большая семья. Среди нас есть и злые люди, и добрые, и убийцы, и спасители. Боюсь, я ничем не могу вам помочь. Хотя это и ужасно.

– Ты здесь не для того, чтобы нам помочь. – Мать вздернула голову, и ее ноздри расширились, не то от злости, не то от перевозбуждения. – Ты передашь послание.

– Какое и кому?

– Всему своему народу. Всем смертям нашего Великого Пространства. Ты передашь слова Великой Источницы Жизни, говорящей голосом всех своих детей.

Она посмотрела мне прямо в глаза.

– Ни один балеопал не должен погибнуть. Иначе весь наш гнев обрушится на ваш мир. Вся наша мощь обратится против вас. Бесконечность Темных Вод затопит все, что вам дорого. Океан погребет под собой ваши поселения, уничтожит ваших детей. Границы сотрутся, и ваш мир станет нашим. Вот цена, которую вы заплатите за жестокость одного из вас.

Я похолодела. Понятия не имею, способны ли они на такое, но могу представить, что станет с Мортрумом, если граница падет и в мир мертвых хлынут миллиарды тонн воды.

– Погодите, не горячитесь! Мы не знали, что кто-то убивает балеопалов. Чтобы найти его, потребуется время. Я вообще понятия не имею, кому это нужно.

И кто может открывать сюда порталы. Селин? Надо быть реалисткой: Селин не способна справиться с подводным монстром. У нее-то моей силы нет. Обычная девица со способностью открывать порталы. Не могу представить ее охотницей на чудовищ.

Значит, есть кто-то еще.

– Что такого ценного в сердцах? Не убивает же он просто ради развлечения. Должна быть какая-то цель. Почему именно сердце?

– Сердце балеопала – его бессмертная душа, – ответила Мать. – В сердце заточена энергия, позволяющая балеопалу переродиться. Если сердце вырвать, душа растворяется. Это хуже смерти. Вечная мука.

– Да, но чем ценна эта энергия? Что она может?

– Все. Все, что ты только захочешь. Это самая ценная из всех существующих энергий. Она дарит силу, способную менять миры и создавать новые.

Ну вот, теперь у нас две проблемы. Воинственный мир по соседству и некто, заполучивший мощную силу, способную натворить дел.

– Ладно, и как мне передать это сообщение, если я понятия не имею, как вернуться?

Надеюсь, у них есть вменяемый план.

– Твои братья вернутся за тобой, – ответила Мать.

– Так себе у вас план, если честно...

Я задумалась. Что происходит сейчас в Мортруме?

Сначала Харон наверняка побегал вдоль Стикса туда-обратно, выдирая на себе седые волосы. Мне, во всяком случае, хотелось так думать. Затем он направился к Самаэлю, признаваться, что потерял наследницу и Дэваль снова будущий Повелитель. Так что где-то сейчас они стоят на берегу, грустят (но не очень искренне) по мне и принимают неизбежное.

– Бедняжка, такая страшная смерть, – наверняка сказал Харон.

– У нее была стратегия, и она ее придерживалась, – ответил Самаэль.

Затем помянул сестричку стопочкой эссенции со вкусом облегчения – и отправился переделывать табличку возле Предела. С «Аида Вельзевуловна» на «Дэваль Лилитович».

– Похоже, я тут надолго. Где у вас тут можно арендовать уютную одноместную пещерку?

– Мы известили твой народ о том, что ты здесь. Остается только ждать. Мои дети присмотрят за тобой. Остерегайся воды. У камней балеопалы не тронут тебя, но вдали от поселений могут напасть. Ты голодна?

– Немного.

– Нойдер угостит тебя и покажет наш мир. Можешь быть уверена, смерть Аида, балеопалы не желают зла ни твоему народу, ни твоему миру. Мы высоко ценим вашу миссию и смиренно принимаем законы бытия. Но мы никому не позволим вмешиваться в естественный ход вещей и лишать наши души права на новую жизнь.

– Никто в нашем мире не станет делать это открыто, – сказала я. – Тот, кто убивает балеопалов, преступник даже по нашим законам. Но вы должны понимать, что найти его может быть непросто. И на это понадобится время. Нельзя рассказать о преступлении и не дать возможности найти виновника. К тому же угрозы – не лучший метод дипломатии. Вы прекрасно знаете, что в нашем мире есть очень мощная сила. И очень мощный иной, создавший существующий миропорядок. Думаете, он позволит вам уничтожить оба мира? Или предпочтет пожертвовать одним, чтобы спасти свой?

На лице женщины не дрогнул ни один мускул, но я нутром почувствовала ее неуверенность и надавила сильнее.

– Вам страшно, и может казаться, что угрозы – единственный выход. Но в Мортруме – мире, куда попадают души после смерти, – достаточно силы, чтобы стереть ваш мир с лица... вселенной. Вы угрожаете открыть порталы и затопить мир мертвых? А что, если Вельзевул откроет Аид и это ваш мир затопят темные кровожадные монстры? Они уничтожат всех в течение нескольких дней, и это будут мучительные смерти. Прежде чем решаться, чем рисковать, попробуйте решить вопрос миром. Я вам помогу. Вы можете проверить тот же трюк с вызовом проводника, когда снова произойдет убийство?

– Мы не всегда можем узнать. – Она покачала головой. – Обычно мы находим тело.

– Хорошо, когда найдете. Нужно больше информации. Может, получится узнать оружие или то, как убийца попадает в ваш мир. Хоть что-то, чтобы из тысяч душ найти нужную.

Мать балеопалов угрюмо молчала. Разговор приобрел неожиданный для нее оборот. По правде говоря, я понятия не имела, хватит ли силы Вельзевула, чтобы одолеть целый мир. Но надеялась, что их такая вероятность впечатлит. И какое-то время они будут бояться идти войной на Мортрум. А к тому времени, как страх утихнет, мы уже найдем убийцу и затолкаем ему в одно место что-нибудь очень шершавое.

– Я сделаю все, что в моих силах, – наконец сказала женщина. – И ты должна поклясться, что не лжешь.

– Клянусь. Мы найдем того, кто вам вредит.

Если бы я только была в этом уверена на все сто процентов! Очевидно, что убийца – некто очень сильный и умный, раз умеет открывать порталы и расправляться с такими махинами, как балеопалы. Еще и обладатель мощной энергии их сердец... А если он вообще не из Мортрума? Шарлотта, например, явная представительница иного мира – человек не смог бы просидеть сотню лет под толщей воды. И что нам делать тогда?

Но об этом я решила подумать позже.

– Ступай, поешь. Не волнуйся, мы сообщили твоим братьям, где искать тебя.

Как же сложно держать в уме, что под братьями она имеет в виду нас в целом, как расу.

Я бы без проблем потерпела легкий голод, особенно после известия, что Самаэлю обломали кайф сообщением о моем чудесном спасении. Но уж очень любопытно было, чем они питаются здесь, в мире, где, кроме воды и скал, ничего нет.

Нойдер – тот самый паренек, что привел меня сюда, – вызвался (или был назначен) моим сопровождающим. Когда Мать пафосно удалилась, а любопытные балеопалы, явно разочарованные представлением и мной, рассосались, Нойдер провел меня к лодке и помог спуститься. Суденышко было таким узким, что на скамейке я едва помещалась: эта ипостась балеопалов была очень тощей, что рождало определенные комплексы.

– Ты не такая, как я себе представлял, – сказал парень, когда мы тронулись.

– Почему?

– Юная. Такая же, как я.

– В моем мире я – вчерашний ребенок.

– Тогда откуда у тебя право говорить за сильных этого мира?

– Сложно объяснить. У нас очень важно то, в какой семье ты родился. У ваших матерей тысячи детей, поэтому вы все равны. У наших – как правило, один-два ребенка. Есть мать или отец занимают высокий пост, то и детям перепадает привилегий. Низкий – совсем никаких бонусов.

– Это ужасно глупо, – подумав, ответил Нойдер. – А если ребенок высокородной матери не обладает силой, умом и дарами? У нас привилегии даются тому, кто их достоин.

– Значит, вы изобрели коммунизм. Или социализм. Не очень в них разбираюсь, я – как раз тот случай про необладание умом. Видишь ли, наш мир чуть сложнее вашего. В нем есть ресурсы, власть, добро и зло. Вы живете в гармонии с природой, в непрерывном цикле перерождений, а мы пытаемся научиться не уничтожать друг друга и наш дом. Так бывает. Разные миры – разные уклады.

– Твой мир красивый?

– Тот, в котором я родилась, да. А Мортрум... тоже, наверное. Но слишком несчастный. Темный. Лишенный солнца и природы. В нем есть свое очарование, но он как будто усиливает все твои страхи и печали в тысячи раз. Тебе никогда не бывает в нем хорошо, безопасно. Единственное, что держит на краю депрессии, – это воспоминания о приятном. Наверное, поэтому они изобрели эссенцию желаемого и жить без нее не могут.

Вряд ли Нойдер понял хоть слово из того, что я рассказывала. Он постоянно перебивал и переспрашивал.

А что такое природа? А как это – деревья? А как выглядит земля? А разве солнце может светить много дней? И почему мы не умираем от его света? А что значит летать? Как у нас получаются дети?

– Ужасно странно! – заключил он, дослушав краткую лекцию по человеческому размножению. – Какие-то жуткие ритуалы. Тыкать друг в друга... чем, ты сказала?

Я фыркнула. Пожалуй, описания – не мой конек. И в скором времени мир балеопалов наполнится странной интерпретацией человеческих обычаев в исполнении Нойдера.

– Ладно, а у вас как это происходит? Мать рождает кучу балеопалов – это понятно, но кто отец?

– Что такое отец?

– Ну... вторая часть союза. Мужчина. Возлюбленный. Она что, мать-одиночка?

– Источница никогда не рассказывает историй о сотворении ее детей.

– И вам совсем не интересно?

– Никогда об этом не думал. – Парень пожал плечами. – Наверное, нет. Неинтересно.

Задача номер один: рассказать Самаэлю про убийства.

Задача номер два: уточнить у Тордека, как размножаются балеопалы.

Задача номер три...

Мы остановились у огромной скалы, в которой вдоль тоннелей были выдолблены ниши-жилища. Страшно представить, сколько труда все это потребовало. Нойдер снова помог мне выбраться на сушу и повел по узким холодным ступенькам куда-то наверх. Несколько раз я опасно оступилась, едва не полетев в воду, но парень с потрясающей ловкостью возвращал мне равновесие.

Наконец мы оказались в большом зале, судя по всему, служившему столовой.

– Сейчас принесу тебе поесть.

На меня обращали внимание. Но издалека. Я чувствовала десятки взглядов на себе: балеопалы прятались в нишах и внимательно следили за мной из темноты. Никто не решался приблизиться.

– Вот. Свежайшее.

Я с подозрением посмотрела на обед – кучку странного вида водорослей и кусок красноватого мяса.

– Это что? Какое-то ваше животное?

– Это балеопал, – огорошил Нойдер, и я поперхнулась воздухом.

– Что?! Вы едите себе подобных?!

– В каком смысле?

– Это же каннибализм!

– Что такое каннибализм?

– Когда едят существ своего вида. Вы балеопалы, едите балеопалов. Так нельзя!

– А что нам еще есть? – недоумевал парень. – Не понимаю тебя. Таковы законы мироздания. Балеопал перерождается, а его плоть становится нашей пищей. Почему это плохо? Мы едим не друг друга, а то, чем одарил нас мир. Мы существуем в этом цикле. Здесь нет другой еды.

Я живо посочувствовала бедолагам и решила в следующий раз непременно набрать гостинцев. Потом подумала, что именно об этом говорил Самаэль – хранить мир, а не менять его своим пониманием правильной жизни, – и погрустнела.

– Вы хотя бы счастливы? – спросила я, так и не решившись притронуться к угощению. – В этом мире, лишенном удовольствий,

посреди безжизненной воды. Вы счастливы?

– Что это значит? – снова спросил недоумевающий Нойдер.

Пока я думала над ответом, случилось сразу несколько вещей. Во-первых, балеопалы вокруг загомонили, явно чем-то взволнованные. Во-вторых, со спины меня обдало странным холодом, напоминающим...

Я резко обернулась.

Портал открылся прямо здесь, посреди пещеры. Мрачный, как тысяча темных душ, Дэваль ступил на камень, внимательно и несколько угрожающе нас оглядел и сказал:

– Только я имею право терять эту принцессу в разных непонятных местах, ясно?

«Ура-а-а, можно не есть балеопала!» – подумала я.

Потом вспомнила, что вообще-то обижена, и отвернулась.

– Я рассчитывал на более теплый прием.

– А я – на то, что хоть здесь удастся от тебя отдохнуть.

– Могу уйти. Скажу Самаэлю, что ты так всех достала, что они тебя утопили. Он даже не заподозрит обмана.

– Это мужчина? – спросил Нойдер. – Вы с ним тыкаете друг в друга, чтобы завести детей?

– Что? – поперхнулся Дэваль.

– Не спрашивай.

Очень захотелось вдруг нырнуть поглубже.

– Это... мой брат. Дэваль. Он – страж. И он может вам помочь.

– Если помощь заключается в том, чтобы избавить их от твоего присутствия – в любую минуту. В остальном нет, спасибо.

– Сколько у нас времени, прежде чем я забуду, как меня зовут?

Он достал из кармана плаща карманные часы и взглянул на циферблат.

– Час, не больше.

– Идем, надо поговорить без лишних ушей Мортрума. И без лишних глаз. – Я покосилась на Нойдера, рассматривавшего Дэваля как чудо света.

Ко мне он такого интереса не проявлял, я его впечатлила меньше. Стало даже немного обидно.

Мы поднялись по узкой лестнице, ведущей на самый верх скалы, и остановились, стоя над бесконечным темным океаном. Оказалось, до

этого Дэваль не видел большой воды, и сейчас, кажется, лишился дара речи, хоть и старался этого не показывать. Но я, посмотрев на него, не смогла отвести взгляд.

Смесь восхищения и грусти во взгляде, отражение воды в ярких голубых глазах, развевающиеся на ветру темные волосы. Он смотрел на воду как замороженный.

И я подумала, что останусь здесь до последних секунд. Пусть Дэв – самовлюбленный, невыносимый, заносчивый и токсичный.

Но и он заслуживает увидеть море.

Когда-то давно отец рассказывал об этом мире. Когда они с Даром еще были детьми и не понимали, что такое океан, балеопалы, скалы. Для них это были лишь иномирские слова, иллюстрированные неумелыми картинками магистров в колледже. Лишь много позже Дар, раскрыв талант, сумел нарисовать все места, о которых рассказывали мама, папа, тетя и души.

Но его рисунки не передавали и сотой доли того, что Дэваль чувствовал, стоя у самого края скалы, перед бесконечными темными водами.

Он чувствовал ветер на лице.

Ощущал запах соленой воды, хотя ни разу не чувствовал его прежде.

Слышал ее плеск и шелест, с которым волны бились о скалы.

Видел низкие серые облака, одновременно похожие на тучи Мортрума и совершенно другие.

Хотелось протянуть руку и коснуться воды, но было слишком высоко, да и Селин строго-настрого запретила падать со скал, открывая портал. Дэваль не видел спины балеопалов в толще воды, но знал, что они там. Чувствовал их души.

– Станный мир, – вырвалось у него.

– Красивый, – откликнулась Аида.

Украдкой он посмотрел на часы. Она пробыла здесь слишком долго. Нужно уходить.

– Еще несколько минут, – попросила она. – Я хочу запомнить океан.

– В твоём мире такие есть?

– Да. Есть еще красивее. С белоснежным песком и водой цвета твоих глаз. С подводным миром, таким богатым и ярким, что даже не верится. Есть северные океаны, омывающие ледники. Жаркие и красивые райские уголки. Клочки дикой природы. Говорят, океан таит в себе больше загадок, чем космос.

– Мы могли бы здесь остаться, – вдруг произнес он.

Они сидели прямо на камнях, слишком близко друг к другу из-за размеров скалы. Когда ветер развеивал волосы Аиды, их кончики касались его щеки.

– Не могли бы. Мы ведь все забудем.

– И что такого нам хочется помнить?

Она промолчала. Да. Точно. Ей есть что помнить. Отца, эти ее коньки, океан с белым песком и зеленые улицы родного города. Он бы тоже не хотел отказываться от таких воспоминаний.

А вот Аид с его красными скалами и раскаленным воздухом, от которого саднит в груди, он с удовольствием бы забыл. Или тело матери, запертое в клетке. Или ее дух, заточенный в старом сгоревшем доме. Или новый дом, как издевку над прежней жизнью. Или...

– Мы ведь все равно не изменимся. Останемся братом и сестрой. И еще придется есть балеопалов. Через год на такой диете мы и сами станем на них похожи. К тому же мы не знаем, что будет, если тебя съедят. Ты-то переродиться не умеешь. Вдруг будешь вечно перевариваться в балеопале?

Он фыркнул. Аида поежилась от очередного порыва ветра, но не сдвинулась с места. Она все еще носит его куртку. Ему хочется верить, не только потому, что в Мортруме сложно найти новые вещи.

– Ты посмеешься, если я скажу, будто у меня ощущение, что наш мир какой-то... неправильный? Самаэль говорит, что душам вообще сложно осознать законы иных миров. Что нашей энергии просто не хватает. Но я-то наполовину иная! И... все равно миры кажутся ужасно неправильными! Посмотри на океан, он прекрасен! Но что в этом мире есть кроме него? Они веками живут в бесконечном цикле перерождений! Разве цель миров – не развитие? Не изучение?

– Вельзевул утверждает, что цель – сохранить мир в первозданном виде, жить в гармонии с его законами. По-моему, балеопалы с этим справляются, – пожал плечами Дэваль.

– Да. Наверное. Я просто не могу смириться с тем, что жизнь оказалась не такой, какой я себе представляла. Забудь. Что будем делать с убийцей балеопалов? Расскажем Самаэлю?

– Придется. Он – глава министерства. Угрозы Мортруму должны быть доведены до сведения Повелителя, а он общается лишь с Сэмом.

– Но мы можем... – Аида закусила губу, как обычно делала, когда не была уверена в том, что собирается сказать, – то есть крайне редко. – Можем использовать эту информацию, чтобы ты поговорил с отцом.

– Мне не о чем с ним говорить, – отрезал он, поднимаясь. – Идем, пора возвращаться.

Немного неловко замерзшая до дрожи девушка поднялась и охнула, покачнувшись. Он едва успел поймать ее за плечо и притянуть к себе, чтобы надежно оградить от края.

– Ты мне должна уже столько желаний – я и со счета сбился.

Глава девятая

Дней без прогулов колледжа... ноль.

Наверное, Тордек и другие магистры, на которых взвалили мое обучение, метают дротики в мой портрет – недаром он исчез из мастерской Дара. Заглянув к нему однажды, я спросила, где рисунок, который он начал, когда я только переехала, и парень невнятно промямлил что-то про свою неуклюжесть и открытые банки с красками. Мы договорились как-нибудь порисовать еще, но жизнь бьет ключом и не оставляет времени даже на колледж, не говоря уже о позировании.

В очередной из дней я твердо решила отправиться на учебу, даже несмотря на риск вновь столкнуться с Олив. После того как меня чуть не унесло течением в небытие, от Харона меня тоже открепили и, вероятно, стали думать, что делать с этой неудачницей дальше. Или решали проблему с балеопалами: Самаэль отказался посвящать нас с Дэвалем в подробности, сославшись на чрезвычайно важное дело, которое курирует Повелитель лично. Так что я ощущала некую смесь обиды (как же так, самый важный нос в мире мертвых не пустили в чужое дело) и вины (балеопалам помочь обещала я, а в итоге просто верю, что взрослые разберутся).

Но планы по грызне за гранит науки снова смешал Самаэль.

– Тебя ждет Повелитель.

– Прозвучало так, будто мы в турецком гареме, куда меня продали в рабство.

– Не знаю насчет гарема, но могу всыпать плетей, если хочешь.

– Фу, мистер Сонг, какие фантазии! Вы женатый человек, побойтесь супругу!

– Я после тебя уже ничего не боюсь. Давай быстрее, Вельзевул не любит ждать. У него к тебе важный разговор.

Тут я и разволновалась. Мои разговоры с ним можно пересчитать по пальцам, даже если этих пальцев осталось всего два. В первый раз мы встретились у Предела, куда его сыночек в приступе бессильной злобы отправил меня на идиотском вагончике из старого парка

аттракционов. Во второй – после того, как я сорвала оргию, устроила драку и на всех обиделась.

Я даже оделась в форменное платье.

Самаэль загадочно хмыкнул.

– И о чем пойдет речь?

– Понятия не имею. У отца нет привычки согласовывать со мной свои беседы. Полагаю, хочет лично услышать все, что вы с Дэвом рассказали.

Это немного успокоило. На самом деле я боялась одного: вдруг Вельзевул узнал, что происходит у нас с Дэвалем? Что, если сейчас меня окатят презрением, назовут ненормальной и выселят куда-нибудь за пределы города, в палатку у Стикса?

Даже ладошки вспотели, что со мной бывает крайне редко.

Но еще реже я готова признаться в собственной слабости. Поэтому, сделав глубокий вдох, я вошла в кабинет, где прежде еще не бывала. Полагаю, именно им пользовался Вельзевул, но в последнее время нечасто – шкафы, мебель (за исключением кресла перед массивным письменным столом) были покрыты толстым слоем пыли. Из источников света горел лишь камин. Наверное, из-за заточения у Предела хозяин мира мертвых тяжело переносил яркий свет.

Сам Вельзевул сидел за столом, задумчиво устремив взгляд на пляшущие языки пламени. Казалось, он даже не заметил, как мы вошли. И как Самаэль подло оставил меня в одиночестве, бесшумно исчезнув.

– Аида. – Повелитель повернулся. – Садись. Рад тебя видеть.

– Доброе утро, – натянуто улыбнулась я. – Вы хотели поговорить?

– Рад, что ты не пострадала во время... гм... визита к балеопалам.

И рад, что благодаря тебе мы узнали о случившемся. Как тебе водный мир?

– Станный. – Я пожала плечами. – Красивый, немного пугающий, но какой-то... неправильный.

– Неправильный?

В голосе Вельзевула послышался интерес.

– Просто мне, выросшей на Земле, странно видеть мир, который не развивается. У нас такая история... вот все ездят на повозках и держат рабов, а через век с небольшим уже летают в космос! А они как жили тысячи лет назад, так и живут сейчас.

– Зато они живут в единении с природой. И не попадают к нам. Именно этого мы и добиваемся на Земле.

– Справедливо.

Мысль о том, что такая жизнь унылая и бессмысленная, я оставила при себе. Очевидно, я многого не понимаю в их концепции идеального существования.

– Всегда интересно слушать впечатления кого-то с совершенно иным взглядом на мир. Но поспорить о загадках мироздания мы сможем позже. Сейчас я хотел бы поговорить о другом. Я откладывал этот разговор в надежде, что получится дать тебе время освоиться, завести друзей, окончить колледж. В моем представлении все происходило медленнее, размереннее, не так эмоционально для тебя. Но обстоятельства распорядились иначе. Снова и снова ты подвергаешься опасности и спасаешься только чудом. Стражи задают вопросы. Слухами полнится Мортрум.

Тут я поняла, о чем пойдет речь, и разволновалась. Почему-то не хотелось услышать то, что я и так знала, из уст Вельзевула. Показалось, что жизнь после этого изменится безвозвратно. Мне придется измениться. Я уже не смогу сидеть в баре после работы и препираться на людях с Дэвалем, я вообще вряд ли смогу даже посмотреть на него без риска получить новую порцию сплетней.

– Поэтому настало время раскрыть все карты. Рассказать, для чего ты здесь. И кто ты такая. Хотя о многом ты наверняка догадалась и сама.

Он посмотрел на меня выжидающе. А я понятия не имела, что положено говорить в таких случаях. Поэтому не нашла ничего лучше, чем спросить:

– И для чего я здесь?

– Чтобы занять мое место.

Не то чтобы это стало неожиданностью, но я зачем-то подавилась слюной и начала надсадно кашлять. Получилось эффектно, но, думаю, несколько разочаровывающе для Вельзевула. Особенно когда я так закашлялась, что меня чуть не стошнило на его пыльный ковер. Вопиющее неуважение к оказанной чести. Кажется, даже тело было против такого наследства, раз попыталось убить меня прямо на месте.

Когда я наконец отдышалась, Повелитель продолжил:

– Я встретил твою маму, когда посещал Землю, будучи главой Министерства мертвых. Она покорила меня. Умом, красотой, чувством юмора. Ты очень на нее похожа. Хотя, пожалуй, в тебе много от...

Он сделал над собой явное усилие, чтобы закончить фразу:

– Человека, который тебя вырастил. Как бы то ни было, я влюбился в Никки настолько, что забрал ее в Мортрум. Ты ведь знаешь, что происходит с иными и душами, если они слишком надолго задерживаются в немагическом мире?

– Теряют память.

– Верно. А если не прошедшие через смерть души оказываются в Мортруме, они сходят с ума. Именно это и произошло с Вероникой. Такого прежде не случалось. Никому и в голову не приходило привести в Мортрум смертного. Я решил, что всемогущ, что могу нарушать законы мироздания. И не уберег твою маму. Пришлось вернуть ее на Землю, но, увы, разум оказался неизлечимо болен... и она прожила всего несколько лет, а затем свела счеты с жизнью.

То есть он угробил не только мать Сэма, Дэва и Дара, но и мою. Что ж, хорошо, что понял сам и перестал искать новые жертвы – вот все, что могу сказать.

– Какое-то время я не знал, что Вероника была беременна. Лишь много лет спустя после ее смерти я понял, что есть ты. Ее дочь.

Театральная пауза.

– Наша дочь.

Я стиснула зубы. Услышать это в реальности оказалось сложнее, чем в мыслях. Мой мир давно рухнул, от него ничего не осталось. Но сейчас в пепел превратились даже его руины.

Не знаю, что отразилось у меня на лице, какое чувство из гремучего коктейля внутри, но Вельзевул нахмурился.

– Что скажешь?

– Вы знаете, что с мамой сейчас?

– Нет.

– Но у вас же есть архив. Вы можете посмотреть ее дело и узнать. Если ее нет в Элизиуме и Аиде, она переродилась и... неужели вам не интересно?

– Ее дела нет в архиве, Аида.

– Почему? – Теперь нахмурилась уже я.

– Не знаю. Оно просто исчезло.

– Кто-то его уничтожил?

– Никто в нашем мире не обладает силой уничтожать дела душ. Я не могу объяснить его исчезновение. Оно просто исчезло, испарилось, словно... словно Веронике не хватило энергии для перехода. Как будто то время, что она была здесь, высосало из нее жизненные силы, и, когда Вероника погибла, ее душа растворилась в реке мертвых. Это единственное объяснение.

Я рассмеялась. Не очень весело, скорее нервно. Что с ним не так? Почему женщины, которые рожают ему детей, так страшно заканчивают свои дни? Вокруг Вельзевула нет ни одного счастливого человека. Ни возлюбленной. Ни ребенка. Он словно отравляет все, чего касается, и теперь та же участь грозит и мне.

– Вы были с моей мамой, когда еще была жива Лилит?

– Ты знаешь о Лилит?

– Я слышу ее в доме. Иногда. Тьма шепчет ее голосом. Самаэль рассказал, что случилось. Так вы изменяли жене с моей мамой или нет?

Вельзевул вздохнул. Очень по-человечески, как вздыхает тот, кому стыдно в чем-то признаться.

Вот еще одна причина, по которой Дэв так воспринял мое появление. Боги, да он изменил жене, заточил ее душу в пепелище их семейного дома, а потом притащил ребенка от любовницы и объявил, что завещает ему все наследство!

Отец года!

– И что теперь? – спросила я.

– Ты расстроена? Не хочешь стать частью Мортрума? Знаю, ты думала, что, как только касодиометр покажет нужный результат, переродишься, но... я предлагаю тебе куда больше. Сохранить себя. Свою память и личность. Занять мое место и, быть может, сделать этот мир лучше. Правильнее.

– Я не знаю, кто я. Не успела понять. Всего полгода назад или чуть больше я была головной болью мачехи. Фигуристкой с неудавшейся карьерой. Студенткой провинциального колледжа без шансов на карьеру. Потом умерла. Не без вашей помощи. Стала душой, которая борется за право вернуться в родной мир. Потом стражем, хранящим Предел. Студенткой колледжа, где учат уничтожать в себе любое проявление магии. Теперь вы называете меня дочерью и хотите

оставить здесь навсегда, и... да к черту! У меня нет выбора, так? Я не могу сказать «приятно познакомиться, папа, но завещаю свой Мортрум Дэвалю, пожалуйста, я – на Землю, попробую все-таки отобраться на чемпионат мира и прыгнуть тройной аксель». Хочу я или нет, я буду на вашем месте. Боюсь я вас или нет, мне придется учиться быть вашей дочерью. Поэтому спасибо, что рассказали о маме. Я сделаю все, что вы хотите, и изучу все, что прикажете, чтобы стать вашей наследницей. Но радость изображать не стану, простите. Вы прервали мою жизнь, даже не спросив, чего хочу я сама, что для меня – счастье. Поставили перед фактом: вот твой новый дом, Аида. Вот и все.

– Я не ждал, что новость тебя обрадует. И не буду лгать: ты права. Выбора у тебя нет. После того как вы с Евой вернетесь из Виртрума, с суда над той девчонкой и мальчика с «Титаника», состоится прием, где тебя как наследницу представят высшим кругам Мортрума. А затем Самаэль обучит тебя всему, что потребуется. Через год я надеюсь увидеть тебя моей заместницей, а через десять – полноценной Повелительницей. С этим придется смириться.

– Что-то еще?

– Да. Почему ты боишься быть моей дочерью? – спросил Вельзевул. – Я ожидал любой реакции. Ярости, злости, обиды, недоверия. Но страх? Ты смело вступаешь в бой с темными душами и встаешь на защиту миров. Не боишься дерзить сильным мира мертвых. Но боишься быть моей дочерью?

– Я видела следы на спине Дэваля. Не строю иллюзий. Однажды придется узнать, каково их получить.

Наверное, впервые за весь разговор, а может, и за все время, я по-настоящему задела Вельзевула за живое. До нутра. Ковырнула там, где сильнее всего кровоточило. Вряд ли он думал, избивая сына, что это вобьет клин между счастливым воссоединением с дочерью от любимой смертной.

– Я могу идти?

– Дэваль заслужил каждый удар, Аида.

– Человек, который меня вырастил... – я поднялась, – создал образ отца, который просто не способен причинить такую боль своему ребенку. И я рада, что на него похожа. Хорошего дня, Повелитель.

Откуда только что взялось: я сделала сносный книксен (если бы существовал термин «саркастический книксен», я бы его

иллюстрировала) и вышла. За дверью уже ждал Самаэль.

– Ну ты и стерва, – прокомментировал он. – Не страшно?

– А тебе подслушивать папочкины разговоры не стыдно?

– Боялся, что ты его укусишь, и был наготове вас разнимать.

– Когда я стану здесь королевой, то назначу тебя работать в театре. Откроем направление «стендапа» – будешь там первым резидентом. Теперь мне можно идти в колледж? Я должна усердно учиться, чтобы нас не захватили балеопалы прямо в первый же год моего правления.

Со вздохом Самаэль махнул рукой.

– Иди. Но зайди после занятий в салон, пусть снимут мерки для платья. И не забудь, что ты все еще работаешь в моей приемной. Пока не стала королевой, придется переключивать бумажки регента короля. Понятно?

– Так точно!

С присвоением статуса наследницы открывается море возможностей.

Новые платья вместо подержанных вещей давно отчаливших в иные миры душ. И возможность без опаски продемонстрировать скверный характер.

Что они мне теперь сделают? На следующую оргию не позовут?

– Мисс Даркблум! – услышала я, едва поднялась по лестнице на этаж с лабораториями.

А потом кто-то дернул меня за руку и втащил в ближайшую подсобку. Я больно врезалась в какой-то стеллаж и грохнула на пол целую стопку не то полотенец, не то каких-то свертков.

– Сейчас кто-то вылетит отсюда вместе с дверью! – рыкнула я, чувствуя, как внутри поднимается та же сила, что спасла меня от темной души в кабинете Самаэля.

– Тихо, тихо! – раздался мягкий смех. – Не бей меня. Просто это единственный способ с тобой поговорить. Ты неуловима, Аида.

Узнав Риджа, я успокоилась. Первой мыслью была Олив или кто-то из ее свиты (не сомневаюсь, что она уже ею обзавелась), и я уже приготовилась было сражаться. Но блондинистый игрушечный магистр не собирался меня убивать. Разве что своим обаянием, или что

он там демонстрировал, улыбаясь во всю челюсть в полумраке крошечной комнаты.

– Тебя не уволят, если увидят, как ты зажимаешь студенток в темных углах?

– Ради некоторых можно и рискнуть. Что мне еще было делать? Ты не появляешься в колледже, не пишешь, не вспоминаешь обо мне. Я соскучился.

– Не припомню, чтобы мы состояли в отношениях, которые позволяют соскучиться.

– А мне казалось, тот пьяный вечер нас сблизил.

– Какой вечер? – фыркнула я.

– Ладно, я серьезно. Где ты пропадала? Я ведь чувствую: происходит что-то серьезное. А мне никто ничего не говорит.

– И я не скажу. Потому что понятия не имею, что именно. У Самаэля и Вельзевула свои секреты. А мы просто выполняем их поручения.

– Не верю ни единому твоему слову.

– Твои проблемы. Можешь предъявить Повелителю.

– Ладно, принцесса, в этом раунде ты победила. Но следующий за мной. Помнишь, что ты должна мне свидание?

– Допустим.

– Сегодня? Сходим вечером в бар?

– Выбери другое место. В баре висит Олив. Мне уже влетело за драку с ней, второй раз скучно.

– Ужин в ресторане?

– Сойдет.

– Тогда зайду за тобой в восемь. Может, намекнешь, на что я могу рассчитывать, если стану мужчиной твоей мечты?

– Намекну, – хмыкнула я. – Мужчина моей мечты в групповом сексе не участвует. Все, Ридж, принцессе пора учиться. Сделай одолжение, выйди отсюда минут через десять, чтобы никто не увидел, что ты ухлестываешь за студенткой. Твоя репутация этого не переживет.

– Я определенно влюблен в тебя! – вслед мне крикнул Ридж.

– Нет.

– Но свидание у нас будет?

– Будет. Если не боишься.

Прежде чем кто-то увидел, как я общаюсь с кладовкой, я закрыла дверь и рванула на занятие к Тордеку. Сегодня он ждал от меня успехов в развитии магических способностей, но у меня был свой план на занятие.

– Для чего нужно сердце балеопала? – выпалила я прямо с порога.

Магистр оторвался от кипы домашних заданий и удивленно на меня посмотрел. После того как я побывала среди балеопалов в их родном мире, одетый в костюм магистр казался еще более нелепым, чем при первой нашей встрече.

– Чем вызван этот вопрос?

– Не могу сказать. Точнее... допустим, мне удалось заглянуть в ваш мир. Снова. В другие пока не удалось. И я узнала, что сердце балеопала – его животной ипостаси – очень ценно. Чем? Что оно может?

Жестом он пригласил меня сесть и отложил в сторону документы.

– Сердце балеопала – это тончайшая оболочка, наполненная жидкостью. Именно она имеет ценность. Из нее рождается новый балеопал, который в свое время станет вмещилищем души на очередном круге перерождений.

– Это единственная способность сердца?

– Вам мало? Фактически это энергия, способная дарить жизнь. Создавать нечто из ничего. Самая прекрасная магия во вселенной. Та, которую мы давно утратили.

– Звучит пафосно, но непонятно. Как она может быть полезна не балеопалам?

Тордек посмотрел на меня с опаской, пришлось его успокоить:

– Я не собираюсь рыбачить с целью отжать в бутылочку пару ваших сердец. Но я хочу знать, на что способна их магия.

– Она всемогуща. Может убить бессмертного. Возродить мертвого. Создать новую душу. Новое тело. Это первородная энергия, в умелых руках она способна на невероятные вещи. Она не встречается в чистом виде, во всяком случае, мне об этом неизвестно. Даже в смертных душах немагических миров она растворена внутри души, питает ее, является ее частью. И лишь в сердце балеопала этой магии удастся сохранить первозданный облик и силу. Вот что такое эта магия.

– Убить бессмертного? – переспросила я. – А как же окунуть его в Стикс или утащить в Аид? Разве это не смерть? Я думала, стражи не умирают естественным путем, но случайно – с завидной регулярностью.

– Вы недостаточно хорошо разбираетесь в бессмертных, страж Даркблум. Бессмертные иные – такие как магистр Сонг или страж Грейв – действительно могут погибнуть по вине темной души или коснувшись вод Стикса. Они неуязвимы лишь для времени и болезней. Но есть и другие. Вы так и не поговорили с Евой, верно? Я не просто так даю вам задания, Аида. Вам нужно изучить миры, которые вскоре окажутся от вас зависимы. Поговорите, пожалуйста, с ней. Она расскажет много того, чего никогда не смогу рассказать я.

– Ева другая? Так, погодите...

Почему Вельзевул выбрал для предавшей его жены именно такое наказание: запереть тело в Аиде, а душу – в пепелище? Да, такой, как он, воспринял предательство как личное оскорбление (хотя еще неизвестно, кто первый начал), но что мешало просто убить ее? Пожалел детей? Не смог? Тогда мог бы отправить ее в Аид, где темные души с ней влегкую бы справились.

– Арахна бессмертна по-настоящему. Ее нельзя убить, даже искупав в Стиксе. А сердце балеопала может убить даже арахну.

– Когда подтвердите догадки разговором с Евой – обсудим. А сейчас мне бы хотелось снова поработать над вашей силой созидания. Будьте добры, вырастите для нас еще несколько лимонов, мы попробуем высадить их в аллею перед колледжем.

Тебя назначают наследницей правителя всех существующих миров.

Ожидание: сидишь на красивом троне и правишь вселенной.

Реальность: работаешь садовником на общественных началах.

А через час, когда отвлекшийся на другую группу студентов Тордек вернулся, чтобы снова толкнуть вдохновляющую речь о контроле над эмоциями, потенциалом и величайшим даром, смотришь на результат собственных действий и пытаешься не заржать.

– Что это? – откашлявшись, спросил Тордек.

Я собрала уже целую толпу зевак всех возрастов и профессий. Даже группа стражей, возвращавшихся с обеда, не смогла удержаться.

– Ну... теоретически... это пальмы.

– Что это?

– Пальмы. Такие деревья... которые растут в теплых районах моего мира. В основном у моря.

– Но я просил лимоны.

– А я не отдел «Садоводство» в супермаркете. Отвлеклась. Думала о море... о доме... как там было круто и все такое. Так что вот вам пальмы. Да что не так? До сих пор я даже в горшках лимоны выращивала через раз, а тут целая аллея! Хватит капризничать, у вас все равно ничего не растет, пусть будут пальмы.

Согласна: в мрачном сквере возле набережной, утыканной горгульями и острыми пиками ограждения, три веселенькие пальмы смотрелись странно. И если бы кто-то спросил, как именно у меня получилось их вырастить, я бы ответила привычное «не знаю, само как-то вышло».

Ибо ни за что на свете не призналась бы, что, лишь на секунду закрыв глаза, я вспомнила плеск воды, бьющейся о камни. Почти ощутила ласковое солнышко на коже и ни с чем не сравнимый соленый запах моря.

Ты мне должна уже столько желаний – я и со счета сбился.

В мире балеопалов, где мы сидели на скалах, не было пальм.

Но тем и хороши мечты: в них все можно придумать.

Ужасно несправедлив тот факт, что мне не в чем идти на свидание.

В наличии джинсы, рубашки, бессменная кожаная куртка, форменное платье министерства, спортивный костюм, платье с бала и... все. Ничего из этого не подходило для свидания с Риджем, а чтобы одолжить у подружки, надо сначала эту подружку завести. Надо было дружить с Селин. Наверняка у нее этих платьев...

– Может, волосы завить? – вслух рассуждала я. – Или... хоть в занавеске иди! Что за мир?!

Именно это услышал проходящий мимо Самаэль и заглянул в комнату.

– Чего ты тут возмущаешься? Что опять стряслось? Знаешь, я даже не знаю, чего больше боюсь, проходя мимо твоей комнаты. Того, что услышу вопли и шум, или того, что тишину.

– Не знаешь, где за час достать новое платье? Собираюсь на свидание.

– С кем свидание?

– С Риджем.

– Тогда тебе не нужно платье. Ридж все равно его снимет.

Самаэль по-хозяйски уселся в кресле, всем видом давая понять, что не собирается уходить и продолжит надо мной издеваться.

– Шутка смешная, ситуация грустная. Как вообще жить, если на утрамбовывание темных душ в Аид и на свидание приходится одеваться одинаково?

День клонился к закату, и дом Вельзевула оживал, насколько это вообще возможно. Пришел из министерства Самаэль, где-то вдали процокала каблуками по коридору Селин. Дэваль, вернувшийся из дозора подозрительно помятый, не преминул сунуть любопытный нос в распахнутую дверь.

– Чего это вы тут делаете?

– Она собирается на свидание и не знает, что надеть, – тут же сдал меня старшенький.

– На свидание? С кем?

– С Риджем.

– Тогда надеть – неподходящее слово. Снять – вот то, что нужно.

– Я вас обоих сейчас стукну. По очереди.

– Тогда, чур, меня первым, я же младше, – фыркнул Дэваль.

Странное ощущение. У меня никогда не было братьев, которые бы подкалывали перед свиданием. Не уверена, что я без этого плохо жила, но, кажется, не настолько против, как хочу казаться. Мне не хватает семьи.

– Эй!

Компания была бы неполной, если бы не Дар, влетевший в комнату.

– Я вас везде ищу! Почему вы не сказали, что Аида наша сестра?! Вы – предатели! Я думал, у нас доверие! Я нарисую ваши портреты на помоечных баках, понятно?! О, привет, Аида. Добро пожаловать в семью.

– Ощущение, как будто кого-то не хватает, – задумчиво протянула я. – То ли кого-то рыжего, то ли кого-то с восемью лапами. Не все

зрители в сборе. Вы отстанете от меня или нет?! Можно мне собраться в одиночестве?

Братья дружно проигнорировали крик души и продолжили.

– Решили тебя не волновать, – сказал Самаэль.

– Скрыть, что по соседству живет сестра, – значит не волновать?!

– Да ладно, – Дэваль хмыкнул, – как будто ты не догадывался, что принцесса живет здесь не просто так.

– Я думал, она с кем-то спит.

Я поперхнулась и сложила на груди руки.

– Ну-ка, например?

Дар слегка стушевался.

– Ну... вообще, видя, как вы постоянно на ножах с Селин, то...

– Отлично. Ты считаешь, я привел в дом, где живу с женой, любовницу? Да еще и вот эту?

– Да ничего я не думаю! Сказали к Аиде не подходить, чтобы волоса с ее головы не упало, я и не подходил! – взорвался Дар. – Плевать мне, кого вы сюда водите! Сложно было рассказать? Да вы вообще собирались мне рассказывать? Хорошо, что приехала тетя! Предатели вы, все! Кроме тебя, Аида. Я правда рад. Ты куда-то собираешься?

– На свидание, – подсказал Дэв.

– С Риджем Каттингером, – добавил Сэм.

– У-у-у-у, – Дар за неимением свободных кресел плюхнулся на постель, – а разве мы, как старшие братья, не должны уберечь ее от ошибки?

– Уберечь Аиду Даркблум от ошибки, мой младший брат, еще никому не удавалось.

– Да что такого в Ридже? – не выдержала я. – Слегка самовлюбленный парень, что с того? Можно подумать, вы все – трое ангелочков. Один жену на оргии водит, второй темные души для забавы гоняет, а третий...

– Что? – испуганно встрепенулся Дар. – Я ничего не делал!

– Тренировки прогуливает. Давно я тебя на коньках не видела, а собирался аксели прыгать.

– Ридж – бабник, – пояснил Самаэль. – Каждую неделю новая девушка. Ухлестывает за тобой, пока ты недоступна. Могу предположить, как будут развиваться события. Он за тобой зайдет,

прогуляетесь вдоль Стикса. Потом в планах, разумеется, ужин. Тут Ридж скажет что-то вроде «Знаю, тебе непросто выдерживать отношение окружающих. Мне бы не хотелось, чтобы нам кто-то испортил вечер. Ты не против поужинать в моей квартире? Я приготовил кое-что особенное». И вот он ведет тебя в свою новенькую квартирку с видом на реку, где уже накрыт ужин для двоих. Потом расскажет пару забавных историй. А потом ты обнаружишь себя в его постели. Ну и потом несколько дней будешь гадать, серьезно у вас или Ридж уже забыл о твоём существовании.

– Звучит ну очень художественно, – рассмеялась я. – Селин опытом поделилась?

В меня полетела подушка, но я с легкостью увернулась.

– Ридж – один из немногих, кто ходит на Маскарады Мертвых для веселья, а не ради разрядки.

– Что выгодно выделяет его среди вас. Парень хотя бы не лицемерит.

– Эй, я тоже не хожу на Маскарады! – Дар сделал новую попытку пойти в атаку.

– А зря. Изобрел бы графическое порно, заработал – съехал бы от отца. Кстати, никто не знает, что можно сделать, чтобы слиться с обязанностями Повелительницы?

У Самаэля в прямом смысле этого слова вытянулось лицо.

– В каком смысле «слиться»?

– Ну... сделать что-то такое, чтобы Вельзевул сказал: «Так, этой идиотке ничего сложнее палки не доверять, начальником будешь ты, дорогой мой сын – старший, средний, внебрачный, воображаемый, – нужное подчеркнуть». Что ты так на меня смотришь?

– Ты сейчас серьезно?

– Ага.

– Не вздумай высказать эту мысль отцу, – неожиданно серьезно произнес он. – Такие вещи Повелитель не прощает.

Я только со вздохом махнула рукой. Лучше бы их Повелитель не прощал себе косяки в воспитании детей. И то, что он запер душу их матери в кучку пепла и сгнившего дерева. Вот это была бы драма, вот это был бы внутренний конфликт.

– Все. Хватит издеваться. Я пошла на свидание. И если кто-нибудь из вас его испортит, я испорчу вам жизнь, не дожидаясь передачи дел.

А если вас так волнует программа нашего свидания, то вот что я скажу. В мире, где не бывает беременностей и венерических болезней, тот факт, что кто-то проснулся в чужой постели, может волновать вас лишь в том случае, если вы завидуете.

– И этот человек устроил драку на оргии, – рассмеялся Самаэль.

А вот взгляд Дэваля мне не понравился. Он посмеивался вместе со всеми, но в глубине глаз, которые из голубых стали почти синими, таилось что-то... очень опасное, готовое вот-вот взорваться. Поэтому я схватила куртку и поспешила уйти.

– Ридж разобьет тебе сердце! – в спину мне крикнул Дар.

– У меня его нет, – отмахнулась я.

Над Мортрумом вошла луна. Выходя из ворот, отделявших особняк Вельзевула от города мертвых, я еще не знала, что этот вечер станет последним счастливым в моем посмертии.

Ридж будто удивился, когда меня увидел.

– Ты рано.

– Я планировала, как и полагается пафосной девице, на час опоздать, но меня достали братья Вельзевуловы. Решила, что лучше отморожу уши, чем продолжу слушать, как они соревнуются в остроумии.

– Сочувствую. – Ридж улыбнулся. – Не представляю, каково это: жить в одном доме с Самаэлем, Дэвалем и Селин.

– Примерно как в квест-комнате. Никогда не знаешь, из какой дыры вылезет очередная задачка.

– Что такое квест-комнаты? – спросил Ридж.

Я и забыла, что не дома. Ненадолго, но все же забыла – и за это свиданию определенно стоит поставить плюс.

Пока мы шли к центру, я рассказывала Риджу про развлечения смертной молодежи. Про квесты, квизы, шоу на «Ютьюбе», стендапы и все остальное. И невольно гадала: сколько ему лет? Вряд ли двадцать пять, на которые он выглядит.

Ну а потом случилось неожиданное:

– Тебе, должно быть, непросто справляться со всем, что на тебя свалилось.

– Ну... терпимо. А что?

– Мне бы хотелось сделать этот вечер приятным. Чтобы тебе не пришлось сидеть как на иголках в каком-нибудь баре, ожидая, что в

любую минуту войдет Олив Меннинг или Дэваль Грейв.

– Справлюсь с таким потрясением. Но спасибо за заботу.

– Предлагаю поужинать у меня. Я отвратительно готовлю, но отлично дружу – и по великой дружбе один хороший повар приготовил для нас ужин.

– У тебя, – повторила я в надежде, что Ридж поспешит объявить это шуткой.

Сговорились они с Самаэлем, что ли?

– У меня отличная квартира. Новая. С видом на реку.

– Ридж, ты серьезно? Ты правда считаешь, что затащить меня к себе домой на первом же свидании, даже не попытавшись сделать вид, что тебе хоть немного интересно пообщаться, – это хороший план? Ну хоть притворись!

– Аида, – парень посмотрел на меня слегка укоризненно, – только не говори, что ты пришла на свидание всерьез.

– В каком смысле? Как я, по-твоему, пришла?

– Ты не собираешься со мной встречаться. И нет никакого «интересно пообщаться». Ты согласилась назло Дэвалю, если бы не он – я бы получил отказ. И сейчас ты пришла не потому, что рассчитываешь на серьезные отношения или классическую схему «повстречались, переспали, поженились», а потому, что тебе хочется выбросить из головы этого мальчишку и отвлечься. Затащить тебя в постель у меня столько же шансов, сколько стать Повелителем. Что не мешает мне, естественно, пытаться – я все же оптимист. Но ты всерьез считаешь, что я наброшусь на тебя, едва мы окажемся одни? На тебя, девушку, выбросившую темную душу из окна министерства? Кстати, из моего окна даже удобнее – меньше лететь.

Ридж ткнул пальцем на один из корпусов. Всегда было интересно, что находится в зданиях на пути между особняком и колледжем. Оказывается, квартиры, в которых живут такие, как Ридж.

– К тому же твой отец оторвет мне голову, если я тебя обижу.

– Ты в курсе? – удивилась я. – В этом городе все знают обо мне больше меня?

– Догадаться не так уж сложно. Особенно тем, кто знал твою мать.

– Ты ее знал?

Ридж протянул мне руку.

– Идем. Поужинаем – и расспросишь. И если ответы не понравятся или тебе покажется, что я пристаю, – разрешаю выбросить меня из окна. Давай же! Там нет мерзкой Олив, психованного Дэваля, нравоучительного Самаэля, загадочного Харона и ревливой Селин. Только ужин, вино – и несколько часов болтовни.

Со вздохом я взяла его за руку и поплелась к лестнице, привычно кивнув горгульям у ее подножия – они так часто меня приветствовали, что игнорировать их казалось кощунством.

– Но если вдруг передумаешь насчет постели...

Одна из горгулий вдруг шевельнулась и показала Риджу кулак.

Оказавшись в его квартире, я поняла, что до сих пор понятия не имела, как живут обычные обитатели Мортрума. Я и не жила никогда рядом с ними.

Сначала довольствовалась крошечной каморкой, заваленной хламом в общежитии, куда селили новичков. Потом переехала в роскошный, но запустелый и, мягко говоря, устаревший морально особняк Вельзевула. Он пафосный, напыщенный, напоминает декорации к мрачному фильму. Но совершенно неуютный.

У Риджа оказалось иначе. Мебель и вещи, хоть и видали виды, были подобраны со вкусом и страстью к минимализму. Диван оказался развернут к большому окну, откуда открывался действительно неплохой вид на реку. Рядом, на низком столике, нас уже ждали несколько тарелок с закусками и графин с напитком. По виду он напоминал вино, но я отчаялась разобраться в их вкусах. Здесь, кроме эссенции, ничего толком и не любили.

Осмотревшись, я хмыкнула.

– Что такое? – спросил Ридж. – Недостаточно хорошо для принцессы?

– Просто интересно. Раз ты знал мою маму, значит, тебе довольно много лет.

– Больше, чем ты думаешь. Садись.

Оставив в качестве источника света лишь свечи, Ридж разлил вино и отсалютовал мне бокалом.

– Но при этом твой вкус отличается от вкусов большинства иных. Ты вполне современно – я имею в виду современную Землю – сочетаешь предметы интерьера, расставляешь мебель. Откуда такая насмотренность?

– Что тут сказать? – Ридж развел руками. – У меня было много подружек из числа душ. Скрывать не буду. Они обставляли свои жилища так, как привыкли, я запоминал, что нравится девушкам. Повернуть диван к окну и устроить ужин с видом на ночной Мортрум не требует усилий. А результат почти всегда гарантирован.

– Впечатляет. Так что там с моей мамой? Рассказывай.

– На самом деле ничего особенного. Я был судьей по ее делу. Вельзевул до сих пор относится ко мне с прохладой из-за решения.

– Погоди, в каком смысле судьей по ее делу? Что за дело? Я думала, она не умерла, ее душу не взвешивали. Или уже после смерти... ты знаешь, куда ее определили?

– Про суд тебе не рассказали? – Ридж слегка изменился в лице. – Демоны, Аида, поклянись всем на свете, что не сдашь меня отцу! Или Самаэлю. Или Дэву... Да никому вообще! Я думал, ты знаешь подробности.

– Клянусь, твой зад в безопасности. Выкладывай.

– Твой отец действительно привел Веронику в Мортрум в обход всех правил. Естественно, он это скрыл ото всех. Но не от Самаэля. Вельзевул всегда доверял старшему, любил среднего и забывал о младшем. Именно Самаэль первый понял, что смертному не место в Мортруме. Что Вероника сходит с ума. Хотя, если тебе интересно мое мнение, я бы тоже сошел с ума, если бы меня держали здесь взаперти.

Ридж обвел взглядом квартиру.

– В смысле «здесь»? Именно здесь?

– Ага. Ты думала, горгулья грозила мне просто так? Твоя мама их обожала. У твоего старшего брата отменная ирония. Но не забегай вперед, принцесса, не заглядывай в концовку, не дочитай до последней главы. Так вот, Вельзевул, естественно, не мог никому показать свою любовь. Стражи бы мгновенно почувствовали в ней живую. И она стала сходиться с ума. Но твой отец всегда ставил себя на первое место. Я люблю – и остальное меня не волнует. Поэтому Самаэль обратился в суд сам. Вельзевул был в ярости, но суды на тот момент были в подчинении Евы. Поэтому мне передали рассмотрение дела. Я пообщался с твоей мамой, понял, что она стремительно теряет разум, и вынес решение: вернуть ее на Землю. Вот так старший сын, которому Повелитель доверял, его предал.

«А младшего, которого любил, любить перестал», – подумалось мне. Иронично.

– И раз ты сейчас не судья... то что у нас там в последней главе?

– Досталось всем. Самаэль потерял шанс унаследовать статус отца. Ева ушла сама после смерти Лилит. А меня перевели в колледж. Ева убедила Вельзевула, что я лишь озвучил ее решение. Хотя это, разумеется, было не так. Но вот я здесь, почти заперт в квартире, где когда-то жила твоя мама. Но я не жалуясь. Место милое, вид хороший, колледж... я никогда не мечтал преподавать, Виртрум – мой дом. Но в жизни есть достаточно удовольствий, чтобы я ни о чем не жалел. Я действительно спасал невинную жизнь. И благодаря мне, вероятно, ты появилась на свет. Вряд ли Вероника дотянула бы до твоего рождения.

– Э-э-э... – Я поспешила отвлечься на закуску, потому что так и тянуло спросить, нормально ли, с учетом всей этой истории, теперь за мной ухлестывать.

Или это месть?

– Ты знал, кто я, на Маскараде?

– Что? – Ридж рассмеялся. – Нет, конечно, у меня и в мыслях не было, что ты можешь там оказаться. За кого ты меня принимаешь?

– За того, чьему самолюбию было бы очень приятно обладать дочерью того, кто разрушил твою жизнь.

– Эй, полегче. Вероника была моим другом. Может, не близким, но за то время, что я наблюдал за ней, мы определенно поймали общую волну. А тебя я пытаюсь соблазнить, потому что прошло двадцать лет. Если бы я вникал, кто там кому родственником приходится, то давно бы уже самоудовлетворялся перед зеркалом. Но это прерогатива стража Грейва.

Я чуть не подавилась вином. Отчасти потому, что не ожидала скабрезной шуточки в адрес Дэваля, отчасти потому, что Ридж потянулся ко мне с явным намерением поцеловать, но в основном – потому что в дверь кто-то громко постучал. Так яростно, что она чуть из петель не выпала.

Нахмурившись, Ридж отставил бокал. Мне прекрасно было видно вход с дивана, и я с интересом смотрела, как парень открывает дверь. В конце концов, он прав: я не беззащитный ребенок. А значит, самое страшное, что мне грозит...

– Даркблум! Со мной!

– Дэваль, ты серьезно?! – взвыла я. – Ты не можешь врывать сюда и портить мне свидание!

Сейчас в окно полетит кто-то незапланированный.

Но Дэваль снова сумел удивить:

– Самаэль велел всем стражам быть в архиве. Проблема с балеопалами.

Я витиевато выругалась. Ридж нахмурился:

– Что за проблема с балеопалами?

– Это дело стражей, Каттингер, – буркнул Дэв. – Тебе известно, что такое тайна?

– А тебе известно, что такое сестра, Грейв?

– Стоп! – Я взвилась с места и, схватив куртку, понеслась к выходу. – Вот здесь стоит остановиться. Ридж, спасибо за вечер, но дело действительно важное. Будем считать, я должна тебе половину свидания в другой раз.

– Две трети.

– Потом поторгуетесь, Аида, у нас десять минут на дорогу! Они не выпустят меня без напарника.

Надо же, а раньше выпускали. Самаэль действительно король воспитательной иронии и повелитель наставительного сарказма.

– Будь осторожна! – крикнул мне вслед Ридж.

Надо сказать, было приятно.

– Что именно случилось, он сказал? Балеопалы позвали нас? Снова кого-то убили? Вы нашли того, кто это сделал? Что мы сейчас будем делать, прочесывать их скалы или что?

Дэваль угрюмо молчал, не желая говорить там, где нас могли бы подслушать. Мы вышли из дома и спустились к реке, а потом двинулись в сторону архива. Примерно на середине пути Дэваль вдруг сбавил шаг.

– Эй, ты чего? – Я мельком взглянула на часы на башне вокзала. – Опоздаем.

– Не опоздаем.

– В каком смысле? Дэваль, что происхо...

И тут я догадалась. Осознание ударило меня пыльным мешком по голове. И я, не стесняясь, передала удар дальше. Два раза.

Дэв смешно, как мальчишка, пригнулся, чтобы не получить подзатыльник в третий, но я влепила ему пощечину и почти решила

откусить нос. Потом подумала, что продуктивнее будет просто уйти.

– Скотина! Такими вещами не шутят! Знаешь сказку о мальчике, который все время кричал «волки»? В следующий раз пойдешь в дозор в компании своей тетушки-сколопендры! Я возвращаюсь на свидание. Если ты его испортишь еще раз...

– То что? – ухмыльнулся гад. – Что ты мне сделаешь? Кому пожалуешься? Сошлешь меня в Аид, Повелительница?

– Знаешь что... Катись куда хочешь.

С этими словами я развернулась в надежде, что еще не поздно вернуться к Риджу и остаток вечера порыдать о том, как я задолбалась жить с идиотами, у него на диване.

Но Дэваль схватил меня за руку.

– Стой! Не уходи. Надо поговорить.

– Поговорим завтра. А еще лучше никогда. Мое любимое время для унылых разговоров.

– Да ты же не хочешь возвращаться на это идиотское свидание! – взорвался он.

– Я сама способна разобраться, чего хочу!

– Очевидно, нет, потому что ты согласилась, только чтобы выбесить меня.

– Как хорошо, что ты справился всего за полсвидания! У меня осталась еще целая половина.

– Две трети, – поправил Дэваль явно прежде, чем успел подумать. И улыбнулся.

Ненавижу, когда он улыбается!

Потому что это определенно запрещенный прием. У него красивая улыбка, а еще он так редко это делает, что я порой забываю, что вообще умеет. Он улыбается почти незаметно, лишь уголками губ, но когда делает это – у него теплеет взгляд. Интересно, замечает ли кто-то еще, что вокруг как будто становится больше красок?

– Ну и что за унылый разговор ты задумал?

– Решил, что нам пора зарыть топор войны.

– И я должна подчиниться? Ведь ты подумал и мы решили?

– А ты хочешь и дальше воевать?

– Позволь напомнить, Дэваль, что воюешь со мной ты. С самой первой встречи. Ты отправил меня на ржавом вагончике к Пределу.

– Просто порадовал папу визитом дочери.

– Пытался заставить меня стирать твою куртку.
Дэваль заботливо поправил на ней воротник.
– Но ты облила меня с балкона. И забрала куртку себе.
– Это компенсация за вагончик.
– Если тебе понадобится что-то еще из моей одежды, не нужно выливать на нее коктейль, просто попроси.
– Ты облил меня вином на Маскараде.
– Это компенсация за куртку.
Я недовольно засопела.
– Давай признаем: мы умеем портить друг другу жизнь. И идем практически вровень. Я чуть впереди.
– Это почему это ты впереди?
– Я же сорвал твоё свидание.
Крыть было нечем. Я села на перила набережной и задумчиво посмотрела вдаль, где виднелись три дурацкие пальмы, созданные на занятии.
– Скоро ты станешь Повелительницей. Как ощущения? – спросил Дэваль.
– Отвратительные. Я понятия не имею, что делать с вашим миром. Не могу в него влюбиться. Не могу стать здесь своей.
– Придется. Других миров для тебя у нас нет.
– Значит, я бы хотела что-то изменить. Сделать Мортрум... светлее. Живее. Ярче. Чтобы душа попадала в мир, в котором хочется измениться, а не удушиться. Понятия не имею, как это сделать, если умеешь только выращивать лимоны и пальмы. Но попробую научиться.
Я покосилась на Дэва. Он с задумчивым видом смотрел куда-то вдаль, на воду.
Хотелось так много ему сказать. Что мне не нужен статус, предназначавшийся ему, и уж тем более не нужна любовь его отца. Что я никогда не пойму Вельзевула, вдруг переставшего любить своих детей. Что, если вдруг однажды у меня будут дети или те, кого я смогу назвать детьми, я буду любить их, даже если они натворят что-то ужасное. Что хоть я и не знаю своего настоящего отца, уже ненавижу его за кровавые полосы на спине, которые до сих пор снятся в кошмарах.

Но я молчала. Отец – тот, который вырастил меня на Земле, – несмотря ни на что, многому меня научил. Но не успел научить втягивать иголки и быть хорошей.

– Нам придется быть рядом. Повелительница и ее страж.

– Мне не нужна свита. Я не собираюсь держать возле себя тех, кого это мучает.

– У тебя не будет выбора. Тебе нужны Селин, Сэм, Харон, я. Даже если ты будешь нас ненавидеть. Любить. Жалеть. Тебе все равно придется держать нас рядом. Ты же слышала балеопалов. Один из нас предал Повелителя, поднял руку на смертное существо, использовал его магию для своих целей. Ты должна держать всех, кто обладает такими способностями, рядом. Но при этом не можешь никому доверять.

– Даже тебе?

– Даже мне.

– Ну, – я невесело хмыкнула, – мне ты доверять можешь. Я бы точно не смогла убить балеопала и вырезать ему сердце. И кто остается?

– Я, отец, Сэм, Селин, Харон, Ева, парочка судей, пожалуй. Самое сложное – проход в тот мир. Таким даром обладает только Селин, но она не смогла бы убить балеопала. Если считать виновной ее, значит, есть второй. А если принять, что Селин ни при чем... мы уже видели, что порталы могут открываться и без ее участия. Ну или она это отлично скрывает.

– Ладно, и зачем кому-то из твоего списка убивать балеопалов?

– Просто навскидку: четверо из списка ненавидят моего отца, трое – считают, что наказание для Лилит было слишком суровым. Про Харона ничего толком не знаю, как и про судей. Но допускаю, что Вельзевул и им мог вывернуть нутро наизнанку. К тому же мы еще не учитываем темные души и участвовавшие прорывы. А если представить, что портал образовался сам, то можем приплюсовывать к списку всех сильных стражей. Итого получается... много.

Я вздохнула. Задача представлялась практически невыполнимой. Если убийца не выдаст себя, мы будем гадать до скончания веков, причем в прямом смысле: балеопалам надоест ждать.

Дэваль, судя по всему, думал о том же:

– Не хочу нагнетать, но, возможно, именно тебе выпадет принимать окончательное решение.

По коже прошел мороз: Дэваль имел в виду убийство. Если балеопалы решат напасть, уничтожить Мортрум, нам придется забрать их души сюда, в Мортрум. Навсегда.

– Когда я об этом подумал, то решил, что быть верным стражем Повелительницы может быть намного выгоднее.

– У меня сейчас голова взорвется. – Я потерла виски в надежде, что это хоть немного успокоит тревогу, но стало только хуже. – Можем мы насладиться славными временами, когда балеопалы в большей степени проблема Вельзевула, чем моя?

– Тогда пойдем выпьем?

Я покачала головой.

– Не хочу появляться на людях.

– Идем, не бойся. Я отлично отпугиваю излишне назойливых. В министерский бар не пойдем. В Мортруме достаточно мест, чтобы выпить вдали от любопытных глаз.

И мы направились в один из скрытых в укромном уголке города-замка баров. У него не было ни вывески, ни толп посетителей. Я до сих пор так и не исследовала весь Мортрум, предпочитая ходить по улице. И такие тайные уголки казались чем-то волшебным.

Внутри было тесно, но немногочисленно. Небольшое вытянутое помещение вмещало в себя только барную стойку, несколько высоких крошечных столиков с такими же высокими стульями и уже привычную для Мортрума горгулью. На этот раз неподвижную.

– Почему вы так любите горгулий? – спросила я. – Весь город ими напичкан. Некоторые как будто разумные.

– Они не разумны. Это... своего рода искусство. Как картины Дара. Когда магия уничтожала наш мир, в местах, где ее было особенно много, земля превращалась в монолитные глыбы. Они не были похожи на скалы или камни. Когда строили Мортрум, использовали эту породу в строительстве. И один из стражей-иных принялся вырезать разные фигуры по образу и подобию темных душ, виденных им у Предела. Кто-то решил, что это отличный символ города, и горгульи стали появляться на каждом шагу. А потом выяснилось, что напичканный магией материал может обладать разными интересными свойствами... С горгульями-то все понятно,

стоят и стоят, никому не вредят, только изредка хулиганят, но силу Вельзевула чувствуют и уважают. А вот с теми участками города, в которых использовался этот камень, возникла проблемка. То лестницы исчезают, то проходы ведут не туда, куда следует. То прорывы нет-нет да случаются... вот так мы и решили, что лучше будем гулять.

– Полезнее для здоровья, – хмыкнула я.

Ну и бардак у них творится.

– Что будешь? Эссенцию?

– Как обычно.

И правда: зачем им другие напитки, если можно получить в точности то, что хочется. Даже если сам не знаешь, что именно. Вот я, например, не знаю. Может, не отказалась бы от колы. Или минералки с мятой и лимоном. Посмотрим, чем удивит эссенция сегодня.

Я заняла один из дальних столиков в углу и с интересом осматривалась. Контингент этого места отличался от привычного бара, где я когда-то (казалось, прошла целая вечность!) отработывала провинность, таская коктейли. Вместо стражей и магистров здесь сидели... просто люди? Может, кто-то из компании парней за стойкой и преподавал в колледже, а кто-то ходит в дозоры к Пределу. Две девушки-подруги, весело беседующие за столиком у самого выхода, могли быть проводницами или сотрудницами министерства, которых я даже не замечала. Никто не обращал на нас внимания, не изменился в лице при виде Дэва, как это обычно бывает. На нас всем было плевать.

Ровно до тех пор, пока я не увидела Олив.

– Вы что, издеваетесь?! – выругалась я.

Если это тоже дело рук Дэваля, то сегодня его последний вечер в мире относительно живых. Я в зубах дотащу его до Стикса и там искупаю, если это потребуется.

Повесив плащ на вешалку возле стены, Олив остановилась и обвела взглядом зал, словно кого-то искала. У меня мелькнула мысль быстро юркнуть за барную стойку и пробраться к выходу, но я заставила себя сидеть на месте. Если меня застукают прячущейся от Олив – это будет позор века.

Когда я только оказалась в Мортруме, мне можно было посещать самостоятельно лишь столовые в колледже и министерстве. Двери таких заведений закрывались перед носом у тех, кто не успел заработать авторитет и уважение в местном обществе. Но Олив

спокойно разгуливала по городу, не стесняясь баловать себя вечеринками после работы. Интересно, откуда такое уважение в обществе?

Увидев меня, она ехидно ухмыльнулась и направилась напрямиком к нашему столику. Надежды на то, что Олив явилась просто выпить после тяжелого дня, растаяли. Она искала меня. Может, даже следила, что определенно снимает часть подозрений с Дэваля.

Я стоически выдержала ее взгляд и мысленно приготовилась к борьбе.

В это же время от барной стойки с двумя бокалами эссенции возвращался Дэваль. Он не смотрел на меня, но увидел Олив и одним выражением лица снял с себя все подозрения. Если бы мне понадобилось описать это выражение, я бы использовала фразу «ты серьезно приперлась сюда именно сейчас?».

А потом Дэваль сделал то, чего я от него никак не ожидала. Он обогнал Олив, встав у нее на пути, и наклонился, чтобы прошептать что-то на ухо. Что-то длинное. И не очень приятное, потому что с лица Олив сошла довольная улыбка.

Она почти с ужасом посмотрела на Дэваля, потом не посмотрела на меня (и я даже не могу представить, что заставило ее забыть о моем присутствии). А потом рванула к выходу, напрочь забыв о плаще, так и оставшемся висеть на крючке.

Я поспешно отвернулась, сделав вид, будто увлечена, рассматривая горгулью. Почему-то не хотелось, чтобы Дэваль знал, что я видела сцену с Олив.

– Спасибо. Что это за место? О нем, судя по всему, мало кто не знает.

– Всего лишь небольшой бар для своих. Что ты улыбаешься?

– Ничего. Просто люблю уютные места.

И когда меня защищают. Неожиданное ощущение.

Я пригубила эссенцию и нахмурилась.

– Что не так? – спросил Дэваль.

– Я не чувствую вкуса. Вообще никакого. Эссенция какая-то странная.

Взяв у меня бокал, он сделал глоток и задумчиво на меня посмотрел.

– Просто ты ничего сейчас не хочешь. Даже интересно почему.

Кажется, мы вышли из бара далеко за полночь. Во всяком случае, большинство столиков уже опустело. Пить безвкусную эссенцию мне не хотелось, поэтому я знатно развлеклась, пробуя весь ассортимент местных напитков. По всему выходило, что алкоголь на Земле интереснее и разнообразнее. А здесь все напитки – как будто мы не в мире, где души после смерти пытаются избежать страшной участи, а в книге, где, чтобы не попасть на плашку «18+» из-за пьющих героев, автора заставили выдумать фэнтезийные коктейли. И с задачей он, мягко говоря, не справился. Из приличного одна эссенция, и та с непредсказуемыми вкусовыми качествами.

Но было весело. Особенно когда я попробовала странную серебристую жижу – это оказалось нечто похожее на ряженку со вкусом жженных орехов. Ряженку я любила, папа часто покупал ее в русском магазине, а вот орехи ненавидела всеми фибрами души: они застревали в зубах и падали в желудок неперевариваемым кирпичом. Поэтому сочетание этих продуктов я восприняла как личное оскорбление.

Улицы Мортрума в этой части опустели. Где-то в центре наверняка еще теплилась жизнь, народ тусовался и общался, но в этой части все замерло. Мне не хотелось идти домой, почему-то казалось, стоит переступить порог особняка, как магия, спасшая вечер, рассеется. И наступят мрачные будни.

– Как выглядит Виртрум? – спросила я, вспомнив, что суд над Харриетом и Шарлоттой стремительно близится.

– Город в небе. Что-то типа скал, в которых живут балеопалы, но парящих над Стиксом. На скалах – замок, похожий на Мортрум. В Виртруме живут только судьи и их помощники. У стражей есть допуск на сопровождение, но без душ вход туда закрыт. Поэтому тебе нужна Ева. Раньше она была главой судей.

– А потом ушла?

– Ага, – коротко ответил Дэваль, и мой план ненавязчиво проверить историю Риджа провалился.

Не стовариваясь, мы остановились у перил набережной. Я, задрвав голову, рассматривала небо в бессмысленной надежде увидеть хоть одну маленькую звездочку.

– Решила, на чью сторону встанешь на суде?

– Нет. Не знаю. Неправильно заставлять выбирать, в их истории нет злодея и героя. Это всего лишь две запутавшиеся души.

– Аргумент красивый, но вряд ли он впечатлит судей. Придется выбрать.

– Знаю. Но буду оттягивать этот момент так долго, как смогу.

– Ты давно не каталась.

– Стикс давно не замерзал. У Самаэля нет времени на то, чтобы замораживать для меня лед.

– Не только Сэм так умеет.

Обернувшись, я увидела стремительно замерзающий Стикс. Прямо на наших глазах река покрывалась корочкой льда, разрисованной морозными узорами.

– У меня нет коньков.

– Хорошо, что я захватил.

Он показал куда-то вдаль, где у спуска к воде виднелись прислоненные к перилам коньки. Я попыталась вспомнить, как не заметила их в руках Дэваля, пока мы шли, и поняла, что их не было!

– Ты что, оставил здесь коньки без присмотра?!

– За ними присматривал я! – раздалось откуда-то снизу.

Перегнувшись через перила, мы увидели на льду Дара. Неуклюже переставляя ноги, он пытался делать «фонарики», которые я показывала в прошлый раз. И выглядел совершенно безмятежно счастливым.

– Вы что, все в этом участвовали?! И где ваш старшенький? Сидит в кустах и ждет, что мы начнем драться?

– Нет, он назвал нас придурками и сказал, что не будет участвовать в глупой затее. А еще – что ты откусишь нам головы и он даже не станет тебя наказывать.

– Ого! Исторический момент! Жаль, что он будет все отрицать.

– Так ты будешь кататься? Или я зря с этим, – он кивнул на лед, – возился.

Буду ли я кататься? Да это риторический вопрос!

Дар сдулся быстро, уже через полчаса запросил пощады, выполз со льда и отправился восвояси. Наверное, ему было скучно со мной. Я сегодня не была настроена работать тренером. Мне хотелось снова испытать ощущения скорости, свободы, скольжения.

И порисоваться – чего уж там – тоже хотелось.

Я знала – почти чувствовала, – что Дэваль внимательно наблюдает. И, наверное, так не держала линии даже в лучшие сезоны в карьере. Если бы тренеры видели, с какой легкостью я захожу в прыжки и вращения, они смахнули бы скупую слезу гордости за ученицу, раскрывшую таки талант.

Ни с чем не сравнимый звук, с которым лезвие рассекает лед, напоминал о счастливом времени, когда второе место казалось трагедией, а все мечты сводились к олимпийским кольцам и мировым турнирам.

Когда я в себе это потеряла? Когда перестала быть девочкой, прыгающей сальхов с вытянутыми к небу руками? Когда в последний раз чувствовала, как внутри все замирает от восторга в миг, в котором вращение набирает обороты? Когда ты ловишь этот баланс, точку равновесия – и физика все делает сама, поймав начальный импульс?

Я давно перестала быть девочкой, которая катала программу о потерянной принцессе или образ Жизель в легком светлом платье. Превратилась в Аиду Даркблум, мертвую девушку, рисующую на льду куда более мрачную и грустную историю.

Историю о том, как девочка перестала быть собой.

Остановившись, поняв, что сил больше нет ни на один прыжок, я подумала, что однажды наберусь смелости, научусь по желанию пробуждать доставшуюся от Вельзевула силу и попробую тройной аксель. Прыжок, который в детстве был недостижимой мечтой, отделявшей меня от серьезной борьбы за медали, теперь стал обычной целью. Жаль, что для этого пришлось умереть и оказаться дочерью иного.

Рядом на лед что-то упало.

Присмотревшись, я увидела игрушку. Небольшого дельфина, наверняка купленного в каком-то сетевом магазине. Самую обычную игрушку, вдруг напомнившую о часе, проведенном у края скалы, возле бескрайнего океана чужого мира.

– Это что? – Я обернулась, подняв дельфина.

Дэваль тем временем спустился на лед, остановившись в нескольких метрах от меня.

– В твоём мире после выступления на лед кидают игрушки. Я знаю, мне рассказали.

– Папа всегда кидал. На соревнования юниоров не собираются зрители. Только судьи да близкие фигуристов. И он всегда приносил с собой игрушку и кидал мне на лед, как взрослой фигуристке. Я чувствовала себя Евгенией Медведевой, не меньше, когда ехала за игрушкой и, держа ее, возвращалась к тренеру. Иногда его даже ругали за то, что превращает соревнования в балаган. Но он все равно приносил.

Я подъехала еще и затормозила слишком близко. Но солгала бы, если б сказала, что случайно. От Дэваля – на контрасте со льдом – исходило тепло.

– Спасибо. Точно не хочешь, чтобы я научила тебя кататься?

Голубые глаза опасно потемнели. Кажется, в их оттенках – все его эмоции.

– Хочу поцелуй.

Я покачала головой.

– Нельзя.

– Вокруг никого нет.

– Дело не в окружающих. Отодвигая границы допустимого, можно пересечь черту, за которой наш личный ад.

– Через несколько дней тебя представят официально. Я не такой, как твой отец, Аида. Мне не хватит решимости бросать на твой лед игрушки и дальше.

Поднявшись на зубчики, я коснулась его губ своими, чувствуя, как по телу разливается тепло. Ладонью коснувшись груди Дэва, я смогла решиться лишь на бесконечно долгое, но все же почти невинное соприкосновение губ.

Как будто то, что мы не целовались по-настоящему, сделало нас менее безумными.

– Ты так и будешь меня избегать?

Вельзевул услышал ее шаги уже давно, но не шевельнулся. Бесконечная стена Предела мерцала перед его взором, сбивая с мыслей о реальности. Одна из причин, по которой он здесь, – это способность границы между мирами заставить забыть обо всем, что не хочется помнить.

– Тебя вызвал Самаэль, а не я.

– И ты недоволен его решением.

– Я передал министерство в его управление. Он сам вправе решать, какая помощь ему требуется. Зачем ты пришла?

– Подумала, что время, возможно, исцелило наши обиды.

– И как?

– Мои – нет.

– Тогда справедливого суда, Ева.

– Я пришла не ради себя. А из-за мальчиков.

– Они уже давно не мальчики, если ты не заметила.

– Но им все еще нужен отец. Особенно Дэвалю. Ты имеешь право ненавидеть Лилит или меня, но твои сыновья не заслужили такого отношения. Им больно, Вел. У них всегда были родители, мама и папа. А теперь мать практически мертва, а им не позволено даже навещать ее могилу. А для отца они перестали существовать. Почему мальчики должны платить за предательство матери?

– И мы снова возвращаемся к разговору, который уже набил оскомину. Я делаю все, что могу, Ева. У них есть дом, статус, уважение, они ни в чем не знают нужды и служат нашему миру, как и положено наследникам Мортрума.

Вельзевул не видел Еву, не хотел к ней поворачиваться. Образ жены за годы, что Лилит заперта в Аиде, изрядно потускнел, и ему не хотелось добавлять ему красок. Когда-то Ева и Лилит казались ему совершенно разными, и он не понимал, как другие иные их путают. А теперь он порой забывал, что перед ним Ева, а не ее сестра.

– Я не понимаю тебя, Вел. И надеюсь однажды достучаться и понять, что случилось, потому что Самаэль, Дэваль и Дарий для меня дороже всего на свете. И я не оставлю попыток вернуть им отца.

– Поступай как знаешь, – равнодушно откликнулся он. – Что-то еще?

– Да. Разреши Дэвалю и Аиде быть вместе.

– Исключено.

– Вел! Какая разница, есть ли у них общий отец? Мы же не смертные! Кровь для нас не имеет значения! У них не может быть детей, они не росли вместе, всем плевать, что между ними происходит! Неужели ты сам не видишь, как они с ума друг по другу сходят? Хорошо, ты разочарован в Дэвале, но дочь ты окружил обожанием и готовишь на свое место – так разреши ей испытывать чувства к тому, к кому она хочет! Аиду ты за что наказываешь?

– Аида переживет неудачную первую любовь. Она еще молода, к тому же наполовину смертная. Ничего с ней не случится.

– То есть дело в Дэвале? Тебе важно наказать его? Может, ответишь на вопрос «За что?». Что случится, если он будет счастлив с твоей дочерью? Он потерял мать, отца, неужели не заслуживает, чтобы его хоть кто-то любил?

– Ни один из ее детей не прикоснется к моей дочери! Ни один не станет равным ей! – рыкнул он.

Предел, уловив его ярость, замерцал. Вельзевул обернулся. Ева дрогнула, но не сдвинулась с места, лишь нервно перебирала лапами, словно с трудом сдерживала звериные инстинкты.

– Они и твои дети, Вел!

– Аид тебя раздери, ты прекрасно знаешь, что это не так!

На несколько секунд повисла гнетущая тишина.

– Не так? Вел, что за чушь ты себе придумал? Лилит никогда бы так не поступила. Она любила тебя. Да, порой наши убеждения оказываются сильнее любви, но ты всегда был ее единственной любовью. Я знаю, что говорю, я ее сестра!

– Ты – глупая наивная дурочка, Ева. Слово «любовь» твоей сестре было незнакомо. Открой глаза! Лилит не любила меня, а использовала мою силу. Лилит никого не любила! Хватит отрицать очевидное! Это она расколола мир, из-за нее мы прокляты! Она уничтожила твою любимую Пангею, как ты еще не поняла?

– Нет, – Ева покачала головой, – нет, Вел, ты обезумел от боли и обиды. Лилит, как и мы с тобой, хотела спасти наши миры. Да, в борьбе с чудовищами она сама стала чудовищем, но любовь к тебе она предать не могла.

– Она поклялась в Элизиуме.

– Ты лжешь...

– Нет, Ева, не лгу. Твоя сестра под умирающим солнцем Элизиума повторила это. В нем не может солгать даже арахна. Аида – мой единственный ребенок, и вот тебе причина, по которой именно ей я передам Мортрум.

– Но они ведь были твоими детьми. Росли у тебя на глазах. До сих пор считают тебя отцом. Вел, хотя бы объясни им.

– Мне нужна их верность, Ева.

– Это жестоко.

– А я и не обещал, что будет легко.

– С Аидой ты поступишь так же, если она тебя разочарует? Если окажется недостаточно хороша для Повелителя мира мертвых?

– Самаэль ее обучит. Она не допустит серьезных ошибок.

– Самаэль, я так понимаю, знает, что не твой сын, раз спокойно принял девочку и взялся ее обучать? Ты должен рассказать Дэвалю и Дару.

– Нет, – отрезал Вельзевул. – У Дэваля слишком сильная связь с матерью. Даже запертая в Аиде, Лилит может на него влиять. Если он поймет, что я не его отец, их связь усилится. Это может навредить. Самаэль со мной полностью согласен. И я запрещаю – слышишь, запрещаю тебе! – рассказывать им о том, что ты сегодня услышала. Ни Дэвалю, ни Дару, ни Аиде. Если ослушаешься...

Она рассмеялась. Звонкий смех эхом прокатился по пещере и растворился в магии Предела.

– То окажусь в Аиде, в соседней клетке с сестрой?

– Мы договорились, Ева. Таково было условие. Ты свободна до тех пор, пока не идешь против меня.

– Не волнуйся, – холодно ответила арахна. – Я верна своему слову.

– Тогда я больше не хочу тебя видеть. Ступай и займись тем, для чего тебя пригласили.

У выхода она обернулась. Ему хотелось, чтобы она ушла как можно скорее. Перестала быть тенью старого кошмара.

Вельзевул так и не узнал, кто отец детей, которых он называл своими. Сэм, Дэв, Дар – он помнил каждую минуту, проведенную с ними. В Мортруме дети – чудо. Никто не осмеливался посягнуть на его власть, зная, что Повелитель даровал Мортруму величайшее благо: сразу трех наследников, трех будущих стражей. Он с нетерпением следил за тем, как мальчики росли, как развивались их силы. Помнил, как впервые увидел талант Дэваля и понял, что перед ним он, будущий Повелитель. Не старший сын, ответственный и исполнительный, но совершенно бездарный. Не младший, пропадающий в мастерской наедине с красками и холстами. А именно средний, немного нелюдимый и вспыльчивый, но бесконечно обожающий отца синеглазый мальчишка, так похожий на мать.

Наверное, Вельзевул многое отдал бы, чтобы снова почувствовать к своим детям то, что чувствовал раньше. Но признание Лилит

уничтожило любовь к ним, сожгло ее дотла.

Он с трудом выносил взгляд Самаэля, в котором чудился немой укор. И совсем не мог заставить себя смотреть на Дэваля. И тот как будто чувствовал, испытывая его терпение с каждым разом все изощреннее. Порой Вельзеву казалось: Дэваль все понимает. В глубине души он знает, почему перестал существовать для отца, но не хочет себе признаться.

Как бы там ни было, они все – часть Мортрума. Аиде пригодятся такие стражи. Ее ждет много трудностей впереди, и будет справедливо, если дети Лилит, плоды ее обмана, помогут восхождению истинной наследницы.

– Мне жаль, Вел, что Лилит так с тобой поступила. Я не поддерживаю твою политику и твои действия, но я никогда и никому не пожелала бы лишиться родных детей.

– К счастью для всех нас, мы уберегли Аиду.

– Вряд ли она разделяет твое мнение. Счастливой ее не назовешь.

Что он на это мог ответить? Счастье – привилегия, недоступная тем, кто встает между тьмой и крохами, оставшимися от некогда прекрасного мира. Мира, кусочек которого они зовут Элизиумом. Ради которого живут и о котором мечтают все души Мортрума. Мира, которого давно не существует, – и это главный секрет Повелителя мертвых, который совсем скоро умрет вместе с ним.

Глава десятая

День суда наступил неожиданно. Вот я сижу на занятиях у Тордека и занимаюсь мелким садоводством, вот сортирую какие-то скучные бумажки в приемной Самаэля, вот после работы иду снимать мерки для платья к приему, а вот Самаэль ловит меня в коридоре вечером и говорит:

– Завтра утром будь готова, вы с Евой отправляетесь на суд.

И все: здравствуй, бессонная ночь и навязчивые мысли.

Я так и не решила, на чьей стороне выступлю. Иногда казалось логичным поддержать Харриета, ведь он ничего не знал о будущей судьбе Шарлотты и всего лишь спасал свою жизнь. Иногда становилось жалко бедняжку, проведшую много лет в холоде и тьме. Но чаще всего я искренне желала провалиться в Аид всем, кто придумал этот бред с оцениванием душ и вершением чужих судеб.

– Система на Земле кажется мне честнее, – сказала я Дару, когда вечером заглянула на чай. – Там судят за каждое преступление один раз, дважды судить не могут. Совершил что-то незаконное – вот тебе твоё наказание. Отбудешь – возвращайся на свободу. А уж хороший ты человек или первостатейная мразь – не дело суда. Никто тебя не оценивает, значение имеет поступок только здесь и сейчас.

– И что же здесь справедливого? – удивился Дар. – Если человек всю жизнь убивал, но попался на краже – его судят только за кражу? Это же неправильно. По-моему, наш суд глубже. В расчет идут все поступки, и плохие и хорошие. И если ты в целом хороший человек, одна ошибка не сможет повлиять на решение.

Тут задумалась уже я. И, когда в дверь постучал Самаэль, поняла, что не проспала и часа. Из зеркала смотрело нечто недовольное, взъерошенное и серенькое. В прямом смысле: для участия в суде выдали еще одно платье, точно такое же, как форменное колледжское, только серое.

– Все души в Виртруме должны носить серое в знак того, что по ним еще не вынесено решение.

– А по мне оно не вынесено? – хмыкнула я. – Что, еще веришь, что я заработаю на Элизиум?

– Нет, надеюсь, что нахулиганишь на Аид.

Мы вышли из дома и спустились к набережной, где уже ждала Ева. Я так хотела спать, что даже не испытала привычного приступа отвращения при виде паучьего зада. А может, начала привыкать. Вообще если смотреть только на верхнюю часть арахны, то она удивительно красива. Если смотреть на нижнюю – много вопросиков к Вельзевулу.

– Доброе утро, – вежливо поздоровалась я.

– Здравствуй, Аида, – холодно отозвалась Ева. – Прошу.

До Виртрума нас должна была доставить небольшая лодка. Не крошечное суденышко, к счастью, иначе меня бы сразу же укачало. На палубе было где побродить и размяться, но вот для сидения были лишь твердые неудобные скамьи. Никакого уютного уголка, чтобы свернуться калачиком и поспать.

– А если пойдет дождь? Здесь даже укрыться негде.

– Не пойдет, – ответил Самаэль. – Вы должны вернуться до заката.

– Я помню, Сэм.

Ева тепло ему улыбнулась, и я даже немного позавидовала. У меня вдруг нашлись отец и три брата, но все равно не осталось тех, кто так же ласково бы прощался со мной. Этого очень не хватает.

Когда мы сели на скамейки, лодка сама по себе оторвалась от берега и устремилась к центру реки. Почти сразу я взбодрилась, поняв, что впервые покидаю Мортрум. И скоро увижу парящий город, о котором так много слышала.

– Я тебя пугаю? – вдруг спросила Ева.

Погруженная в размышления, я не сразу поняла, о чем она.

– Ну... немного. Я стараюсь этого не показывать. И постепенно привыкну. Просто я из мира, в котором насекомых многие боятся.

А дальше последовал совсем неожиданный вопрос:

– Как думаешь, с чем это связано?

– В школе говорили, что мы боимся змей и пауков из-за памяти предков. Когда всякие неандертальцы, или кто там был до нас, жили в единении с природой, укусы змей и насекомых часто приводили к гибели. Их панически боялись, и этот страх отпечатался на всех будущих поколениях. Может, мою доисторическую прапрапрабабулю сожрал тарантул, и из-за нее теперь на меня обижаются дальние родственники.

– Хорошая версия. Вы, смертные души, умеете объяснять то, чего не понимаете.

– Она неверная, да? Есть какое-то магическое обоснование?

– Отчасти верная. Прайор сказал, что дал тебе задание расспросить меня о других мирах, но ты боишься.

Я слегка покраснела. Не потому, что стеснялась своих чувств по отношению к тетушке Дэваля, а потому, что магистру пришлось брать мое задание в свои руки. Это ж надо так любить педагогику. Ну или бояться Вельзевула...

– Я собиралась спросить сама. Но я еще мир балеопалов-то не осознала. А меня просят уже заглянуть в другой.

– Я говорила Самаэлю, что тебя обучают слишком быстро. Но таково решение Повелителя.

– Задолбали уже его решения, – в сердцах, не ожидая такого от себя, буркнула я.

Подошла к борту и оперлась на перила, всматриваясь в темные воды Стикса, где все так же проплывали огоньки душ, не подозревая, какие драмы разворачиваются в пока еще недоступном для них мире. Счастливые.

– Быть врагом Вельзевула непросто, – произнесла Ева. – Но быть его любимым еще сложнее. Ты справишься, думаю.

Ну вот: единственный, кто меня поддерживает, – это гигантская женщина-паук, на которую я не могу без содрогания смотреть.

– Так что там с заданием? – через несколько минут спросила я. – Магистр хочет, чтобы я заглянула в какой-нибудь мир, как получилось заглянуть к балеопалам. Харон пытался что-то рассказать о мире, где нет земли, или о мертвом мире, но он сам почти ничего не знает, и я даже представить не смогла.

– Прайор ведет тебя длинным путем. Он хочет, чтобы ты увидела нашу историю, но беда в том, что сам до конца ее не знает. Ты знаешь, кто я?

– Арахна. Представитель мертвой расы из глубин вселенной.

– Верно. Я не знаю ни как появилась, ни своих предков. Никогда не видела других арахн, кроме сестры. Арахны бессмертны. Нам не нужны воздух, вода, еда, мы не боимся ни одной силы во вселенной. Ни того, что вы называете радиацией, ни того, что здесь, в Мортруме, считают магией. Мы живем в безжизненных, лишенных света и жизни

мирах. Существоем в бесконечном пространстве на безжизненных камнях, рассыпанных по вселенной. Я даже не помню, сколько мы с Лилит провели в таком существовании. Наверное, многие тысячи лет. Время стирает воспоминания, особенно если в них нет ничего, кроме безжизненного серого мира. Снова и снова. Год за годом. Там, где я выросла, даже времени не существует, ведь нет смены дня и ночи.

Не скажу, что после этих слов перестала ужасаться паучьему брюшку и восьми лапам Евы, но сочувствия стало больше. Веками летать на каком-то астероиде...

– Вельзевул считает, что мы с Лилит не помним наше детство и жизнь до Пангеи...

– А что такое... – Я осеклась под укоризненным взглядом арахны. – Извините. Продолжайте.

– Вельзевул считает, мы с Лилит были скорее животными, чем разумными существами. Сама подумай: нас никто не учил общению, никто не объяснял, кто мы и для чего существуем. У нас не было нужд, которые заставляют разум развиваться. Мы ничего не боялись, нам ни разу не причиняли боль. Мы просто жили... как две букашки под огромным камнем. И тут случилась катастрофа.

Я честно пыталась осмыслить то, что говорила Ева, но не могла. Не хватало знаний, воображения, мозгов. Во всех сериалах, что я смотрела, магические миры уже существовали, и никто не объяснял их происхождение. Эльфы были эльфами, орки – орками, а другие планеты представлялись прекрасными технологичными мирами. Нигде не рассказывали, что было «до». Откуда появились феири и как на Татуине зарождалась жизнь.

– Даже если ты спросишь, я не смогу ответить, что это была за катастрофа. Может, смертные души нашли бы объяснение и для нее: метеорит, столкновение планет, что там еще есть в ваших легендах о космосе? Сама я мало что помню. Лишь вспышку, сильный удар, страшную боль – мы никогда не испытывали боль прежде. А потом мы с сестрой очнулись уже в новом мире. И он был прекрасен.

Ева смахнула с ресниц слезы. Я настолько не ожидала от нее такого проявления простых человеческих эмоций, что растерялась и осторожно погладила ее по ближайшей конечности, до которой дотянулась, – по лапе. Не скажу, что это было очень приятно.

– Я оценила, – фыркнула Ева. – Ты начинаешь мне нравиться, Аида Даркблум.

– А ты умеешь делать паутину? – спросила я.

– Кажется, показалось.

Мы дружно похихикали, и атмосфера стала чуть менее напряженной. Ладно, Ева все еще вызывает во мне смешанные чувства, но, в отличие от Вельзевула, она не выглядит бесчувственным монстром. Хотя если смотреть на внешность, то все должно быть совсем наоборот. Глубокая мысль, надо будет записать.

– Это был мир, которого мы с Лилит никогда не видели. Полный жизни, природы, красоты. Невероятный мир. Над бескрайним океаном парили острова, а реки с них шумными водопадами обрушивались на скалы. Север искрился от чистейшего снега и ледяных гор, напоминающих хрустальные дворцы. Мы назвали этот мир Пангеей.

– На Земле так называют большой материк, который существовал когда-то давно и потом раскололся на континенты.

– И это тоже верно, разумеется. Просто тогда произошло еще кое-что... Мы с Лилит впервые оказались в живом мире. И нам пришлось выживать. Мы все еще не нуждались в пище и воде, но некоторые обитатели Пангеи причиняли нам боль, а боль нам не нравилась. В небе в бесконечном танце кружили хищные птицы, их клювы и когти оставляли болезненные шрамы. В океане нас поджидали балеопалы, ломающие наши хрупкие кости своими мощными телами. Иные охотились на нас из страха перед неизвестностью, хотя мы никогда не нападали, лишь защищались. Прошло много лет, прежде чем нам удалось научиться жить в новом мире. И мы поняли, что если не обуздаем его, то не сможем здесь жить. А мы хотели. Очень хотели жить в этом прекрасном мире, который подарил нам смысл существования. Мы любили их всех. Балеопалов, птиц, душ – всех, кто дышал, жил, любил и был частью Пангеи. Мы не хотели никому зла, но мы не были частью их мира, и для нас остался лишь один выход – стать богами. Взять власть над миром в свои руки, получить контроль над его законами. Так мы нашли в себе способность управлять энергией, которую сейчас мы зовем магией здесь и жизненной силой в немагических мирах. Мы получили власть над бессмертными душами.

– То есть когда-то все миры, которые мы называем немагическими, были одним большим миром? – недоверчиво уточнила

я.

И снова в голове всплыла знакомая картинка. Пазл из шести кусочков, собирающийся в одну большую карту мира. Я думала, что воображение само нарисовало это воспоминание из детства, вдохновившись рассказами об иных мирах, но что, если я действительно собирала воедино разрозненные кусочки некогда существовавшей Пангеи? Этот мир не может быть еще более безумным.

– Все верно, Аида. Когда-то все мы жили в одном мире, были частью большого круговорота душ. Балеопалы, птицы, люди – это были лишь формы, в которые перерождались души. Смерти не существовало. Не существовало Мортрума, судей, кастодиометров. Все это придумали позже, когда случилось непоправимое, а до этого была прекрасная Пангея и мы, ее хранительницы, сестры-арахны. Ева и Лилит. Души боятся таких, как я, лишь потому, что помнят, какими жестокими мы были, восходя на вершину. Должно быть, мы стали вашим проклятьем, потому что лишь с нашим появлением вы узнали, что такое смерть. Не новый этап жизни, не перерождение, а вечная тьма. Такая же, в какой существовали мы с Лилит и в которую отчаянно не хотели возвращаться снова.

– И что случилось потом?

– Не знаю, Аида. Нарушился баланс энергий. Мы заигрались. Система была в идеальном равновесии, магия не вредила миру, потому что ее количество оставалось неизменным. Но то, что мы делали с душами, нарушило этот баланс. Мир развивался, становился сложнее и прекраснее, но цепочка, запущенная мной и Лилит, породила войны, конфликты, катастрофы. Мы словно объяснили Пангее, что такое тьма. Мы стали для мира не хранителями, а палачами. Лилит попыталась исправить содеянное, создав сильных магов, передав им энергию в надежде, что они вернут баланс, но все стало еще хуже. Магия отравляла мир, в нем просто не было достаточного количества душ, чтобы не вредить ему. Мы слишком многих погубили. А новые души, которые мы создавали, были... другими. И их становилось все больше и больше, пока мир не раскололся на части. С этого момента начинается история Мортрума – одного из осколков Пангеи.

– Тордек рассказывал нам его историю. Но он говорил, что Мортрум был так же прекрасен, как Земля, и даже круче.

– Верно. Но так вышло, что Мортрум стал осколком, приютившим большую часть душ. Их магия его уничтожила. Остался лишь Элизиум – крохотный клочок первозданной жизни. Райский уголок. Души не сразу нашли способ перерождаться в других мирах. Их становилось все больше и больше. Этот мир был слишком мал, чтобы быть домом для душ, и они стали искать другие осколки. Так они нашли Землю. Так они поняли, что могут попытаться спасти остатки своего мира, который продолжал медленно умирать. Мы с Лилит были в отчаянии. Наяву сбывался наш страшный кошмар – мир, который мы так любили, становился подобием безжизненного булыжника, на котором мы родились и выросли. Тогда на помощь пришел Вельзевул. Он восстановил хрупкое равновесие, и они с Лилит полюбили друг друга.

– И что случилось с этой любовью?

– С ней случилась Лилит, – со вздохом ответила Ева. – Случившееся сильно ударило по сестре. Страх потерять все лишил ее разума. Она перестала быть богиней Пангеи и стала лишь женой Повелителя. У них оказались слишком разные взгляды на существование миров. Она пыталась вновь объединить миры, Вельзевул считал, что это невозможно. И что существующая система приведет нас в Элизиум. Тогда Лилит пошла против супруга. Остальное ты и так знаешь.

– Грустная история.

– Да. Мы погубили один из самых прекрасных миров во вселенной. Оставили от него лишь умирающие осколки. Я очень хочу верить, что Вельзевул, спасший остатки миров, знает, что делает. Но в глубине души очень боюсь. Поэтому я ушла, стала невидимкой, и лишь глубинная память твоей души еще боится чудовища, лишившего тебя дома. Но вряд ли мое отшельничество хоть что-то исправило. И я буду с тобой честна: вряд ли сумеешь исправить ты. Все, на что мы можем рассчитывать, – это на то, что Повелительница мира мертвых Аида мудрым правлением поможет нашим мирам протянуть так долго, как это возможно. А затем мы все вернемся в безжизненную вселенную.

Закончив говорить, Ева поднялась, давая понять, что больше не настроена на светскую беседу. А мне, пожалуй, уже и не хотелось выполнять задание Тордека. Разные миры звучали лучше, чем осколки одного большого.

Как я ни пыталась вообразить все, что рассказала Ева, получалась какая-то ерунда. Примерно так же я читала мифы и легенды дома, воспринимая их как сказки, не имеющие отношения к реальности. У меня не укладывалось в голове, что люди верили, будто на небе живет бог-громовержец, спускающийся к смертным в образе разных животных, чтобы наделать детей. И хоть папа объяснял, и не раз, откуда берутся мифы и как древние люди объясняли непонятные им явления, сказки так и остались сказками.

А теперь ожили и рушат мне только-только устоявшийся мир.

Дорога поражала однообразием. За пределами города мир, погибающий от магии, выглядел как безжизненная, усыпанная серыми камнями пустыня. Лишь огоньки в Стиксе немного разбавляли общее уныние, но даже знание, что где-то там живут, любят, радуются и мечтают ничего не подозревающие души, не справлялось с царящим вокруг унынием.

– Хотела посмотреть, что за пределами Мортрума? Наслаждайся, – сказала я себе.

День не обещал быть легким.

– Что будет в суде? Я могу увидеть Харриета или Шарлотту?

– Лишь в присутствии судьи. Но говорить с ними тебе не разрешат. Нельзя, чтобы какое-то слово или действие изменило баланс их душ. В нужное время тебя пригласят в зал. И Харриет и Шарлотта заявили тебя своим свидетелем, поэтому судья спросит, в чью пользу ты готова свидетельствовать. И ты назовешь имя. Затем тебя спросят, считаешь ли ты эту душу достойной остаться в Мортруме или нет и почему. Отвечай честно, ничего не придумывай и не пытайся лгать, в Виртруме это очень сложно. Судья может задать дополнительные вопросы, например о твоём общении с подсудимым, о каких-то событиях. Отвечай опять же со всей возможной откровенностью. Главное, помни: твои ответы влияют не только на судьбу твоих друзей, но и на тебя. Если ты будешь лгать или недоговаривать – это отразится на весе твоей души. Тебе кажется, это не важно, ведь ты – наследница Повелителя, но еще ты наполовину смертная. Однажды ты можешь столкнуться с необходимостью доказать жителям Мортрума, что достойна ими править. И показания кастодиометра тебе пригодятся. Ну а после того, как тебя отпустят, я встречу тебя, накормлю обедом – и мы отправимся обратно.

Ева как-то странно усмехнулась, перегнулась через борт (очень, очень странное зрелище!) и зачерпнула воды в небольшой хрустальный флакончик.

– Это зачем? – спросила я.

– Существует два места во всех обитаемых мирах, где душа не может солгать. Элизиум – место для светлых душ – не терпит лжи. И Виртрум – город судей, в котором действует их особая магия. Поэтому важные допросы мы проводим там. А вода из Стикса открывает доступ к самым глубинным, потаенным знаниям, страхам и страстям. Пока ты выступаешь на суде, я займусь тем, для чего меня и пригласил Самаэль.

– Допрос Олив! Она тоже едет в Виртрум?

– Ее везет Харон. Самаэль приказал доставить вас в город так, чтобы вы не пересекались.

Пожалуй, сегодня я люблю Самаэля чуть больше.

– Значит, мы узнаем, как она умерла?

– Я узнаю, – поправила Ева. – А вот что узнаешь ты, зависит от Самаэля.

– Тогда останусь в неведении. Хоть намекните на обратном пути. Мне сегодня предстоит предать кого-то из друзей. Пусть не очень близких, но... Харриет с Шарлоттой были первыми, кто со мной общался. Я не в восторге от перспективы выбирать между ними. Должно же случиться хоть что-то хорошее... кроме обеда.

– О, не волнуйся, кое-чем на обратном пути я тебя непременно порадую. Это не связано с Олив, зато определенно сделает твою жизнь счастливее. Вот и все, мы приехали.

Я удивленно огляделась. Лодка действительно ткнулась в берег, но рядом не было ровным счетом ничего похожего на город. Лишь спустя несколько секунд до меня дошло посмотреть наверх. Задрав голову, я ахнула: среди серых плотных облаков висел остров.

– Когда-то такие острова были покрыты невероятной красоты живой природой, – задумчиво произнесла Ева. – И парили над бесконечным океаном. А теперь Виртрум – словно тень прежнего мира.

– Грустно, – вздохнула я. – Но сейчас меня больше волнует другой вопрос. Как мы туда заберемся? Я не заметила у лодки крылышек.

Ева протянула руку, и там, где секунду назад была пустота, замерцала серебристая паутина, простирающаяся до самого парящего острова.

– Значит, паутину ты все же умеешь.

– Тебе придется крепко держаться. Если упадешь, то не умрешь, конечно, но будет больно.

– Ага. Стоп. Что?!

Пожав плечами, Ева кивнула за спину, туда, где виднелось паучье брюшко.

Беру свои слова о Самаэле назад. Ведь знал, как я боюсь арахны, мог отправить меня с Хароном, но нарочно усадил в лодку с Евой. Ненавижу этого интригана!

Внутри Виртрум оказался впечатляющим.

От края нас отделяли хлипкие с виду каменные перила. Я не рискнула заглядывать слишком далеко, чтобы не вывалиться с сумасшедшей высоты, но даже с того места, где мы стояли, открывался невероятный вид на Стикс, уходящий куда-то вдаль, и Мортрум, с такого расстояния казавшийся мелкой помехой в идеальной линии горизонта. Серые облака можно было потрогать рукой, они проносились совсем рядом.

А еще в Виртуме – в открытых частях – был сумасшедший ветер.

Мне пришлось крепко сжимать руку Евы, когда мы шли ко входу, чтобы не потерять равновесие. А вот арахна, казалось, вообще не замечала буйства стихии.

Массивные высокие двери открылись, когда мы подошли, и тут же, едва мы переступили порог, захлопнулись, отрезав от завывания ветра. В огромном зале, казалось, мы были одни. Я замороженно рассматривала просторное светлое помещение, в центре которого возвышалась статуя кастодиометра, на одной чаше весов которого стояла девушка в длинном одеянии, на другой – покрытый лесами остров. Мастер с любовью и тщательностью поработал над каждым сантиметром скульптуры, уделив внимание всем складкам, изгибам и линиям девушки и острова.

– Символ равновесия. Жизненная энергия душ на одной чаше весов и энергия мира – на другой, – объяснила Ева.

«Символ лицемерия», – подумала я, но промолчала. Первое, что притягивало взгляд в любом кастодиометре, – камень в когтистой руке. Даже здесь, в статуе, камень сиял алым светом. И что-то мне подсказывало, в нем тоже была заточена какая-то особенно темная душа.

Мне хотелось спросить, чего мы ждем, но Ева была погружена в размышления настолько, что не замечала ничего вокруг. Лишь когда раздалась шага и к нам вышел мужчина в серой мантии, Ева оживилась.

– Рори, как давно я тебя не видела! – воскликнула арахна.

Ей пришлось наклониться, чтобы обнять его. Рори показался мне вполне приветливым мужчиной, эдаким добродушным почтальоном с густыми седыми усами.

– Ева, дорогая, ты прекраснее с каждым днем.

Он повернулся ко мне.

– Вы, должно быть, страж Даркблум.

– Аида, – представилась я и пожала предложенную руку.

– Наслышан. И как же новенькой душе удалось получить место напарника Дэваля Грейва?

– Если честно – то в наказание.

Рори с удовольствием расхохотался.

– Хоть кто-то осмелился вслух сказать, что страж Грейв – сущее наказание. Что ж, идемте, суд уже начался, но, думаю, они провозятся с предварительными слушаниями еще несколько часов. Однако стоит быть наготове. Ты объяснила Аиде, что от нее требуется?

Ева кивнула.

– Она все поняла и не доставит хлопот, я за нее ручаюсь.

Тут-то и стало страшно. Ева оказалась, в сущности, очень даже приятной дамой. Не хотелось бы заставить ее краснеть, а в том, что я могу это организовать одной левой, даже не заметив, сомневаться не приходилось.

– Тогда оставлю вас, у меня через час заседание. Услышите свое имя, Аида, входите.

Рори покинул нас возле одной из многочисленных дверей Виртрума. «Судебный зал 9» – гласила табличка. Других опознавательных знаков не было. Как и других участников процесса, судей, да и вообще кого бы то ни было.

– А где все? – спросила я. – Разве город не должен кишеть судьями, душами и проводниками?

– Виртрум разделен на две части. Первая – жилая. Очень похожа на Мортрум, с той лишь разницей, что жители Виртрума нечасто выходят на улицу. В ту часть доступ строго запрещен. Судьи могут общаться лишь друг с другом. В этой части идут заседания, расписание стараются составлять так, чтобы снизить вероятность посторонних контактов. Виртрум – магический город. Здесь тысячи входов, коридоров и залов. В день проходит не так уж много процессов, чтобы была суета.

– Продумано до мелочей. А как становятся судьями?

– В основном судьи – иные. Но иногда души с обостренным чувством справедливости, те, чьи поступки были продиктованы не личной выгодой, а желанием добиться торжества правды, отправляются в Виртрум.

– Хелен бы, наверное, оказалась именно здесь, – вздохнула я. – Вот уж кто любит, чтобы все было по справедливости.

Ева улыбнулась.

– Вообще, если бы ты не была такой вспыльчивой, я бы поставила на Виртрум, а не на Мортрум. Ты все время ищешь в нашем мире какую-то справедливость. Даже сейчас думаешь не о том, кто тебе дороже – Харриет или Шарлотта, – а кто больше заслуживает прощения. Ты была бы хорошим судьей.

– Это вряд ли. Моя справедливость все время разбивается о вашу реальность.

– Быть судьей сложнее, чем кажется. Вот что я скажу. Прежде чем ты войдешь в зал, ответь мне на вопрос, Аида. Отвечай честно.

Она посмотрела на меня так, словно подозревала в чем-то нехорошем. За несколько секунд я успела прокрутить в голове все, что сделала в последние сутки, не нашла ничего незаконного и выдохнула. И уж точно я не ожидала, что Ева спросит:

– Что происходит между тобой и Дэвалем?

Открыв было рот, чтобы произнести привычное «ничего, что между нами может происходить?», я поняла, что не могу издать ни звука, как будто невидимая рука сдавила горло. Ощущение нехватки воздуха исчезло лишь в тот миг, когда я со слезами на глазах поняла, что придется сказать Еве правду.

Но она не стала дожидаться постыдного признания.

– Ты на собственном опыте только что почувствовала, что будет, если попытаешься солгать. Любой судья, как ты понимаешь, немедленно поймет, что ты собиралась сделать. Поэтому очень не рекомендую полагаться на силу, доставшуюся от отца. Виртрум – целиком и полностью мое детище, а Вельзевул, хоть и очень сильный, все же иной.

А если вспомнить ее рассказ, то иных Ева и Лилит создали в попытках восстановить баланс душ в Пангее. Доходчиво.

– Я поняла.

– Вот и молодец. Допускаю, что пожалею об этом, но вынуждена тебя оставить. Скоро слушание Олив Меннинг.

– Вы расскажете о том, чем все закончилось? – спросила я. – Без подробностей. Просто... что с ней будет потом?

Придется ли мне терпеть Олив в Мортруме вечность или есть шанс, что зарабатывать право на Элизиум заклятая подруга будет вне моей видимости.

– Постараюсь. Удачи, Аида. Какое решение бы ты ни приняла, надеюсь, оно тебя не разочарует. Увидимся после слушания.

С цоканьем, которое теперь уже и не казалось таким жутким, Ева скрылась в недрах Виртрума, и я вдруг поняла, что понятия не имею, как возвращаться обратно. Оставалось только надеяться, что к моменту, когда меня выпустят, Ева вернется.

А ведь впереди еще спуск по ее паутине. Дорогу наверх я пережила лишь потому, что крепко зажмурилась, старалась не думать о том, что сижу на брюшке паучихи, и клялась, что лучше, как и Вельзевул, всю жизнь проживу возле Предела в гордом одиночестве, чем еще раз отправлюсь в Виртрум. Так что я даже не видела, как именно Ева взбиралась наверх. И не хочу видеть, как будет спускаться.

Оглушить бессмертную арахну из глубин вселенной визгом – это же не самый серьезный проступок в мире мертвых?

– Страж Аида Даркблум, – раздалось в коридоре.

Дверь судебного зала с негромким скрипом приоткрылась, приглашая меня внутрь.

– Ну что, чувство справедливости? – пробормотала я себе под нос. – Пойдем, получим приз «Подруга года».

Свет красиво падал в центр большого зала с расставленными полукругом скамьями. Не знаю, зачем они были здесь нужны, вряд ли судебные процессы посещает так уж много народа. По бокам, напротив друг друга, стояли две массивные клетки. В одной сидел Харриет, в другой я едва узнала Шарлотту – она сильно осунулась, черты лица заострились, придав ее облику еще больше звериного. Я содрогнулась, поймав взгляд вертикальных зрачков, но наваждение спало, едва Шарлотта заговорила:

– Аида! Ты пришла! Аида, я не хотела никому зла, я не хотела обижать тебя, пожалуйста, поверь!

– Молчать! – приказала судья в длинной серой мантии, такой же, как у Рори. – В очередной раз напоминаю, подсудимые: во время процесса запрещено разговаривать без разрешения судьи. Я уже выслушала ваши позиции и хочу выслушать свидетеля.

На столе перед судьей стоял кастодиометр, но сейчас его чаши были пусты. Наверное, души Харриета и Шарлотты взвешивали перед заседанием, но убрали результат, чтобы не влиять на мои показания.

– Вы – Аида Даркблум, страж Предела, проживаете в городе Мортруме?

– Да, ваша честь... Или... я не знаю, как обращаются к судьям в этом мире, простите.

– «Ваша честь» подойдет. Садитесь, страж Даркблум.

Я осторожно села на краешек скамьи, каждой клеточкой чувствуя жадные взгляды Харриета и Шарлотты. Но смотреть на них было страшно.

– Страж Даркблум, вы подтверждаете свое знакомство с душой Чарльзом Черри?

– Да, ваша честь.

– А с душой Шарлоттой Гринсбери?

– Подтверждаю.

– Хорошо. Чарльз Черри и Шарлотта Гринсбери заявили вас своим свидетелем. Однако по правилам Виртрума одна душа не может свидетельствовать в пользу обоих подсудимых. Поэтому я задаю вопрос, страж Даркблум. Чей вы свидетель?

Я сделала глубокий вдох. Руки мелко дрожали. Заметив это, я сцепила пальцы.

– Я свидетель Чарльза Черри, ваша честь.

Шарлотта издала сдавленный стон, и я поморщилась.

– Итак, при каких обстоятельствах вы познакомились с Чарльзом?

– Когда я только попала в Мортрум, Чарльз... я знала его по имени Харриет, стал моим... не знаю, наставником, что ли. Он помогал мне освоиться, отвечал на вопросы, провожал в колледж, подсказывал и все такое.

– Каким показался вам Чарльз?

Отвечай правду, Аида.

– Ужасно приставучим и наигранно позитивным.

– Вы не пришли в восторг от знакомства?

– Я была расстроена из-за собственной смерти, ваша честь. Еще я не люблю, когда мне навязывают круг общения. Я подумала, что мне не нужен соглядатай, и восприняла попытки Харриета подружиться как навязчивость.

– Но вы изменили мнение?

– Да. Через некоторое время я стала считать его другом. Не близким, вряд ли я бы назвала его именем ребенка, но мне нравилось проводить с ним время.

– То есть вы не использовали его, чтобы получать нужные сведения, проходить в бары, куда вас не пускали, и получать то, что вам необходимо, в обход законов?

Правду, Аида, правду.

– Отчасти. Но я не преодолевала неприязнь и не лицемерила. С Харриетом всегда было выгодно дружить, но я стала проводить с ним время, только когда начала относиться к нему дружелюбнее. Я тяжело схожусь с людьми. Чтобы назвать кого-то другом, мне нужно больше времени.

– Вы знаете историю Чарльза Черри?

– Да, ваша честь.

– При каких обстоятельствах вы узнали его историю? Он вам рассказал?

– Нет. Он сказал лишь, что погиб на «Титанике», подробностей я не знала. И узнала их случайно, когда в архиве вместо запрошенного личного дела получила дело Чарльза Черри.

– Ваше отношение изменилось?

– Нет... не знаю. Я не успела понять. Наверное, нет, потому что я увидела в его личном деле не преступление, а страх. Чарльз не хотел

убивать Харриет. Он хотел выжить. Да, он поступил несправедливо, плохо, неправильно. Но в минуты, когда мы сражаемся за жизнь, не всегда можем оценивать действия трезво. Он был наказан за свой поступок и с достоинством принял наказание. Поэтому нет, мое отношение не изменилось.

– Вы считаете Чарльза Черри хорошей душой, заслуживающей прощения?

Нутром я почувствовала, что вот он – главный вопрос сегодняшнего дня.

– Я считаю, что нельзя наказывать дважды за один проступок. Баланс добра и зла в Чарльзе не изменился оттого, что появилась Шарлотта.

– Но его поступок привел к невыносимым страданиям для души. Смерть и мука длиной в вечность – разные последствия действий, – возразила судья.

Я бы уволила ее за профнепригодность. Что это за оценочные суждения?

– Я – свидетель Чарльза и рассматриваю ситуацию с его позиции, ваша честь. Чарльз не ставил перед собой целью причинить Харриет страдания. Он вообще не знал, что случится с девочкой, лишившейся по его вине спасения. Его целью было спасение собственной жизни. Его наказали за его поступок, а не за случившееся с Харриет.

– Но будь на ее месте более взрослая душа, наказание было бы иным, вы согласны?

– Полагаю, да.

– Значит, мы должны пересмотреть приговор с учетом открывшихся знаний о мучениях Харриет?

– Я очень плохо знаю законы Мортрума, ваша честь. Если они гласят, что нужно пересмотреть его наказание, наверное, я не вправе спорить. Однако... Чарльз не знал, к чему приведет его поступок. Он принял назначенное наказание и смирился с тем, что новые воплощения и Элизиум закрыты для него навсегда. Он принял новую реальность, стал частью Мортрума, министерства. Искал друзей, выполнял приказы Повелителя, носил имя той, что погибла по его вине. Чарльз не может и не должен нести ответственность за то, что Харриет оказалась не человеком. Он не мог знать, что она заперта на дне океана. Даже Самаэль Сонг, один из наследников Вельзевула, не

предполагал, что такое возможно. Если вы хотите наказывать Чарльза, наказать нужно и тех, кто не удостоверился в том, что Харриет действительно мертва. Ваша честь, что происходит с душой, если проводник не заберет ее?

– Она останется на границе миров до тех пор, пока не встретит проводника или стража.

– А если она погибла на дне океана?

– Я понимаю, к чему вы клоните, страж Даркблум. Однако проводники собрали все души, погибшие на том корабле.

– Но не Харриет.

– Потому что она не погибла.

– Именно, ваша честь. Вы наказали Чарльза за то, что душа погибла безвозвратно. Но она не погибла.

– Я бы не назвала ее существование жизнью.

– Да, но Харриет ли виновен в этом? Представим себе ситуацию. Страшная катастрофа, корабль тонет, шлюпок не хватает, люди в панике, вода ледяная. Девочка пытается забраться в шлюпку, спастись, но ее отталкивает какой-то парень. Других шлюпок нет, она беспомощно наблюдает, как тот, кто лишил ее шанса на спасение, уплывает навстречу своей жизни. Затем корабль погружается в воду, тысячи людей остаются на поверхности. Тонут, умирают от переохлаждения. Среди них и Харриет, но... ее не убила глубина, которая гарантированно превращает все живое в смузи. Не убило время – а это больше ста лет, на минуточку, не каждый человек на Земле проживает такой срок. Не убили холод, отсутствие еды и воздуха.

Я вдруг сбилась и против воли посмотрела на Шарлотту. Кто ты, черт возьми, такая? И почему у меня четкое ощущение дежавю?

– Страж? – Судья вернула меня в реальность. – Продолжайте.

– Харриет не умерла во время крушения, провела много лет на дне океана. Какая сила помешала ей дожидаться помощи? Почему она оказалась на дне, а не на поверхности, вместе с остальными выжившими? Если ей не страшны холод и вода...

– Я не знала, черт тебя подери, Аида Даркблум! – Шарлотта сорвалась на крик. – Я понятия не имела, что не могу умереть, поэтому, мать твою, я умирала! Долгие годы умирала там, среди обломков! Холод и толща воды причиняли адскую боль, не давали

подняться и пошевелиться, но я жила! Смотрела, как тела бедолаг, пошедших на дно вместе с кораблем, поедают морские твари! Смотрела, как илом покрывается вся моя жизнь! С каждой секундой я теряла воспоминания! Сначала лица родных. Потом свое. Потом ощущения. Звуки. Запахи. Хочешь выставить то, что я выжила, смягчающим обстоятельством для него? Да я отдала бы все, чтобы умереть, только ничего, кроме мертвого корабля, у меня больше не было! И когда открылся портал... когда я увидела свет...

– Подсудимая, замолчите! – рыкнула судья. – Вы испытываете мое терпение! Еще раз вы проявите неуважение – и отправитесь в Аид вне зависимости от решения! Страж Даркблум, продолжайте.

Я вряд ли смогла бы вспомнить, что хотела сказать. Лишь остатки здравого смысла не позволили пролепетать «я хочу домой» и выбежать из зала.

– Я хочу сказать, что поступок Чарльза не изменился. Он поставил свою жизнь выше жизни другой души. И за этот поступок он понес справедливое наказание, навечно оставшись в Мортруме. Судить его за то, о чем не знал никто из ныне живущих в Мортруме, жестоко. Это лишает другие души надежды на справедливый суд. На то, что им позволят исправиться. Если в любое время твой приговор могут пересмотреть – для чего стараться быть достойным Элизиума? Для чего смиренно принимать наказание? Шарлотта имеет право на ненависть, но суд не должен заниматься местью, суд назначает наказание. Чарльз заслужил Аид, но ему уже вынесли приговор. Изменить его, отправить его в Аид – значит наказать и тех, кто считает себя его другом, и тех, кто вложил в его перевоспитание силы.

– Хорошо, страж Даркблум. Последний вопрос – и вы сможете уйти. Скажите...

Дыхание почти остановилось. Хорошо, что я уже мертва, иначе сейчас у меня остановилось бы сердце.

– Вы простили того, кто вас убил?

Я ожидала любого вопроса, и даже на Евин «Что у вас с Дэвалем?» приготовила честный, но абсолютно неинформативный ответ. Но того, что судья спросит о Селин, не ждала. И не успела обдумать то, что скажу. Лишь раз взглянув в глаза внешне немолодой и довольно суровой иной в судейской мантии, я поняла: она прекрасно знает, кто меня убил.

– Нет, ваша честь. Не простила.

– Спасибо, страж. У меня все.

В коридоре я опустилась на пол у стены и закрыла лицо руками.

Я провалилась. Хуже быть просто не могло. Я не помогла Харриету и предала Шарлотту. Даже если ее не отправят в Аид, она всегда будет помнить все, что я сказала. Будет ненавидеть меня. А Харриет... Харриет, скорее всего, обречен. Вряд ли я хоть немного помогла ему. Запуталась в собственных мыслях, наговорила кучу лишнего, не солгала, но продемонстрировала явное лицемерие, предлагая простить Харриета и при этом ненавидя всем сердцем Селин.

Мне казалось, выступить на стороне Харриета правильно. Казалось, нельзя дважды судить за одну и ту же жизнь. А теперь кажется, я защищала не его, а себя. Потому что боялась: за все, что я натворила, за сохраненную жизнь отца, за чувства к Дэвалю неизбежно наступит расплата.

И мне так страшно, что я просто не могу видеть, как Харриету выносят приговор.

Прислонившись к стене, я сидела в абсолютной тишине до тех пор, пока не поняла, что стемнело. Тусклый свет давали лишь редкие светильники на стенах. Над Виртрумом не сияла луна, а тучи за окнами проплывали особенно близко. Я сама не заметила, как отключилась. Бессонная ночь и невыносимо мучительный судебный процесс сделали свое дело.

Проснувшись, услышав рядом шаги. Сначала я решила, что это Ева, но потом поняла, что не слышу ее паучьего «цок-цок-цок». А когда взгляд прояснился, я села и огляделась. Вокруг простирались безжизненные пустоши мира мертвых. Мягко покачиваясь на волнах Стикса, лодка приближалась к Мортруму.

– Здравствуй, Аида. Ты можешь еще немного поспать, мы прибудем в город через час. Извини, если разбудил.

– Где Ева?

Вельзевул как-то странно вздохнул. За все наши встречи, количество которых можно было пересчитать по пальцам, я ни разу не видела его счастливым, но сейчас тьма в глубине его глаз словно стала гуще.

– Ева не придет.

– Почему? Что-то случилось?

– Я не знаю, Аида. Никто не знает. Ева должна была допросить душу и вернуть тебя в Мортрум, но она исчезла. В Виртруме ее нет. Кто бы мог подумать, что в воспоминаниях Олив Меннинг она найдет ответы на вопросы, которые всегда боялась себе задавать.

Что, если зло ближе, чем ты всегда думал?

Что, если ты создал его своими руками?

– Я не стану спрашивать «почему?», ибо знаю ответ. Спрошу лишь, стоит ли оно того?

– Твоя главная беда, Ева, в том, – отозвался он, – что ты совсем не умеешь хранить секреты.

– Такое долго скрывать не получится. Они все равно узнают. Аида неглупая девочка, она догадается.

– Аида... Пока Аида делает ровно то, что от нее требуется. А все ее попытки показывать характер – не более чем капризы глупой девицы. Даже если ткнуть ее носом в очевидные вещи, она все равно ничего не поймет, потому что все, что ее интересует, – запретная любовь к братику и ее смертный папаша. И этим очень легко манипулировать.

– Ну и что ты планируешь делать сейчас, когда я заглянула в ее кошмары? После всего, что я там увидела. Ты ведь не можешь просто сказать, что я лгу.

– О, разумеется, из этой комнаты ты уже не выйдешь. Не волнуйся, я не брошу Аиду. Она будет доставлена в Мортрум целая и невредимая. И вряд ли когда-то узнает, что ты бросила ее не по своей воле.

– Арахну нельзя убить.

Он рассмеялся. Олив за его спиной закатила глаза. Ева чувствовала ее нетерпение.

– Верно, дорогая. Убить тебя не получится. Но есть вещи куда более страшные, чем смерть. Правда, Харриет? Или стоит называть тебя Шарлоттой? Предпочитаешь это имя?

Ева услышала сдавленное рычание, но не смогла рассмотреть фигуру, прячущуюся во тьме коридора.

– Наша Шарлотта очень хорошо знает, что такое вечная мука. А я, Ева, очень хорошо знаю твои кошмары.

По его сигналу Олив с готовностью распахнула дверь, и Ева содрогнулась, поняв, что за ней находится. Несколько блуждающих зеленоватых огней слабо освещали останки некогда роскошного лайнера.

– Знакомься, Ева, твоя тюрьма, твоя могила. Дно океана в осколке твоей любимой Пангеи. Не стану скрывать: легко не будет. Вот какое дело: обитателям глубин оказалась не по нраву наша гостья, леди Гринсбери. Но им очень нравятся большие вкусные пауки. Давай не будем устраивать безобразную потасовку, ты никогда не могла со мной совладать. Прими мой приговор, как и полагается, с достоинством и смирением. Однажды я расскажу о том, как красиво ты покинула Мортрум.

– Вот поэтому, – ее губ коснулась кривая усмешка, – ты и оказался не нужен.

Его глаза затопила ярость, не оставив места другим эмоциям. Да он уже очень давно разучился их испытывать.

В руке арахны мелькнул флакон с жидкостью, сиявшей настолько ярко, что Олив пришлось прикрыть глаза, а Шарлотта во тьме заскулила и отползла так далеко, насколько хватило цепи. Магия души балеопала согревала даже через толстые стенки флакона.

– Когда-то мы с Лилит поклялись, что если мир, в котором мы обрели смысл жизни, погибнет, то мы уйдем вместе с ним. Однажды я уже была близка, чтобы выпить это. И знаешь, почему не смогла?

Он равнодушно пожал плечами. А вот душа, эта Меннинг, за его спиной буквально тряслась от возмущения. Ей не терпелось увидеть, как на арахну обрушатся холод, тьма и боль океана. Сладкая на вкус чужая боль ускользала, и Олив ничего не могла с этим поделать. Но слишком боялась перечить хозяину.

Бедняжка даже не понимает, что мир мертвых сводит ее с ума так же, как и любого живого, попавшего в Мортрум в обход ее величества смерти.

– Я, как и Лилит, вас любила.

Теперь она знала, какова смерть на вкус: как первый глоток чистого воздуха прекраснейшего из миров. Как свет звезды, ласково касающийся кожи. Как шум воды, бьющейся о скалы.

Для кого-то смерть – это ночной кошмар, но для той, что живет с сотворения вселенной, смерть – лишь долгий сон после

утомительной прогулки.

Глава одиннадцатая

В дверь спальни кто-то постучал, и я поспешно застегнула накидку, закрывшую плечи. Окинула себя взглядом в зеркало, убедившись, что сшитое на заказ специально к приему яркое фиолетовое платье сидит как влитое. А потом отправилась открывать.

На пороге обнаружился Ридж, что стало полнейшей неожиданностью. Я думала, за мной зайдет Дар или Самаэль. Хотя надо было предположить, что они пришлют кого-то для сопровождения. С тех пор как исчезла Ева, мне даже из дома позволено выходить только с Самаэлем.

На прием по случаю объявления наследницы Самаэль прийти со мной не мог, у него все же была жена. Поэтому для меня нашли нового спутника.

– Потрясающе выглядишь. – Ридж улыбнулся во все тридцать два зуба. – Почту за честь сопроводить тебя на прием. Мне подождать снаружи? Самаэль велел доставить тебя от дверей комнаты прямо в зал. Не расскажешь, что это с ним такое? Даже в нашем мире свободных нравов не принято провожать девушку от спальни в доме ее отца до гостиной.

– Просто небольшая родительская паранойя. – Я пожала плечами, впуская Риджа в комнату. – Заходи. Через пару минут пойдем. Есть кое-какой вопрос.

– М-м-м?

Парень с интересом осматривал комнату, явно любопытствуя, как живет наследнице Повелителя. А ей в последнее время живет тяжело.

Ничего не рассказывают.

Никуда не пускают.

Преподаватели приходят и мучают в пыльной гостиной.

Близится прием, на котором придется изображать радость при виде внезапно обретенных родственников.

– У меня тут был занятный разговор с Самаэлем. Он позвал меня к себе, чтобы предупредить, что на прием я иду с тобой. Сначала я подумала, что это отличный повод вернуть тебе две трети свидания,

которые я должна. А потом я испугалась: а вдруг Вельзевул придет в ярость, увидев тебя рядом со своей дочуркой? Вспомнит, что ненавидит тебя за суд над моей мамой, и снова отправит в ссылку. Только теперь куда-нибудь в деревню на бережок Стикса, ловить заблудшие души.

Ридж заметно стусевался. Поняв, что сейчас будет, он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Ну а я наслаждалась. Три дня мечтала это сделать!

– И знаешь, что Самаэль мне рассказал? Ну, после того, как насмеялся вдоволь, когда я выразила возмущение мелкой мезтью Вельзевула. Что наказали тебя вовсе не за суд над моей мамой. И что никто не селил тебя в ее квартиру в наказание. Что квартиру ты получил в обмен на оказанную услугу. А наказали тебя за нарушение правил Мортрума. Ты закрутил роман с душой и подделал результаты измерений кастодиометра, чтобы оставить ее в Мортруме! Вот почему ты лишился статуса судьи и стал преподавать. А вовсе не потому, что самоотверженно спасал мою маму от безумия. Как у тебя совести хватило о таком солгать?!

– Что тут скажешь? – Он со вздохом пожал плечами. – История о том, как твой отец выместил на мне злость за возвращение твоей мамы на Землю, сработала бы лучше, чем рассказ о том, как я пытался лишиться перерождения бедняжку, в которую влюбился. Если бы Грейв все не испортил, ты бы повелась. Не надо осуждать меня за то, что я использую все способы, чтобы заполучить такую девушку, как ты, Аида.

– Подлизывание не засчитано! – отрезала я.

– Я почти ни в чем тебе не соврал. Все, что касается того суда, – чистая правда. Просто чуть преувеличил негативные качества твоего отца.

– Чуть?!

– Конечно. Если бы он так пристально за мной не следил после того суда, то никто бы ничего и не заметил. Не так уж сильно я и подправил результаты. И она сама хотела остаться. Мы друг друга любили.

– Поздравляю, – огрызнулась я. – Мог бы тогда из уважения к бывшей любви не использовать ее, чтобы затащить в постель очередную девицу.

– Ты права, – неожиданно серьезно отозвался Ридж. – Но так мне проще о ней думать. О том, что я больше ее не увижу. Что проживу целую вечность. Возможно, буду учить ее или столкнусь в министерстве. Или угощу коктейлем в баре. И не узнаю.

– Но ведь у нее новая жизнь. Разве вы не считаете это благом и привилегией?

– Только не для тех, кого любим. – Ридж улыбнулся. – Отпускать того, без кого не хочешь жить, в этот проклятый немагический мир больно. Слишком больно, чтобы смириться.

– Не лги мне больше.

– Как прикажете, Повелительница, – полушутя-полусерьезно склонил голову Ридж.

– И так тоже не делай, пока не прикажут официально. А то будешь выглядеть дурачком.

– Остается только восхищаться твоей красотой и надеяться, что однажды ты перестанешь злиться и поймешь, насколько я хорош в роли супруга наследницы.

Когда я рассмеялась, Ридж слегка обиделся, как будто всерьез собирался на мне жениться.

– Между прочим, Самаэль, когда просил сопроводить тебя на прием, намекнул, что Вельзевул сменил гнев на милость и готов поощрить мою преданную службу, даровав статус любимого и единственного зятя.

– Это он просто не знает, что я всегда мечтала быть вдовой.

– Правда?

– Нет. Но для общего блага могу побыть. Идем? Они наверняка уже начали. Хочу пропустить бокальчик эссенции перед тем, как жизнь... точнее, смерть навсегда изменится.

– Знаешь, для той, кто совсем скоро получит в наследство наш безумный мрачный мир, ты отлично держишься, – улыбнулся Ридж, предлагая мне руку.

Знал бы, сколько для этого требуется сил.

В зале для приемов, при виде которого я невольно вспомнила Маскарад и задалась вопросом, не кончится ли и этот праздник так же безумно, было многолюдно. Основная часть гостей уже прибыла и бродила меж столов с закусками и напитками, негромко переговариваясь.

Наше появление встретили заинтересованными взглядами и шепотками, но причиной явно стало мое слишком короткое для местной консервативной публики платье, а не причина, по которой Повелитель всех собрал. Несмотря на то что о нашем родстве знало слишком много народу, за пределы круга приближенных информация не ушла. И высшее общество Мортрума еще не знало, как сильно придется в скором времени удивиться.

Среди гостей я заметила Самаэля и Селин, но подходить не стала: при виде меня Селин едва заметно скривила губы. Интересно, Самаэль рассказал ей, что мы брат и сестра, или не стал посвящать ревнивую супругу в подробности личной жизни отца? Если рассказал, то странно, что она все еще ревнует. Что бы ни происходило у них с Самаэлем, я точно не могла быть причиной.

– Мисс Даркблум, вы очаровательны, как и всегда.

– Харон! – Я с удовольствием обняла проводника, немного растерявшегося от такой бурной радости. – Сто лет тебя не видела. Как дела? Как работа?

– Без вас довольно скучно. Каждый день я смотрю на карту в надежде, что балеопалы подадут знак, но удача мне не улыбается.

– Может, все решилось само собой? – предположила я. – Наш убийца понял, что его ищут, и успокоился.

– Хотелось бы верить. Магистр Каттингер, спасибо за рекомендации по новеньким проводникам. Некоторые вызывают интерес.

– Рад помочь, Харон, – кивнул Ридж.

Между ними завязалась увлеченная беседа о колледже и подготовке проводников в министерстве, и я не преминула воспользоваться возможностью и побродить по залу в одиночестве. Поприветствовала Дара, как обычно корпящего над набросками в альбоме, – наверняка пытался запечатлеть исторический момент в жизни Мортрума. Поприветствовала магистра Тордека, обнаружившегося у стола с эссенцией.

– Аида, – окликнул он меня, – хотел сказать, что ваши лимоны определенно пошли в рост.

– Рада слышать. Хотела бы помочь и сказать, что делать с ними дальше, но не имею ни малейшего понятия.

– Мы решили высадить еще одну аллею. Кстати, об аллее. На одной из ваших пальм появились загадочные плоды. Не подскажите, как именно их использовать?

– А как они выглядят?

– Круглые, темные и волосатые.

– А-а-а, кокосы! Слава Аиду, я боялась, что моя безграмотность сломает все законы природы и у вас на пальмах проклюнется что-то вроде вареного лука. Кокосы – это вкусно. Соберите их, долбаните чем-нибудь тяжелым, чтобы расколоть скорлупу, и наслаждайтесь. Молоко внутри можно пить, белую мякоть – есть.

– Долбануть чем-нибудь тяжелым... – со вздохом повторил Тордек. – Вы, Аида, то и дело подкидываете мне нестандартные задачки. Надеюсь продолжить работу с вами уже в новом статусе.

– Тсс-с! – Я приложила палец к губам. – Не портите сюрприз.

– Кстати, о сюрпризах... – Тордек многозначительно посмотрел на кого-то у меня за спиной.

А потом этот «кто-то» закрыл мне глаза ладонями.

– Дэв? – вырвалось у меня прежде, чем я успела себя остановить.

Я не видела Дэваля с самого возвращения из Виртрума. Насколько знаю, он разыскивал Еву. Из всех детей Лилит он был ей самым близким.

– Не угадала? М-м-м... Дар? Снова нет? Черт, это сложно... Ридж, если это ты, то разлука в пять минут – это не повод для бурных объятий.

– А в несколько месяцев? – раздался знакомый голос.

Ахнув, я обернулась и увидела улыбающегося рыжего паренька, которого я и не надеялась увидеть во плоти вот так, просто стоящего рядом.

– Харриет! Ты вернулся! Тебя выпустили!

– Благодаря тебе, – улыбнулся он. – Спасибо. Знаю, как тебе было непросто принять это решение.

– Что с Шарлоттой?

– Отправили в Аид. Она не смогла доказать, что не хотела ничего плохого. Они так и не выяснили, кто она. Сочли ее пребывание здесь опасным. Мне жаль.

– Все в порядке. Мне жаль ее, но я рада, что ты вернулся. Честно говоря, я думала, что все испортила. И ты отправишься в Аид.

– Думаю, им понравился аргумент о доверии к судебной системе. Души должны знать, что все зависит только от них и их поступков. И ничто не может изменить их приговор. Хотя, надо думать, для некоторых это минус. В любом случае я твой вечный должник. Выпьем как-нибудь после смены? Расскажешь, что у вас здесь происходит.

– Если отпустят – конечно. В последнее время мне не дают гулять, где и когда захочу. Говорят, что слишком опасно.

– Из-за прорывов душ? Были новые? – Харриет нахмурился.

– Да, парочка. И так... много всякого случилось. Потом расскажу.

В толпе вошедших я вдруг заметила Дэваля.

– Слушай, ты много месяцев провел в камере. Расслабься и повеселись. Перепробуй все закуски, напитки, глотни эссенции со вкусом свободы. Поболтаем после официальной части, ладно? Я хочу поздороваться кое с кем.

Харриету и не нужно было предлагать. Я еще не договорила фразу, а он уже несся к столу с закусками, явно намереваясь взять компенсацию за моральный ущерб едой.

А я направилась к Дэвалю. Сама не зная, что скажу. Просто чувствуя, что это, возможно, наш последний шанс поговорить без любопытных взглядов.

– Привет.

– Привет, – ответил он. – Неплохо выглядишь.

– Узнал что-нибудь о Еве?

– Нет. Она словно испарилась.

– Может, ее просто все достали? Она ведь бессмертная арахна. Что с ней могло произойти?

– Может быть, – с явным сомнением откликнулся Дэваль. – Отец уже пришел?

– Не видела. Думаю, он появится эффектно, чтобы сразу всех огорошить известием. Я бы точно дала всем время выпить, потому что новость им определенно не понравится.

– А я думаю, ты преувеличиваешь страдания, которые приносишь окружающим. Идем, пока у нас есть время, надо этим пользоваться.

С этими словами Дэваль, воспользовавшись моей растерянностью, повел меня к центру зала.

– Ты что делаешь? – зашептала я. – Все смотрят!

– И что? Сейчас они многозначительно усмехнутся и решат, что нашли причину, по которой ты живешь в нашем доме. Потом услышат новость от отца и поймут, как ошибались. В том, что брат пригласил сестру на танец, нет ничего предосудительного.

– На какой танец?! Музыка слишком тихая! – возмутилась я.

И в тот же момент, словно повинувшись желанию наследников, музыка зазвучала громче.

Начни я спорить и вырываться, внимания определенно было бы больше. Следом за нами к центру потянулись и другие парочки, так что вскоре я окончательно расслабилась. Хотя все же я бы предпочла, чтобы Дэваль ко мне не прикасался.

В черном костюме он был, без сомнений, хорош. Даже странно, что меня не затоптали влюбленные в Грейва дамочки. Наверное, были наслышаны о скверном нраве среднего сына Повелителя. А может, благоразумно не хотели связываться с нашей безумной семейкой – и в этом я поддерживала их всей душой.

У него была очень горячая кожа. Простое прикосновение к руке отзывалось внутри болезненным и в то же время приятным ощущением. Терпкий горьковатый запах окутывал меня, напоминая обо всех моментах, в которых мы оказывались слишком близко. Синие, как океан, глаза смотрели внимательно и задумчиво.

– Представляешь, как жизнь изменится после сегодняшнего вечера?

О, если бы он только знал, как был прав, то непременно отказался бы от этих пророческих слов.

– Если честно, не очень, – призналась я. – Порой все еще кажется, что скоро все закончится, я отработаю все свои прегрешения и вернусь домой.

– А ты бы хотела вернуться?

– Не знаю. Я бы хотела не умирать. Возвращаться мне некуда.

Зал вдруг погрузился в кромешную тьму. Я вздрогнула. Отовсюду зазвучали взволнованные голоса.

– Какого черта? Надо найти Самаэля...

Я осеклась, ощутив на губах чужое обжигающее дыхание.

– С ума сошел! – Я оттолкнула его, но Дэваль не позволил отстраниться. – Нас увидят!

– Вокруг достаточно тьмы, чтобы скрыть последний поцелуй.

– Последний... – эхом откликнулась я.

И подалась навстречу, ловя драгоценные мгновения. Дэваль прав: совсем скоро Вельзевул объявит меня своей дочерью и точка невозврата будет пройдена. Иллюзия, за которую мы оба цепляемся, это неведение окружающих, закончится. И мы больше не сможем друг друга коснуться.

Почему это так невыносимо страшно?

В нашей коллекции теперь четыре поцелуя. На Маскараде, поцелуй-издевка, после которого удовольствие смешалось с обидой. В кухне, когда я почти забыла, почему мне нельзя отвечать ему. На льду, щедро приправленный страхом, невесомый поцелуй-благодарность за такие редкие счастливые моменты.

И этот. Почти прощальный, рискованный. Три секунды, вырванные у судьбы под покровом тьмы, когда наши губы встретились, когда дыхание стало общим. А внутри все сжалось от мысли, что вот сейчас вспыхнет свет и нам придется навсегда забыть о том, что в мире мертвых живыми нас делают чувства друг к другу.

– Что с нами не так? – шепотом спросила я, когда нечеловеческим усилием воли заставила себя оторваться от его губ. – Почему так тяжело? Почему именно мы?

– Не знаю. Может, это проклятье? Может, мы платим за то, что натворили наши родители?

– Придумай причину, по которой мы не можем сбежать к балеопалам, где никто не знает, кто мы. Где есть только небо и океан.

– Боюсь, принцесса, причины – это мы сами.

Свет загорелся так же неожиданно, как и погас, но я была готова и отстранилась от Дэваля прежде, чем кто-то заметил неладное. Губы все еще горели, но я надеялась, никто не станет приглядываться, когда есть более достойный объект внимания.

Весь зал в едином порыве поклонился, когда вошел Вельзевул.

Никогда прежде я не видела Повелителя мира мертвых в торжественном облачении. Расшитый алыми нитями камзол сверкал, ловя отблески тысяч свечей. От Вельзевула исходила мощная энергия. В его присутствии никто не решался оторвать взгляд от возвышения в центре. Никто не решался произнести ни звука. Долгие мгновения, на протяжении которых Повелитель окидывал тяжелым взглядом присутствующих, показались мне вечностью.

Поймав мой взгляд, Вельзевул едва заметно кивнул, и я заставила себя улыбнуться.

Это твой отец, Аида. Человек, которого любила твоя мать.

Смогла ли она полюбить того, кого я до сих пор называю папой? Смогла ли забыть Мортрум и заточение, на которое ее обрекла любовь к Вельзевулу?

– Я рад приветствовать вас на нашем семейном торжестве. Каждый из вас, наших гостей, заслужил право быть здесь верной службой Мортруму и немагическим мирам. Каждый из вас делом доказал свою преданность и самоотверженность. Каждому я доверяю так же, как себе. Поэтому вы заслуживаете первыми узнать то, что я хотел бы сегодня сказать. Как вы знаете, уже много десятков лет я жду наследника. Равного мне по происхождению или магическому дару. Того, кто займет мое место, когда я отойду от дел. Того, кто возьмет власть над Пределами в свои руки. Кто станет вашим новым Повелителем. Того, кто превратит наш мир в Элизиум, как и было предсказано. И сегодня...

Он выдержал театральную паузу, наслаждаясь произведенным эффектом.

– Сегодня я рад представить вам мою наследницу. Девушку, обладающую поистине величайшим талантом.

Несколько самых сообразительных гостей заозирались и, найдя в толпе меня, стали бурлить взглядами, наблюдая за реакцией. Пришлось расправить плечи и сделать пафосное лицо – чтобы заранее не расслаблялись.

– Аида. Ваша Повелительница. Ваша надежда. Ваша награда.

Едва слышно Дэваль фыркнул. Захотелось ущипнуть гада за какое-нибудь чувствительное место, но на меня уже смотрели не только самые сообразительные, но и те, кто до последнего не хотел верить в услышанное. А таких было много: все же Самаэль и Дэваль пользовались популярностью, и корона, доставшаяся какой-то там смертной, многих не устраивала.

Вельзевул протянул руку, побуждая подняться на сцену. Но прежде чем я справилась с отказавшимся слушаться телом, мимо быстро, чеканя шаг, прошла девушка, в которой я не сразу узнала Олив.

Не обращая внимания на реакцию окружающих, Олив вскочила на возвышение, быстро поклонилась и, прежде чем Вельзевул выставил ее прочь вперед носом, что-то ему сказала.

Сама не знаю почему, но я почувствовала, как кружится голова. Что-то происходило. И это «что-то» грозило неприятностями.

Словно в замедленной съемке я наблюдала, как лицо Вельзевула меняется по мере того, как Олив говорила. Как раздражение сменяется недоверием, а оно, в свою очередь, холодной яростью. Когда Повелитель выпрямился и перевел взгляд на собравшихся, я поняла, что его ярость обращена ко мне.

Не сумев сдержаться, я схватила руку Дэваля и в отчаянии сжала в поисках хоть какой-то поддержки.

– Это правда? – тихо спросил Вельзевул. – Ты позволила темной душе остаться на Земле?

Дыхание перехватило. Дэваль дернулся было, но я с такой силой сдавила его руку, что он просто не смог произнести ни звука.

– Я могу объяснить. Это был...

– Твой отец. Тот, кто вырастил тебя на Земле. Ты позволила ему остаться несмотря на приговор.

– Он был несправедлив...

– Уверена?

Я осеклась.

– Я просто хотела спасти того, кого люблю.

– Самаэль, – бросил Вельзевул, – уведи ее.

Посмотрев на Дэваля в надежде, что он сейчас скажет что-то успокаивающее вроде «не бойся, постоишь часок в углу – и дальше работать», я увидела в его глазах нечто, напоминающее страх, возведенный в абсолют. Ужас, с которым обычно смотрят на приговоренных.

Перед глазами против воли появились кроваво-красные полосы на его спине. И, кажется, мы оба видели одно и то же.

В следующую секунду мы дернулись друг другу навстречу, но холодные стальные пальцы Самаэля сомкнулись у меня на локте.

– Идем, – приказал он.

– Я не хотела никому навредить...

Он силком потащил меня к выходу.

– Я просто не смогла... Я хотела вернуть его в Аид, я не смогла заточить его в кастодиометр...

– Сделай одолжение, помолчи хотя бы сейчас! – отрезал он.

Уже в дверях я оглянулась и снова поймала взгляд Дэваля, не сводившего с нас глаз. В этот момент, в последнюю секунду перед тем, как закрывшиеся двери зала отрезали нас от притихшей толпы, я подумала, что вижу его в последний раз.

Я, естественно, ошибалась. Но не уверена, что это хорошо.

Даже не знала, что в особняке Вельзевула есть подземная часть. Но мы спускались все ниже и ниже. Лестница становилась уже, воздух – холоднее. Иногда туфли на каблуках скользили по влажному камню, и Самаэлю приходилось меня удерживать.

– Куда мы идем? Ты что, не собираешься со мной говорить? Да дай же мне объяснить!

Но он упорно тащил меня куда-то вниз, до тех пор, пока мы не очутились в большом длинном коридоре, в конце которого виднелась массивная дверь. И эта дверь мне не нравилась. От стен вокруг веяло холодом и тьмой. Невольно вспомнились слова Шарлотты, и сейчас я пребывала примерно в том же состоянии.

Мне было страшно. По-настоящему. Потому что тот, кто всегда защищал, сейчас вел меня навстречу неизвестности.

Самаэль отпер камеру и втолкнул меня внутрь. Но дверь не закрыл, остановившись в дверном проеме и задумчиво глядя на меня сверху вниз.

– Ты же меня здесь не оставишь...

– А на что ты рассчитывала, Аида? Ты хоть немного думала, когда оставляла на Земле темную душу? Ты думала о последствиях? О том, что это преступление? О том, что предаешь Повелителя и свой новый мир, ты думала?

– Я просто спасала того, кого любила!

– Что ж, иногда за спасение любимых приходится платить. Чем ты недовольна?

– Мне страшно.

– Об этом надо было думать раньше. Ты добила всего, чего хотела. Или ты думала, отец вечно будет прощать тебя? У всего есть границы, Аида. Сегодня ты переступила последнюю черту.

– Слушай... – Я справилась со слезами, но голос все равно дрогнул. – Я не снимаю с себя ответственности, я виновата. Это была глупость, продиктованная эмоциями, но... не говори со мной так, словно я вас предала. Не говори со мной так, словно ты меня ненавидишь.

– Я не ненавижу тебя, – равнодушно откликнулся Самаэль. – Мне просто плевать. Отец верил в тебя, я – нет, но я не из тех, кто подвергает приказы сомнению. Ты доказала мою правоту.

– Плевать? Просто плевать?

– Да, Аида, понимаю, что для твоего эго это сложно, но мне плевать на тебя. Ты эгоистичная, взбалмошная и не очень умная девушка. Почти за год здесь ты не нашла ни друзей, ни близких, ни тех, кто тебя уважает. Все это время ты только и делала, что создавала проблемы, плевала на правила, не ценила чужое время и усилия, которые окружающие прилагали, чтобы принять тебя. Ты считала весь Мортрум своей игрушкой...

– Нет! Я...

– Ты не упускала случая напомнить, каким неправильным и отвратительным тебе кажется наш дом. Ни разу ты не задумалась, что кто-то из тех, кому ты постоянно ныла, может искренне любить мир, в котором он живет. Для тебя существовали только твои чувства. Твои желания. Ты признавала только свои убеждения.

– Я просто хотела домой! Туда, где меня любили!

– А за что тебя любить?

Я дернулась, словно от пощечины.

– Есть хоть что-то хорошее, за что тебя можно любить, Аида? Ты хоть кому-то помогла? Хоть для кого-то, кроме своего ненормального папаши, стала близкой? За что тебя любить, если единственное чувство, которое ты способна испытывать, – влечение к собственному брату?

– Между нами ничего и никогда не было.

– Я прекрасно знаю, что между вами было, – отрезал он. – И я устал уже делать вид, что ничего не замечаю, чтобы не расстраивать отца.

Вытерев слезы тыльной стороной ладони, я заставила себя успокоиться. Нечеловеческим усилием воли разжала кулаки, вытащив впившиеся до крови в ладони ногти.

– И что теперь? Суд? Аид? Что дальше, что у вас делают с предателями, Самаэль?

– Это решит Повелитель. Но то, что ты сделала, уничтожило все шансы на хоть какое-то будущее для тебя. Жаль, что я так и не смог заставить тебя повзрослеть.

Дверь скрипнула. Щелкнул тяжелый засов. Камеру поглотила тьма. С трудом нащупав край скамьи, я забралась на нее с ногами, сбросив дурацкие туфли.

Слез хватило всего на несколько минут, потом накатило странное равнодушие. Самаэль был чертовски прав: у меня нет ни друзей, ни тех, кто вступится за меня на суде. Харриет разве что, в качестве благодарности за поддержку. Но и ему меня навязали, как неотъемлемый атрибут наказания.

Тордек – всего лишь учитель. Пожмет плечами и уже завтра будет читать лекцию очередному потоку первокурсников, среди которых счастливо улыбающаяся Олив.

Разве что Ридж немного погрустит. В память о девушке, подружившейся с горгульями у его дома. О той, кого он спас от безумия. Но и то недолго: совсем скоро встретит новую красотку и расскажет ей очередную трогательную историю, любуясь ночным городом с потертого дивана напротив окна.

Дэваль.

Только бы его не наказали вместе со мной. Хватит с него шрамов.

Может, теперь Вельзевул поймет, что был несправедлив к нему. Может, снова начнет его любить, разочаровавшись в дочери.

Сколько раз я мысленно проклинала Самаэля, зануду, все время читающего нотации? Почему я ни разу не заметила, что чувствую себя с ним в безопасности? И почему сейчас, оставшись без его защиты, не могу пошевелиться в темноте, хоть и знаю, что никого рядом нет?

Где-то вдалеке капала вода. Если я пробуду здесь долго, этот звук сведет меня с ума.

– Так странно, – сказала я темноте. – Я так сильно не хотела никого любить, а теперь хочу, чтобы они любили меня.

Сунув руку в карман платья, я достала единственную вещь, с которой не расставалась с тех пор, как нашла ее.

Маленькое серебряное перышко на длинной цепочке.

– Не о такой дочери ты мечтала, да, мам?

Ева оказалась права. Когда не видишь солнца, не чувствуешь смену дня и ночи, понятие времени размывается. Я пыталась считать минуты, но быстро выдохлась и провалилась в беспокойный сон. Потом проснулась. И снова отключилась.

Я могла провести в темноте как несколько часов, так и несколько месяцев. Единственным свидетельством того, что время еще движется, была проклятая вода. Порой казалось, это такая изощренная пытка, потому что никогда я еще не хотела так сильно пить.

Голод тоже сопровождал мое заточение, но с ним можно было справиться. Ни голод, ни жажда, ни тьма не могли меня убить. Но как-то Самаэль сказал, что именно голод превращает души в Аиде в монстров. Постоянный невыносимый голод толкает их в бездну.

Нет, я не превращалась в монстра, думающего только о еде. Я вообще – сказались годы жесткой спортивной диеты – довольно быстро приспособилась к противному сосущему ощущению под ложечкой.

А вот без воды было тяжелее.

Губы пересохли, горло тоже. Капель где-то вдали сводила с ума. Стоило закрыть глаза – и я видела океан. Проплывающие в его глубине темные фигуры балеопалов. Низкие тучи. Брызги на серых скалах.

Просыпалась с глазами, воспаленными от слез, которых не было, и снова натыкалась на непроглядную тьму. Она, вопреки обыкновению, не становилась привычнее. Глаза не привыкали к отсутствию света и не различали очертания камеры. Порой мне казалось, я вообще потеряла способность видеть.

Но самое страшное – из памяти постепенно исчезали образы. Как будто тьма вокруг проникала в разум и заменяла собой самое дорогое, то, что держало на грани.

Лица папы, Хелен, Харриета и Риджа.

Мое собственное лицо.

Дэваля.

Его глаза и улыбку, которую я так редко видела, что не успела толком запомнить. Казалось, я еще успею это сделать, не раз увижу, как его губ касается самодовольная усмешка. Или как он против воли улыбается чему-то хорошему.

Если бы я знала, что скоро окажусь во тьме, я бы смотрела на него так долго, что никакое безумие не смогло бы вытравить из памяти образ.

Однажды я едва не потеряла перышко. Оно просто выскользнуло из ослабевших пальцев и нырнуло куда-то в темноту. Едва не задохнувшись от ужаса, я ощупывала пол до тех пор, пока не наткнулась на прохладный металл. Подвеска стала последней связью с прежней Аидой.

Если когда-то я и выйду отсюда, то ею больше не стану.

Прежняя Аида была сильнее.

Прежняя Аида не боялась темноты.

Иногда я слышала разное.

Голоса. Звуки. Шепот.

Я не сразу поняла, что они звучат лишь в воспаленном сознании. Иногда вскакивала, прижимаясь к двери, пытаюсь уловить хоть какой-то звук. Хоть чье-то присутствие.

Потом перестала.

Когда в очередной раз услышала лязг засова, лишь крепче сжала перышко, чтобы снова не потерять.

Ударивший в лицо свет показался нестерпимо ярким. Глаза заслезились. Из-за слез и боли я не сразу рассмотрела, кто открыл дверь. Сначала ощутила запах. Горько-пряный аромат, который удалось не забыть.

– Дэв... ты мне снишься...

– Нет. Это не сон.

И откуда только взялись силы? Вот я лежу на жесткой скамье, а вот уже обнимаю его за шею и чувствую, как из-за пересохшего горла не могу даже разреветься.

– Я тебя почти забыла. Я думала, больше никогда не увижу.

– Знаю. Прости. Меня не было слишком долго.

– Сколько? Сколько прошло времени?

– Почти три месяца.

Он прижал к моим губам фляжку, и я сделала несколько жадных глотков, а потом снова уткнулась в его грудь.

– Мне так жаль. Мне так жаль, Дэв, прости меня! Прости за то, что заставила тебя его спасти! Что он тебе сделал? Тебе больно?

– Тихо. Не плачь. Со мной все в порядке. Я тебя отсюда вытащу. Мы уйдем прямо сейчас, поняла? Тебе надо переодеться. Сможешь?

Мне в руки сунули сверток, в котором я нашла джинсы, футболку и его куртку. Руки едва слушались, но я заставила себя переодеться. Следовало смутиться, отказаться делать это при Дэвале, но одна мысль о том, чтобы заставить его уйти и снова оказаться в одиночестве, вызывала тошноту.

– Идем, нам надо как можно скорее отсюда убраться. Сможешь идти?

Я кивнула.

– Да. Я в порядке.

«Я так сильно тебя люблю. Я ненавижу сама себя за это чувство, но я так сильно люблю тебя, что не знаю, как жить с этим чувством».

Некоторые слова просто отказываются быть произнесенными.

Мы вышли из дома и остановились – от легких, наполнившихся свежим воздухом, закружилась голова. Я крепко сжимала руку Дэваля, боясь, что если отпущу, то силы резко кончатся и я упаду.

У ворот мы увидели Селин.

Я дернулась было, но она вдруг произнесла:

– Вы долго.

– Она там три месяца просидела без воды, – буркнул Дэваль.

– Давайте быстрее. Самаэль может вернуться, и тогда сидеть будем все вместе.

– Что происходит? – спросила я. – Мне не разрешили выйти? Почему меня вытащили вы?

– Не здесь, – отрывисто бросил Дэваль. – Подожди.

Мы двинулись по улицам Мортрума сначала к центру, а затем свернули на запад, к архиву. Беспрепятственно прошли через горгулий на входе, не обративших на нас ровным счетом никакого внимания, и остановились лишь у одной из дверей архива.

– Что мы здесь делаем? – спросила я.

Селин посмотрела на часы.

– У вас три минуты, не больше. Я ждать всю ночь не собираюсь.

– О чем она?

Дэваль дождался, когда Селин отойдет, и повернулся ко мне. Но несмотря на это, я внезапно поняла, что он избегает смотреть мне в

глаза. И порадовалась, что не сказала ничего лишнего. За три месяца многое могло измениться.

– Дэв, скажи что-нибудь. Потому что сил у меня не так уж и много. Поговори со мной, пожалуйста. Скажи, что все будет хорошо.

– Помнишь, – хрипло отозвался он, – о чем мы говорили, когда спасли твоего отца?

Я нахмурилась, восстанавливая в памяти события. Казалось, они произошли словно в другой жизни.

Однажды, когда я скажу, ты уйдешь. Раз и навсегда покинешь Мортрум. Вне зависимости от того, кого полюбишь и кого оставишь. Поняла? Одно мое слово в нужный момент – и ты вернешься в этот мир, навсегда забудешь о нашем.

И тут я поняла, для чего мы в архиве. Почему он привел меня сюда и зачем позвал Селин.

– Ты хочешь, чтобы я ушла?

– Да.

– Дэв... скажи, что ты так шутишь. Пожалуйста, скажи, что не ненавидишь меня.

– Я хочу, чтобы ты ушла.

– Но я все забуду. Я забуду тебя.

– Так будет лучше. Уходи. Сейчас.

– Ты всегда знал, что так будет. Давно все решил, да?

– Сдержи обещание, Аида! – Дэваль сорвался на рык, от которого я вздрогнула.

– Обними меня.

– Ты...

– Я уйду сейчас, обещаю. У нас есть еще минута. Обними, пожалуйста. Я хочу знать, что ты реальный. Что я не проснусь в темноте, под это жуткое «кап-кап» где-то вдалеке.

Осторожно, словно боясь сделать мне больно, Дэваль прижал меня к себе. На несколько секунд, закрыв глаза, провалившись в странную смесь воспоминаний и фантазий, я почувствовала себя почти счастливой. Слушая стук его сердца, считала удары.

– Ответь мне на вопрос.

Я отстранилась.

– Когда я уйду туда, на Землю, я потеряю память. Забуду обо всем, включая собственное имя. Я знаю. Наверное, это не так уж и плохо.

Но... что будет с бессмертием? Оно останется? Или исчезнет вместе с воспоминаниями о вашем мире?

По тому, как Дэваль отвел глаза, я все поняла.

– Ты настолько не можешь быть рядом, что обрекаешь меня на бессмертие в мире смертных? На то, чтобы я смотрела, как умирают мои друзья и родные? Наблюдала за меняющимся миром без возможности стать его частью?

«Я так сильно люблю тебя, что сильнее всего на свете хочу навсегда забыть».

– Вот. – Я вложила в его руку серебряное перышко. – Это от мамы. Я все равно ее забуду. А ты, если когда-нибудь окажешься в темноте и станет очень страшно... возьми.

Повернувшись к двери, ведущей в портал, я замешкалась лишь на пару секунд, борясь с желанием передумать. Нарушить обещание, сказать, что я никуда и ни за что не уйду, что буду сражаться. Если понадобится, со всем Мортрумом. С Вельзевулом, Самаэлем, Лилит. С каждым, кто посмеет сказать, что в мире мертвых мне нет места.

Но я не обернулась. Шагнула в свет не оглядываясь, со всей решительностью, на которую была способна.

На Земле начинался рассвет.

Пахло землей после дождя и совсем немного выпечкой – рядом я узнала пекарню.

Краем глаза заметила, как следом за мной из портала вышла Селин, но не стала оборачиваться или задавать вопросы. Полной грудью вдохнула свежий воздух.

Ну, здравствуй, дом.

– Ему тоже больно, – подала голос Селин. – Я знаю Дэваля. Если он кого-то и любит, то тебя.

– Плевать. Через пару часов все закончится. В больницу привезут девушку с амнезией. Потом найдут ей социальное жилье. Работу. Через несколько лет смогу позволить себе съемную квартиру и чашку кофе в «Старбаксе» по утрам.

– Тебе необязательно оставаться одной.

– У меня никого нет.

– Уверена?

Постепенно, словно воспоминания уже успели затеряться в дальних уголках памяти, я начала узнавать улочку с одинаково милыми

домиками. В одном из таких я выросла.

– Я ей не нужна, – покачала я головой. – Слишком много боли причинила.

– Не решай за других, что им нужно. В конце концов, через пару часов все действительно закончится. И ничто не мешает ей отправить тебя в социальное жилье.

Я сделала несколько неуверенных шагов по направлению к дому.

Повернулась, чтобы попросить Селин уйти, и увидела лишь пустую улицу. Портал в Мортрум закрылся, навсегда отрезав меня от мира мертвых. От его уютных улочек. Тайных баров. Несуразных горгулий. Замерзшей реки со следами лезвий одной невозможной несбывшейся принцессы.

Отверженного принца с океаном в глазах.

Вдох-выдох.

Я подняла руку и постучала.

Прошла целая вечность, прежде чем дверь открылась.

– Аида?!

– Привет, – улыбнулась я. – Можно мне вернуться, пожалуйста? Я так сильно хочу домой.